

АРТУР
КОНАН
ДОЙЛ

ВЕСЬ
ШЕРЛОК
ХОЛМС

Артур Конан Дойл

Весь Шерлок Холмс

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А.

Весь Шерлок Холмс / А. Дойл — «ФТМ», «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-105207-2

Произведения, на которых мы выросли, – и произведения, совершенно нам незнакомые. Все, что написал о великом сыщике с Бейкер-стрит сам сэр Артур Конан Дойл – от классических повестей до небольших рассказов. Но помимо произведений, принадлежащих перу Конан Дойла, в книгу вошли также рассказы о случаях из практики Холмса, о которых доктор Уотсон только упоминал. Эти рассказы «отец-создатель» лучшего из сыщиков собирался, но не успел написать, – и дописывали их его сын Адриан Конан Дойл и прославленный мастер английского детектива Джон Диксон Карр...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-105207-2

© Дойл А.
© ФТМ
© Издательство АСТ

Содержание

Этюд в багровых тонах	6
Часть первая	7
Часть вторая	43
Знак четырех	75
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Артур Конан Дойл, Адриан Конан Дойл, Джон Диксон Карр Весь Шерлок Холмс

Arthur Conan Doyle

Adrian Conan Doyle, John Dickson Carr

THE EXPLOITS OF SHERLOCK HOLMES

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств David Higham Associates Ltd и Synopsis.

© The Estate of Clarice M Carr, Richard H McNiven, Executor and Adrian Conan Doyle, 1954

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Этюд в багровых тонах

© Перевод. И. Дорониной, 2005

Часть первая

Воспоминания Джона Х. Уотсона, доктора медицины, отставного военного врача

1. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹ для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными неудачами и бедствиями.

Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила мне кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных газизов⁵, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея; он взвалил меня на вычную лошадь и благополучно доставил на британские позиции.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что уже ходил по палате и даже понемногу загорал на веранде, но тут меня внезапно сразил брюшной тиф – это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался так слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронт» и месяц спустя высадили в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем. Впрочем, отечески заботливое правительство разрешило мне использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер – по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все праздношатающиеся бездельники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя тоскливое и бессмысленное существование и тратя имевшиеся у меня деньги весьма беспечно. Вскоре мое финансовое положение стало ужасающим, и я понял, что должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо совершенно изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу послед-

---

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878–1880 годов.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 года; закончилась поражением британцев.

⁴ Афганцы использовали пули, начиненные осколками ржавого металла и гвоздей.

⁵ То есть свирепых мусульманских воинов, беспощадно уничтожавших «неверных».

него, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее фешенебельном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому решению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда работавшего у меня фельдшером в госпитале «Бартс»⁶. Одиному человеку всегда приятно увидеть дружеское лицо в необозримой пустыне Лондона. В прежние времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он тоже, казалось, искренне обрадовался встрече. В порыве чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчикшей пролетке.

– Что, черт возьми, происходило с вами все это время, Уотсон? – спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. – Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я кратко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

– Бедолага! – посочувствовал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. – И чем же вы занимаетесь теперь?

– Ищу жилье. Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену?

– Как странно, – заметил мой спутник, – за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

– А кто был первым? – поинтересовался я.

– Один мой приятель, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он присмотрел славную квартиру и сегодня утром жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять ее на двоих, – ему одному она не по карману.

– Вот это удача! – воскликнул я. – Если ему действительно нужен компаньон, чтобы разделить жилье и плату за него, я для него как раз то, что нужно. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем прозябать в одиночестве.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала немного странным взглядом.

– Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, – сказал он. – Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

– Почему? С ним что-то не так?

– О нет. Просто он слегка чудаковат – энтузиаст в некой отрасли знания, но, судя по всему, человек вполне порядочный.

– Он, наверное, изучает медицину? – предположил я.

– Нет. Я понятия не имею, что именно изучает Холмс. Кажется, он преуспел в анатомии и первоклассный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия очень бессистемны и необычны, но благодаря им Холмс накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

– И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? – удивился я.

– Нет. Холмс не из тех, кого легко разговорить, хотя бывает весьма словоохотлив, когда им овладевает некая фантазия.

– Я хотел бы с ним познакомиться. Если уж делить с кем-нибудь жилье, я предпочел бы человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и острых ощущений я еще недостаточно окреп. Всего этого я столько испытал в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

– Он наверняка у себя в лаборатории. Холмс либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему сразу после обеда.

---

⁶ Старейшая лондонская больница.

– Конечно, – обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд поведал мне еще кое-что об особенностях джентльмена, с которым я вознамерился соседствовать.

– Только если вы с ним не поладите, меня не вините, – предупредил он. – Я знаю о нем лишь то немногое, что успел выяснить во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

– Если мы не поладим, то попросту расстанемся, – ответил я и добавил: – Стэмфорд, по моему, вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или есть что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

– Не так-то просто выразить невыразимое, – рассмеялся он. – На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой, и порой это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу представить себе, как он дает другу щепотку новейшего растительного алкалоида – и не по злобе, уверяю вас, а из любви к научному эксперименту: чтобы скрупулезно зафиксировать симптомы воздействия яда. Но, надо отдать ему должное, полагаю, скорее и с полной готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у Холмса страсть к точному и проверенному знанию.

– В этом нет ничего дурного.

– Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избиения палкой трупов в прозекторской, это выглядит слишком уж эксцентрично.

– Избиения трупов?!

– Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образоваться синяки. Я своими глазами видел, как Холмс это продельывает.

– И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

– Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас у вас появится возможность составить о нем собственное представление.

При этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к концу коридора низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком и выстроившимися на полках вдоль стен, а кое-где стоящими как попало разнообразными пузырьками и склянками. На широких низких столах, расставленных без всякой системы, теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком.

– Я нашел его! Нашел! – сообщил он моему спутнику, бросаясь к нам с пробиркой в руке. – Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин, и ничего больше.

Найди он золотую жилу, большего восторга его лицо все равно не выразило бы.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Рад познакомиться, – сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не предполагал. – Вижу, вы прибыли из Афганистана.

– Господи, как вы это узнали? – Я был потрясен.

– Не важно. – Он усмехнулся чему-то своему. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

– С точки зрения химии это, безусловно, интересно, – ответил я. – Но что касается практической пользы...

– Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить безошибочно точ-

ный анализ следов крови? Идите же сюда! – Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к своему столу. – Давайте-ка добудем немного свежей крови. – Он вонзил себе в палец длинную иглу и всосал показавшуюся каплю крови химической пипеткой. – Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Видите, раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, Холмс всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

– Ха-ха! – ликующе воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. – Ну, что вы об этом думаете?

– По-моему, это очень тонкий анализ, – заметил я.

– Превосходный! Превосходный! Старый гваяколовый⁷ анализ чересчур громоздок и неточен, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее вообще теряет всякий смысл, если кровавые пятна оставлены несколько часов назад. А мой новый анализ, видимо, вообще не зависит от давности пятен. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне свободно топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

– В самом деле! – пробормотал я.

– Очень часто расследование упирается в эту единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрев его белье или одежду, нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, грязи или ржавчины, а может, это следы фруктового сока или что-то еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

– Вас следует поздравить, – заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело Мейсона из Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

– Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, – рассмеялся Стэмфорд. – Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

– И, уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, – подхватил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. – Нужно быть осторожным, – объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, – я много вожусь с ядами. – Холмс вытянул руку, и я заметил, что вся она покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

– А мы пришли по делу. – Стэмфорд уселся на высокий трехногий стул и мысом ботинка подтолкнул мне другой такой же. – Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы жаловались, что не можете найти напарника, который согласится оплачивать квартиру пополам с вами, я решил свести вас.

Шерлока Холмса, похоже, восхитила идея соседствовать со мной.

– Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, – пояснил он. – Думаю, она подошла бы нам по всем статьям. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

---

⁷ Слово происходит от названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякового дерева.

- Я сам всегда курил матросскую махорку, – ответил я.
- Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет мешать вам?
- Ни в коей мере.
- Так, позвольте прикинуть – какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и тогда я неделями не открываю рта. В таких случаях вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.
- Меня позабавил этот допрос, и я рассмеялся.
- У меня есть щенок бульдога, и я не выношу шума из-за моих расшатанных нервов; еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные – эти.
- Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? – встревожился Холмс.
- Это зависит от того, кто играет. Хорошая игра на скрипке – божественное удовольствие, плохая же...
- О, не беспокойтесь, – с радостным смехом перебил он меня. – Полагаю, мы договорились – то есть в том случае, если вас устроит квартира.
- Когда можно осмотреть ее?
- Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедem и все уладим.
- Отлично – ровно в полдень. – Я пожал ему руку.
- Оставив Холмса колдовать над его реактивами, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.
- Кстати, – вдруг спросил я, останавливаясь, – откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?
- Мой спутник загадочно улыбнулся.
- Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда Холмс все узнает.
- О! Тайна, не так ли? – воскликнул я, радостно потирая руки. – Это очень пикантно. Весьма признателен вам за то, что вы свели нас. Помните: «Вотще за Богом смертные следят. На самого себя направо ты взгляд»⁸.
- Ну, тогда постарайтесь направить взгляд на Холмса и узнать его. – Стэмфорд помахал мне на прощание рукой. – Желаю удачи, однако увидите: это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.
- Прощайте, – ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

2. Метод научной дедукции

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру на Бейкер-стрит, 221-б, о которой Холмс рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой: с двумя широкими окнами. Жилище показалось нам обоим столь идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была заключена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и дорожных сумок. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустро-

---

⁸ Александр Поуп. «Опыт о человеке в четырех эпистолах». Эпистола II, строки 1–2. (Перевод В. Микушевича.)

иться наилучшим образом. А покончив с этим, начали постепенно обживать свою новую квартиру.

Неудобным соседом Холмса со всей очевидностью назвать было нельзя: привычки он имел постоянные и мирные. Редко бодрствовал после десяти вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Порой он весь день проводил в химической лаборатории, иногда – в прозекторской, а время от времени – в долгих прогулках, которые, видимо, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда Холмс впадал в рабочий раж; но периодически она словно иссякала, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване с окаменевшим лицом, не произнося почти ни единого слова. В подобные периоды я замечал в глазах Холмса такую мечтательную отрешенность, что, не ведя он столь трезвый и воздержанный образ жизни, я заподозрил бы его в употреблении какого-нибудь наркотика.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к Холмсу и его жизненным устремлениям становился все глубже и настойчивее. Сама личность Холмса и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так худ, что казался значительно выше. Взгляд у Холмса был острый и пронизательный, за исключением тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; тонкий орлиный нос придавал лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что Холмс – человек волевой. Его руки, всегда перепачканные чернилами, изобиловали следами воздействия химических препаратов, хотя действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как Холмс манипулирует своим хрупким научным инструментарием.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе покушаться на его сдержанность, касающуюся всего, что связано с ним самим. Однако, прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы привлечь мое внимание. Здоровье позволяло мне выходить из дома только в очень теплую и солнечную погоду, а друзей, которые навещали бы меня и скрашивали монотонность моего повседневного существования, я не имел. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах меня неодолимо влекла тайна, окружавшая моего нового товарища, и я тратил немало времени, пытаясь проникнуть в нее.

Медицину Холмс действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он систематически и самообразованием, что позволило бы ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее страсть Холмса к определенного рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в весьма редких предметах настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошеломляли. Разумеется, никто не стал бы работать так усердно или копить знания так тщательно, если бы не стремился достичь какого-то конкретного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются глубиной познаний. Ни один человек не будет эксплуатировать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет весьма основательной причины делать это.

Невежество Холмса было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал почти ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля⁹, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако мое изумление достигло кульминации, когда я случайно обнаружил, что Холмс – полный

---

⁹ Карлейль, Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ.

невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца, показалось мне таким неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

– Вижу, вы удивлены. – Холмс с улыбкой наблюдал за обескураженным выражением моего лица. – Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

– Забыть?!

– Видите ли, – пояснил он, – по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит обставить по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или оказывается захлавленным стольким количеством ненужных вещей, что добыть его в случае необходимости просто невозможно. Человек же разумный очень избирателен по отношению к тому, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, нужных для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент у него исключительно богат, и содержит их он в идеальном порядке. Ошибочно полагать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может растягиваться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится выкидывать из головы какое-то из ранее приобретенных. Чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

– Но Солнечная система! – не унимался я.

– А какой мне в ней прок? – нетерпеливо перебил меня Холмс. – Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Но если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы это не составило бы никакой разницы.

Казалось бы, наступил подходящий момент, чтобы спросить, в чем именно состоит работа Холмса, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать кое-какие выводы. По словам Холмса, он не запоминал ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, набор знаний, которыми он обладал, должен указывать на род его занятий. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих Холмс обнаружил высочайшую осведомленность. Даже взял карандаш и записал их. Изучая составленный документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

Шерлок Холмс – границы знаний

1. *Знание литературы – ноль.*
2. *Знание философии – ноль.*
3. *Знание астрономии – ноль.*
4. *Знание политики – слабое.*
5. *Знание ботаники – неоднородное: хорошо осведомлен о свойствах белладонны, опиума и ядов в целом; о практическом садоводстве не знает почти ничего.*
6. *Знание геологии – практическое, но ограниченное: способен по внешнему виду отличать разные виды почв; после прогулок показывал мне пятна на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, какое в каком районе Лондона получено.*
7. *Знание химии – глубокое.*
8. *Знание анатомии – точное, но не систематизированное.*

9. *Знание истории криминалистики – исчерпывающее. Похоже, ему досконально известны подробности всех преступлений, совершенных в нынешнем столетии.*

10. *Хорошо играет на скрипке.*

11. *Прекрасно фехтует на деревянных мечах¹⁰, боксирует, блестяще владеет холодным оружием.*

12. *Обладает обширными практическими знаниями в области британского законодательства.*

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул свой список в огонь. «Если мне до сих пор не удалось понять, какую цель преследует человек, сочетая все эти знания и умения, и сообразить, какого рода призвание требует их всех, – сказал я себе, – то лучше сдаться сразу».

Выше я упомянул об искусной игре Холмса на скрипке. Мастерство его было действительно выдающимся, хотя и экстравагантным, как, впрочем, и все иные достоинства этого человека. То, что он умеет – и хорошо умеет – исполнять сложные сочинения, мне было отлично известно, поскольку по моей просьбе Холмс играл «Песни» Мендельсона и другие мои любимые произведения. Однако наедине с собой он редко извлекал из своей скрипки то, что можно было бы назвать собственно музыкой или хотя бы знакомой мелодией. По вечерам, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, Холмс небрежно водил смычком по струнам лежавшего на коленях инструмента. Иногда он извлекал печальные и мелодичные звуки. Иногда – фантастические и бравурные. Несомненно, игра на скрипке каким-то образом соотносилась с мыслями, владевшими исполнителем, но понять, помогала ли ему эта его «музыка» думать или, напротив, лишь выражала прихотливую фантазию, было выше моих сил. Я мог бы возразить против таких раздражающих музыкальных экспериментов, если бы в качестве компенсации за испытание моего терпения Холмс не заканчивал их обычно стремительно-последовательным исполнением целой серии моих любимых мелодий.

В течение первой недели или около того нас никто не посещал, и я уже заподозрил, что у моего компаньона, как и у меня самого, нет друзей. Однако вскоре обнаружилось, что у Холмса немало знакомых, причем из самых разных кругов общества. Был среди них, например, болезненного вида мужчина с темными глазами и крысиной мордочкой, которого мне представили как мистера Лестрейда; в течение одной недели он приходил раза три или четыре. Как-то утром явилась шикарно разодетая девушка и провела у Холмса с полчаса, а то и больше. В тот же день нас посетил еще один визитер: изможденный мужчина с проседью в волосах, похожий на торговца-еврея. Он показался мне весьма взволнованным. Сразу вслед за ним пришла пожилая женщина в стоптанных башмаках. Однажды с моим компаньоном беседовал старый джентльмен с белой как лунь головой; а в другой день пришел вокзальный носильщик в вельветиновой форме. Всякий раз, когда появлялась подобная непонятная личность, Шерлок Холмс просил разрешения воспользоваться нашей общей гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда приносил мне извинения за то, что был вынужден причинить неудобство. «Мне приходится использовать гостиную как рабочий кабинет, – говорил Холмс. – Эти люди – мои клиенты». В таких случаях опять представлялся удобный момент задать ему прямой вопрос, но деликатность снова и снова не позволяла мне насильно выведывать чужие секреты. В ту пору мне казалось, что у Холмса есть какая-то важная причина не раскрывать своих тайн, однако вскоре он сам развеял мои сомнения.

Это случилось четвертого марта (и было событием столь важным, что я точно запомнил дату). Проснувшись раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не кончил завтракать. Наша хозяйка так привыкла к моим поздним вставаниям, что ни моего прибора, ни моего кофе на столе еще не было. С необоснованной раздражительностью, свойственной мно-

---

¹⁰ Деревянные мечи используются вместо настоящих для обучения и тренировок.

гим людям, я позвонил в звонок, давая знать, что готов. Потом взял со стола журнал и стал просматривать его, коротая ожидание. Мой компаньон между тем продолжал молча жевать свой тост. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и я невольно начал просматривать именно ее.

Название было немного претенциозным – «Книга жизни». Автор статьи пытался показать, как много может узнать наблюдательный человек, если тщательно и методично изучает все, что встречается ему на пути. Статья поразила меня удивительной смесью проницательности и невразумительности. Ход мысли был логичным и убедительным, но выводы казались натянутыми и нарочито преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, произвольному сокращению мускулов или вскользь брошенному взгляду можно постичь самые потаенные мысли человека. По его словам, того, кто умеет наблюдать и анализировать, невозможно обмануть. Его безапелляционные умозаключения претендовали на безошибочность доказательств евклидовых теорем. Непосвященного выводы автора так ошеломляли, что, не имея возможности проследить за развитием мысли, приведшим к подобному результату, он мог бы счесть его колдуном.

«По одной капле воды, – утверждал автор, – логически мыслящий человек способен догадаться о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он никогда не видел ни того ни другого и не слышал о них. Жизнь всякого человека представляет собой длинную цепь взаимосвязанных событий, поэтому ее природу можно постичь по одному-единственному звену. Как любым иным видом искусства, искусством дедукции и анализа можно овладеть только посредством долгого и кропотливого труда, но жизнь слишком коротка, чтобы кто бы то ни было из смертных хоть отдаленно приблизился в нем к совершенству. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным аспектам проблемы, в которых заключаются самые большие трудности, исследователю надлежит приобрести более простые навыки. Например, при встрече с другим смертным научиться с первого взгляда распознавать его происхождение и профессию. Каким бы ребяческим ни казалось подобное занятие, оно обостряет наблюдательность и учит тому, на что следует смотреть и что искать. По ногтям человека, по рукавам его пальто, по обуви, по потертости брюк на коленках, по мозолям на указательном и большом пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки – по всем этим деталям можно точно угадать его ремесло. Почти невозможно представить себе, чтобы все они, вместе взятые, не рассказали все умелому наблюдателю».

– Какая несусветная чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол и приступая к завтраку. – Никогда в жизни не читал подобного бреда.

– Вы о чем? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье. – Я указал на открытую страницу яичной ложечкой. – Вижу, вы читали ее, поскольку отметили карандашом. Не спорю, написано лихо, но она раздражает меня. Не сомневаюсь, это теория какого-нибудь бездельника, который придумывает свои складные маленькие парадоксы, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла. В них нет никакой практической пользы. Хотел бы я видеть, как он садится в метро в вагон третьего класса и на спор определяет профессии всех своих спутников. Я поставил бы тысячу фунтов против одного не в его пользу.

– И потеряли бы свои деньги, – спокойно возразил Холмс. – А что касается статьи, то ее написал я.

– Вы?!

– Да. У меня есть склонность как к наблюдениям, так и к дедукции. А теории, которые я изложил в статье и которые показались вам столь сумасбродными, на самом деле имеют большую практическую пользу – настолько большую, что ими я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Но как именно? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня особая профессия. Полагаю, я единственный в мире человек, который ею занимается. Я – сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно, с помощью своих знаний в области истории преступлений, я помогаю им разобраться. Между преступлениями существует прочное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях о тысячах однотипных преступлений, было бы странно, если бы вы не разгадали тысячу первое. Лестрейд – известный сыщик. Недавно он запутался в деле о подлоге, оно-то и привело его ко мне.

– А те, другие люди?

– Их в основном присылают ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди попали в какую-нибудь беду и ищут помощи. Я выслушиваю их истории, они – мои разъяснения, после чего я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что способны, не выходя из комнаты, распутать клубок, с которым не справились другие, видевшие все своими глазами?

– Именно это я и хочу сказать. У меня есть интуиция на подобные вещи. Правда, время от времени попадают случаи несколько более сложные. Тогда приходится посуетиться и взглянуть на кое-что собственными глазами. Я, видите ли, обладаю множеством специальных знаний, коими пользуюсь для разрешения проблем; они удивительно облегчают дело. Приемы дедукции, изложенные в статье и вызвавшие у вас столь пренебрежительное отношение, в практической работе незаменимы. Наблюдательность – моя вторая натура. Вот вы, кажется, удивились, когда я при первой встрече угадал, что вы прибыли из Афганистана.

– Бьюсь об заклад, вам кто-то сообщил об этом.

– Ничего подобного. Я сам *узнал*, что вы приехали из Афганистана. Благодаря долгой практике последовательность умозаключений проносится у меня в голове так быстро, что я делаю вывод, бессознательно опуская промежуточные звенья. Тем не менее такие звенья существуют. В данном случае мысль моя развивалась так: «Вот джентльмен, явно имеющий отношение к медицине, но есть в нем и нечто от военного. Значит, он – военный врач. Он только что приехал из тропиков, поскольку лицо у него смуглое, причем это не естественный цвет его кожи, судя по светлым запястьям. Недавно он перенес невзгоды и тяжелую болезнь, о чем явно свидетельствует его изможденное лицо. Левая рука была у него ранена: он держит ее неестественно и старается оберегать. В какой тропической стране в настоящее время английский военный врач может получить ранение и подвергнуться испытаниям? Разумеется, в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, после чего я высказал предположение, которое вас так потрясло: что вы прибыли из Афганистана.

– Теперь, когда вы объяснили, все кажется действительно простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я и представить себе не мог, что подобные люди существуют в реальной жизни.

Шерлок Холмс встал и, раскурив трубку, заметил:

– Вы, безусловно, полагаете, что сделали мне комплимент, сравнив меня с Дюпеном. Но, по-моему, Дюпен был весьма ничтожной личностью. Этот его трюк, когда после четверти часа молчания он каким-нибудь вскользь брошенным замечанием дает понять, что прочел мысль собеседника, поверхностен и рассчитан на эффект. Не спорю, он не лишен кое-каких аналитических способностей, но, вне всякого сомнения, отнюдь не является исключительным феноменом, каким его, видимо, представлял себе По.

– А произведения Габорио¹¹ вы читали? – спросил я. – Отвечает ли вашим представлениям о настоящем сыщике Лекок?

Шерлок Холмс сардонически ухмыльнулся.

– Лекок был презренным «сапожником», – сердито ответил он. – В заслугу ему можно поставить разве что кипучую энергию. Эта книга меня просто бесит. Ему ведь нужно было всего-навсего установить личность заключенного. Я бы сделал это за сутки. У Лекока на это ушло не менее полугода. По этой книге сыщик должен учиться тому, как не следует работать.

Меня изрядно рассердил такой кавалерийский наскок на двух персонажей, коими я восхищался. Подойдя к окну, я стал смотреть на запруженную людьми улицу. «Этот человек, возможно, и очень умен, – сказал я себе, – но слишком уж самонадеян».

– В последнее время нет ни настоящих преступлений, ни истинных преступников, – ворчливо заметил Холмс. – Какой прок иметь мозги человеку нашей профессии? Я точно знаю, у меня их достаточно, чтобы прославить мое имя. Сейчас нет, да и раньше не было человека, который обладал бы такими обширными знаниями и был наделен таким талантом к расследованию преступлений, как я. А что толку? Расследовать-то нечего. В лучшем случае попадаетесь какое-нибудь неуклюже сработанное злодейство, мотив которого настолько очевиден, что даже полицейский из Скотленд-Ярда видит его насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше сменить тему.

– Интересно, что ищет вон тот парень? – Я указал на дюжего мужчину в простой одежде, который медленно шел по другой стороне улицы, напряженно всматриваясь в номера домов. Судя по тому, что в руке он держал большой голубой конверт, мужчина был посыльным.

– Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? – уточнил Шерлок Холмс. «Хвастун и позер! – подумал я. – Знает же, что я не могу проверить его догадку».

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, заметил номер на нашей двери и быстро пересек улицу. Мы услышали громкий стук внизу, рокочущий бас, затем тяжелые шаги на лестнице.

– Для мистера Шерлока Холмса. – Войдя в комнату, мужчина протянул конверт моему товарищу.

Вот и удобный случай для разоблачения. Ведь, выстрелив наугад, Холмс не предвидел такого оборота событий.

– Могу я задать вам вопрос, приятель? – спросил я невиннейшим голосом. – Какова ваша профессия?

– Посыльный, сэр, – сипло ответил он. – Просто моя форма сейчас в ремонте.

– А кем вы были раньше? – поинтересовался я, с чуть коварной усмешкой поглядывая на своего компаньона.

– Сержантом, сэр, королевской легкой морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Слушаюсь, сэр.

Он щелкнул каблуками, по-военному отсалютовал и удалился.

3. Тайна Лористон-Гарденс

Признаться, меня изрядно взволновало это новое подтверждение практической пользы теорий моего компаньона. Мое уважение к его способностям неизмеримо возросло. Однако в глубине души все еще копошилось тайное сомнение: не был ли весь этот эпизод подстроен заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем моему товарищу это могло понадобиться, оставалось за пределами моего разумения. Когда я снова посмотрел на Холмса, он уже закончил

---

¹¹ Габорио, Эмиль (1833–1873) – французский романист.

читать письмо, и взгляд его стал отсутствующим и тусклым: свидетельство того, что он глубоко погрузился в свои мысли.

– Как, скажите вы мне ради Бога, вам удалось это выяснить? – взмолился я.

– Выяснить – что? – раздраженно переспросил он.

– Как – что? То, что он отставной сержант морской пехоты.

– Мне некогда сейчас отвлекаться на пустяки, – резко ответил Холмс, но, спохватившись, улыбнулся и добавил: – Простите за грубость. Вы нарушили ход моей мысли, впрочем, быть может, это и к лучшему. Значит, сами вы не сообразили, что этот человек – сержант, бывший морской пехотинец?

– Конечно, нет!

– Мне было легче догадаться, чем объяснить, как я это сделал. Если бы вас попросили доказать, что дважды два – четыре, вас это тоже затруднило бы, хотя вы ничуть не сомневались бы в самом факте. Хотя человек находился на другой стороне улицы, я заметил большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его ладони. Это навело меня на мысль о море. Вместе с тем у него была военная выправка и предписанные уставом бакенбарды. Стало быть – морской флот. Вид этого человека средних лет не лишен важности и некой командирской осанки. Вам следовало заметить, как он держал голову и помахивал тростью. Выражение его лица тоже свидетельствовало о том, что это степенный, респектабельный мужчина. Все это и подсказало мне, что некогда он был сержантом.

– Потрясающе! – вырвалось у меня.

– Элементарно, – отозвался Холмс, хотя по его лицу я догадался, что ему польстили мое очевидное удивление и мое восхищение. – Только что я сказал вам, что в наши дни вывелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался – взгляните на это! – Он бросил мне через стол письмо, доставленное посыльным.

– Господи! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Это же ужасно!

– Это действительно, судя по всему, несколько выходит за обычные рамки, – спокойно заметил Холмс. – Не откажите в любезности прочесть мне письмо вслух.

Вот текст, который я прочел ему:

– «Мой дорогой мистер Шерлок Холмс!

Нынешней ночью в Лористон-Гарденс, 3, на Брикстон-роуд, произошло весьма неприятное событие. Около двух часов утра наш патрульный заметил свет в окне и, поскольку знал, что дом этот необитаем, заподозрил неладное. Дверь оказалась открытой, и в передней комнате, где нет никакой мебели, он обнаружил труп хорошо одетого джентльмена, в кармане которого были найдены визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, Огайо, Соединенные Штаты Америки. Никаких признаков ограбления и никаких улик, способных подсказать, как именно нашел свою смерть этот человек. По всей комнате видны следы крови, но на трупе – ни единой раны. Мы теряемся в догадках: как он попал в пустой дом; вообще все это дело – сплошной ребус. Если Вы сможете приехать сюда в любое время до полудня, то найдете меня здесь. Я сохранил все в *status quo* до получения Вашего ответа. Если же Вы прибыть не сможете, я сообщу Вам дополнительные подробности и буду чрезвычайно признателен, коли Вы любезно сообразоволяете высказать свое мнение.

Искренне Ваш *Тобиас Грегсон*».

– Грегсон в Скотленд-Ярде – самый толковый, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом – лучшие в этой в общем-то очень слабой команде. Оба быстрые и энергичные, но слишком уж консервативные. К тому же друг с другом на ножах: ревнивы, как две профессиональные красотки. Раз в этом расследовании участвуют оба, есть шанс здорово повеселиться.

Меня удивило спокойствие, с каким звучал его голос.

– Уверен, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Может, мне пойти привести вам кеб?

– Не знаю, поеду ли. Я ведь самый неисправимый на свете ленивец и не люблю зря сбивать ноги – это, конечно, когда я не в форме, в другое время бываю весьма проворен.

– Ну как же так! Ведь это именно тот случай, о котором вы мечтали.

– Мой дорогой друг, а какой мне в этом прок? Предположим, я распутая дело. Можете не сомневаться, что Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят мои лавры. Вот что значит быть лицом неофициальным.

– Но он просит вас помочь.

– Да. Он понимает, что я превосхожу его по всем статьям, и признает это, говоря со мной; но доведись ему говорить об этом с третьим лицом – язык проглотит. Тем не менее можно поехать посмотреть. Буду работать самостоятельно. Если ничего другого не остается, хоть посмеюсь над ними. Поехали!

Холмс быстро надел пальто и засуетился так, что стало ясно: летаргическая апатия сменялась мощным выбросом энергии.

– Берите шляпу, – распорядился он.

– Вы хотите, чтобы я ехал с вами?

– Да, если у вас нет более интересного занятия.

Минуту спустя мы уже сидели в пролетке, которая стремительно неслась по направлению к Брикстон-роуд.

Утро было туманное, небо затянули облака, коричневатая-серая дымка висела над крышами, будто отражение грязных улиц, простиравшихся вниз. Мой спутник находился в прекрасном настроении и непрерывно что-то болтал о кремонских скрипках и различиях между инструментами Страдивари и Амати¹². Что касается меня, то я молчал, меня угнетали пасмурная погода и прискорбность события, в которое нас вовлекли.

– Вы, кажется, не слишком озабочены предстоящим расследованием, – заметил я наконец, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– У меня пока нет данных, – ответил он. – А начинать теоретизировать до того, как имеешь на руках все улики, – большая ошибка. Это может впоследствии привести к ложным суждениям.

– Скоро вы получите данные. Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь. Извозчик, стой! – Мы находились ярдах в ста от нужного места, но Холмс настоял на том, чтобы последнюю часть пути мы прошли пешком.

Дом номер три в Лористон-Гарденс имел вид зловещий и словно таил в себе угрозу. Он стоял в ряду четырех зданий, выстроившихся вдоль узкого переулочка, отходящего от Брикстон-роуд. Два из них были населены, два пустовали. Эти последние смотрели на мир тремя шеренгами печальных пустых окон, которые казались бы еще более мрачными, если бы не наклеенные на них там и сям объявления «Сдается», напоминавшие бельма катаракты на помутневших слепых роговицах. Крохотные палисаднички, негусто окропленные чахлыми растениями, отделяли каждый дом от тротуара; их пересекали узкие желтоватые дорожки, покрытые скорее всего смесью глины и гравия. После дождя, который шел всю ночь, их развезло, грязь повсюду стояла невероятная. С внешней стороны палисадник был обнесен трехфутовой кирпичной стенкой с деревянными перилами поверху. Прислонившись к ней, у дома номер три стоял констебль в окружении небольшой группы зевак; они вытягивали шеи и напрягали зрение в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь из происходившего внутри.

---

¹² Амати из Кремоны – семейство, снискавшее в XVI–XVII веках славу великолепных скрипичных мастеров. Антонио Страдивари (1614–1737) – самый выдающийся их ученик.

Я представлял себе, что Шерлок Холмс тут же ринется в дом и погрузится в разгадывание тайны. Но он был чрезвычайно далек от подобного намерения. С беспечным видом, который при данных обстоятельствах почти граничил с притворством, Холмс слонялся туда-сюда по тротуару, отсутствующим взглядом обозревая землю, небо, дома на противоположной стороне и деревянные перила. Завершив свое обследование, он медленно двинулся по дорожке, точнее, по травяной кромке, обрамлявшей ее, не отрывая при этом глаз от земли. Дважды Холмс останавливался, один раз я заметил на его лице улыбку и услышал, как он издал довольный возглас. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов, но поскольку полицейские в последние часы беспрестанно ходили по ней взад-вперед, я не понимал, как мой компаньон надеется хоть что-нибудь узнать по этим затоптанным следам. Тем не менее я уже располагал неопровержимыми свидетельствами быстроты его реакции и незаурядной проницательности, поэтому вполне допускал, что Холмс увидит многое, скрытое от моего взора.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке. Он бросился навстречу моему товарищу и с излияниями благодарности пожал ему руку.

– Как любезно, что вы приехали, – сказал он. – Я оставил здесь все как было.

– Кроме этого! – возразил мой друг, указывая на дорожку. – Даже если бы тут прошло стадо буйволов, едва ли оно оставило бы после себя такое месиво. Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что, прежде чем допустить это безобразие, вы осмотрели следы и сделали выводы из своих наблюдений.

– У меня было столько дел в доме, – уклончиво ответил детектив. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс взглянул на меня и саркастически поднял бровь.

– При наличии двух таких профессионалов, как вы и Лестрейд, третьему лицу здесь почти нечего делать.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Полагаю, мы сделали все, что следовало, – ответил он. – Тем не менее дело это необычное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет, сэр.

– Тогда пойдемте осмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и вошел в дом, сопровождаемый Грегсоном, чье лицо выражало полное недоумение.

Короткий пыльный коридор с голыми стенами упирался в кухню и прочие подсобные помещения. Справа и слева имелись две двери. Одну из них, совершенно очевидно, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую. Это и была та комната, где случилось таинственное происшествие. Холмс вошел в нее, и я последовал за ним, испытывая глубокую подавленность, которую всегда вызывало во мне присутствие смерти.

Большая квадратная комната из-за отсутствия мебели выглядела еще более просторной. Стены были обклеены вульгарными обоями с кричащим рисунком, местами они покрылись пятнами плесени, а кое-где оторвались и свисали длинными лохмами, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери находился такой же безвкусно-шикарный камин с полкой из поддельного белого мрамора. На одном ее краю стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно было таким грязным, что пропускало в комнату лишь тусклый неверный свет, придававший всему находившемуся в ней уныло-серый оттенок. Это впечатление усугублялось толстым слоем пыли, покрывавшим всю квартиру.

Но все это я разглядел потом. А в первый момент мое внимание полностью сосредоточилось на одинокой, зловеще-неподвижной фигуре, которая лежала на полу, уставившись в

бесцветный потолок пустыми незрячими глазами. Это был человек лет сорока трех – сорока четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими вьющимися черными волосами и короткой щетинистой бородой. На нем были сюртук из плотного сукна, жилет, светлые брюки и безукоризненно белая рубашка. Шляпа с высокой тульей, идеально чистая, ничуть не поврежденная, лежала на полу рядом. Руки, стиснутые в кулаки, широко раскинуты, ноги сведены в мучительной предсмертной судороге. Застывшие черты выражали ужас и, как мне показалось, такую ненависть, какой я никогда еще не видел на человеческом лице. Эта злобная, чудовищная гримаса в сочетании с низким лбом, тупо обрубленным носом и выпирающими скулами придавала мертвецу вид обезьяны, усугублявшийся неестественно скрюченной позой. Мне случалось видеть смерть во многих обличьях, но никогда еще она не представляла более ужасающей, чем теперь, в этой плохо освещенной мрачной комнате, окно которой выходило на одну из главных артерий лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и, как всегда, похожий на хорька, приветствовал нас с Холмсом в дверях.

– Это дело вызовет много шума, сэр, – заметил он. – Оно затмевает все, что я видел до сих пор, а я не желторотый юнец.

– Нашли какие-нибудь зацепки? – спросил Грегсон.

– Никаких, – отрапортовал Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, опустившись на колени, внимательно осмотрел его.

– Вы уверены, что на нем нет ран? – спросил он, указывая на многочисленные брызги и разводы крови, видневшиеся повсюду.

– Абсолютно! – воскликнули разом оба детектива.

– Тогда кровь, разумеется, принадлежит второму лицу – предположительно убийце, если здесь действительно произошло убийство. Это напоминает мне обстоятельства, сопутствовавшие смерти ван Янсена, имевшей место в Утрехте в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем – вам будет полезно. Ничто не ново под луною. Все когда-нибудь уже было.

Пока Холмс говорил, его проворные пальцы порхали туда-сюда, ощупывая, надавливая, расстегивая пуговицы, изучая, между тем как взгляд хранил отсутствующее выражение, которое я отметил ранее. Осмотр был произведен так быстро, что едва ли кто-нибудь догадался бы, сколь он тщателен. В заключение Холмс обнюхал губы покойного и взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

– Его совсем не сдвигали с места? – спросил он.

– Не более чем было необходимо, чтобы осмотреть.

– Можете увозить в морг, – распорядился Холмс. – Больше мы от него ничего не узнаем.

У Грегсона наготове было четверо мужчин с носилками. По его приказу они вошли в комнату, подняли мертвеца и унесли. В тот момент, когда они перекладывали его на носилки, на пол, тихо звякнув, упало и покатилося кольцо. Лестрейд схватил его и стал озадаченно разглядывать.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, протягивая колечко на вытянутой ладони. – Это женское обручальное кольцо.

Мы сгрудились вокруг инспектора, уставившись на находку. Никто не сомневался, что некогда этот гладкий золотой ободок украшал палец новобрачной.

– Это осложняет дело, – сказал Грегсон. – Хотя, видит Бог, оно и без того достаточно запутанное.

– А вы не думаете, что это упрощает его? – спросил Холмс. – Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли у него в карманах?

– Вот, все здесь, – ответил Грегсон, выводя нас на крыльцо и указывая на кучку предметов, выложенных на нижней ступеньке. – Золотой брегет лондонской часовой фирмы «Барро» за номером 97163 на золотой альбертианской¹³ цепи, очень тяжелой и массивной. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка для галстука в виде головы бульдога с рубиновыми глазами. Визитница из русской кожи с карточками на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует меткам «ЕДД» на белье. Кошелек не было, но в карманах имелись деньги в сумме семи фунтов тринадцати шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце – имя некоего Джозефа Стэнджерсона. Два письма: одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое – Джозефу Стэнджерсону.

– Какой адрес на конвертах?

– Американский почтовый пункт, Стрэнд, до востребования. Оба письма отправлены из паровой компании «Гион» и касаются расписания судов этой компании, отплывающих из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы что-нибудь попытались узнать об этом Стэнджерсоне?

– Разумеется, сэр, первым делом, – ответил Грегсон. – Я разослал объявления во все газеты и отправил своего человека в Американский почтовый пункт, но он еще не вернулся.

– А запрос в Кливленд послали?

– Мы телеграфировали туда еще утром.

– Что вы написали в телеграмме?

– Просто обрисовали ситуацию и попросили сообщить нам любые сведения, которые могут помочь следствию.

– Вы не задали никаких конкретных вопросов, которые кажутся вам существенными?

– Я спросил о Стэнджерсоне.

– Больше ничего? По-вашему, нет здесь особого обстоятельства, на коем зиждется все это дело? Не хотите телеграфировать дополнительные вопросы?

– Я спросил все, что должен был спросить, – обиженно возразил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и собирался было сделать какое-то замечание, когда Лестрейд, который оставался в комнате, пока мы беседовали на крыльце, снова появился на сцене, торжественно и самодовольно потирая руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности: нашел улику, которая была бы упущена, не осмотрев я стены с должной скрупулезностью. – Глаза коротышки сверкали, он с трудом сдерживал ликование оттого, что утер нос коллеге. – Идите сюда, – позвал он, бросаясь в комнату, атмосфера которой словно немного очистилась после того, как унесли ужасного обитателя этой комнаты. – Встаньте-ка здесь! – Лестрейд зажег спичку, чиркнув ею о подошву, и, приблизив огонек к стене, с ликованием произнес: – Взгляните на это!

Я уже говорил, что в некоторых местах обои оторвались. В том углу, куда указывал Лестрейд, со стены свисал большой лоскут, обнажая желтый квадрат грубой штукатурки. Поперек него кроваво-красными буквами было написано одно слово:

RACHE

– Ну, что вы об этом думаете? – воскликнул детектив с видом балаганного зазывалы, желающего привлечь внимание публики к выступлению. – Этой надписи никто не заметил,

---

¹³ Цепь для карманных часов, составленная из массивных звеньев; свое название получила по имени Альберта (1819–1861), мужа королевы Виктории.

потому что она находится в самом темном углу, никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал – или написала – это собственной кровью. Взгляните на потек, здесь кровь стекала по стене! Это, во всяком случае, исключает версию самоубийства. Хотите знать, почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на каминной полке? В тот момент она горела, и этот угол был не самым темным, а самым освещенным участком стены.

– Ну и что означает эта ваша находка? – презрительно спросил Грегсон.

– Что означает? Ну как же, она означает, что человек хотел написать женское имя Рейчел, но что-то помешало ему закончить. Помяните мое слово, когда это дело будет раскрыто, окажется, что к нему так или иначе причастна некая женщина по имени Рейчел. Можете сколько угодно смеяться, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и догадливы, но, когда все уже сказано и сделано, нет ничего лучше старой ищейки.

– Простите великодушно! – извинился мой компаньон, который так рассердил коротышку, не сдержав смеха. – Разумеется, вам следует отдать должное как первому среди нас, кто нашел эту надпись. Она, как вы справедливо заметили, наверняка была сделана вторым участником таинственных событий, случившихся здесь прошлой ночью. Я не успел еще осмотреть комнату, но, с вашего позволения, сделаю это теперь.

Продолжая говорить, Холмс достал из кармана рулетку и большую круглую лупу и с этими двумя инструментами начал бесшумно обходить комнату, иногда останавливаясь, иногда опускаясь на колени, а однажды даже распластался ничком на полу. Поглощенный своим занятием, он, казалось, забыл о нашем присутствии: все время бормотал что-то себе под нос, то ворча, то присвистывая, то радостно издавая тихие одобрительные возгласы. Пока я наблюдал за ним, мне невольно пришло на ум сравнение с чистопородной, хорошо выдрессированной английской паратой гончей, стремительно мечущейся по лесной чаще в поисках утерянного следа. Холмс продолжал свои изыскания минут двадцать, а то и больше, тщательно вымеряя расстояния между некими неведомыми мне отпечатками и время от времени прикладывая рулетку к стене с равным образом непостижимыми для меня целями. В одном месте он очень аккуратно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и ссыпал ее в конверт. Наконец Холмс исследовал с помощью лупы надпись на стене, задерживаясь на каждой букве с дотошнейшим вниманием. Покончив и с этим, он, видимо, остался доволен, потому что спрятал в карман и рулетку, и лупу.

– Говорят, гений – это прежде всего способность неустанно прилагать усилия, – заметил с улыбкой Холмс. – Совершенно неправильное определение, но по отношению к работе сыщика оно справедливо.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-любителя с изрядным любопытством и отчасти с презрением. Судя по всему, они не поняли то, что начинало доходить до меня: все мельчайшие действия Шерлока Холмса направлены к одной определенной практической цели.

– Ну и что вы об этом думаете, сэр? – спросили они одновременно.

– Не хочу лишать вас заслуги раскрытия этого дела и претендую только на роль помощника, – скромно заметил мой друг. – Вы так успешно продвигаетесь вперед, что любое вмешательство неуместно. – Голос Холмса был преисполнен сарказма. – Однако если вы сочтете возможным держать меня в курсе вашего расследования, в дальнейшем я буду счастлив помочь чем смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, обнаружившим труп. Не сообщите ли мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свой блокнот и сказал:

– Его зовут Джон Рэнс. Сегодня он выходной, но вы сможете найти его по адресу Одли-Корт, сорок шесть, Кеннингтон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

– Пошли, доктор, – сказал он. – Навестим его. Готов все же сообщить кое-что, что поможет вам, – обратился он к детективам. – Здесь произошло убийство, убийца – мужчина. Это человек ростом более шести футов, в расцвете сил, у него маленькие для его роста ступни; он был обут в грубые ботинки с квадратными мысами и курил трихинопольскую сигару. Сюда он прибыл вместе со своей жертвой в четырехколесном кебе, запряженном одной лошадью с тремя старыми подковами и одной новой – на правой передней ноге. Скорее всего у убийцы красное лицо, а на правой руке необычно длинные ногти. Вот несколько незначительных примет, но, вероятно, они окажутся полезными вам.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Если этого человека действительно убили, то как это было сделано? – спросил первый.

– Яд, – коротко сообщил Холмс и решительно направился к выходу, но в дверях обернулся и добавил: – А «Rache» по-немецки означает «мсть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рейчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он удалился, оставив двух соперников с открытыми ртами.

4. Что рассказал Джон Рэнс

Был час дня, когда мы покинули дом номер три в Лористон-Гарденс. Шерлок Холмс повел меня в ближайшее отделение связи, откуда отправил длинную телеграмму. Потом он кликнул кеб и велел извозчику отвезти нас по адресу, сообщенному Лестрейдом.

– Нет ничего лучше, чем свидетельство очевидца, – заметил он. – В сущности, дело мне уже совершенно ясно, однако никакой информацией не следует пренебрегать.

– Вы меня удивляете, Холмс, – сказал я. – Бьюсь об заклад, вы не так уверены во всех тех приметах, которые изложили, как пытаетесь показать.

– Уверенней и быть невозможно, – ответил он. – Первое, что я заметил по прибытии, это две колесные колеи у края тротуара, проложенные кебом. Вплоть до прошлого вечера целую неделю дождя не было, значит, экипаж, от колес которого остался столь глубокий след, приехал сюда прошлой ночью. На земле имеются также отпечатки лошадиных подков, очертания одной из них гораздо более четкие, чем трех других, следовательно, эта подкова – новая. Поскольку кеб приехал сюда после того, как начался дождь, а сегодня утром никаких экипажей здесь не было – Грегсон заверил меня в этом, – следы оставлены ночью тем экипажем, который привез сюда обоих участников драмы.

– Хорошо, это действительно просто, – согласился я, – но как вы определили рост человека?

– Ну, рост в девяти случаях из десяти можно определить по длине шага. Рассчитать это совсем несложно, но я не хочу обременять вас цифрами. Следы этого человека отпечатались как на глине снаружи, так и в пыли внутри дома. Потом я имел возможность проверить свои подсчеты. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно держит руку на уровне глаз. Надпись сделана на высоте чуть выше шести футов. Детская задачка.

– А возраст? – настаивал я.

– Видите ли, если человек без малейших усилий перемахивает через препятствие длиной в четыре с половиной дюйма, его путь не может быть усеян желтой листвой. А именно такова длина лужи на садовой дорожке, которую он совершенно очевидно перешагнул. Лакированные туфли обошли ее, а тупоносые ботинки перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Просто я применяю в повседневной жизни кое-какие из тех приемов наблюдения и дедукции, которые отстаивал в своей статье. Вас еще что-нибудь смущает?

– Ногти и трихинополи, – вспомнил я.

– Надпись на стене сделана мужским указательным пальцем, смоченным кровью. С помощью лупы я увидел, что штукатурка была при этом слегка процарапана, чего не случилось бы при остриженных ногтях. Дальше. С пола я собрал немного рассыпанного пепла. Он оказался темным и чешуйчатым – такой пепел остается только от трихинопольских сигар. Я специально изучал разновидности сигарного пепла – даже написал об этом монографию. Без ложной скромности скажу, что могу по внешнему виду определить пепел любой из существующих марок сигар, а также трубочного табака. Именно знанием подобных вещей искусный сыщик и отличается от детективов типа Грегсона и Лестрейда.

– А красное лицо? – спросил я.

– А-а! Вот это был самый рискованный вывод, хотя, не сомневаюсь, правильный. Пока не просите меня объяснить его.

Я потер лоб и заметил:

– У меня голова идет кругом. Чем больше думаешь об этом деле, тем загадочней оно кажется. Как эти два человека – если их действительно было двое – попали в пустой дом? Куда подевался извозчик, который привез их? Как мог один человек уговорить другого принять яд? Откуда взялась кровь? С какой целью совершено убийство, если ограбление исключается? Как попало туда женское обручальное кольцо? И главное – зачем второй мужчина, прежде чем скрыться, написал немецкое слово «gache»? Признаюсь, я не вижу никакой возможности совместить все эти факты.

Мой компаньон одобрительно улыбнулся:

– Вы очень сжато и точно подытожили все сложности. Много в этом деле пока и впрямь остается смутным, хотя основные факты мне совершенно ясны. Что же касается открытия бедолаги Лестрейда, то это была всего лишь намеренная попытка направить полицию по ложному следу, заставив ее искать связь с поборниками социализма и их тайными обществами. Надпись сделана не немцем. Если вы заметили, буква «а» стилизована под готический шрифт, между тем как настоящий немец, несомненно, написал бы просто латинскую букву. Отсюда вывод: мы имеем дело не с немцем, а с неумелым, переигрывающим имитатором. Все это просто уловка, призванная увести следствие в сторону. Больше я вам ничего не расскажу, доктор. Вы же знаете, фокусник утрачивает доверие публики, как только разоблачает свои трюки, и, если я полностью раскрою перед вами секреты своего метода, вы сочтете меня в конце концов самой заурядной личностью.

– Вот этого не будет никогда! – горячо заверил я Холмса. – Вы превратили расследование преступлений в почти точную науку, и отныне это открытие будет вечно служить людям.

Мой компаньон самодовольно зарделся от моих слов и той серьезности, с какой я произнес их. Я уже имел случай заметить, что он был равнодушен к лести, касающейся его искусства, как девушка – к комплиментам по поводу ее красоты.

– Я еще кое-что скажу вам, – добавил Холмс. – Лакированные туфли и тупоносые ботинки прибыли в одном кебе и по дорожке проследовали вместе вполне дружелюбно – рука об руку, так сказать. Оказавшись внутри, они расхаживали по комнате – точнее, лакированные туфли стояли на месте, а расхаживали тупоносые ботинки. Все это я прочел по следам на пыльном полу; увидел я также и то, что мало-помалу тот, кто был в ботинках, все более распалялся. Об этом свидетельствует увеличивающаяся длина шагов. Он все время что-то говорил, несомненно, взвинчивая себя до состояния бешенства. Потом случилась трагедия. Ну вот, я рассказал вам все, что знаю сам, а остальное – пока лишь догадки и спекуляции. Тем не менее для работы у нас есть прочная основа; с нее можно начинать. А теперь нужно поторопиться, потому что я хочу успеть на концерт оркестра Халлэ¹⁴, сегодня с ним играет Норман-Неруда¹⁵.

---

¹⁴ Халлэ, Карл (Чарлз) (1819–1895) – немецкий музыкант и дирижер.

¹⁵ Норман-Неруда, Вильма (1839–1911) – моравская скрипачка.

Этот разговор происходил, пока наш кеб тащился по длинной веренице подозрительных грязных улиц и мрачных переулков. Заехав в самый сомнительный и мрачный из них, наш извозчик внезапно остановил лошадь.

– Одли-Корт – там. – Он указал на узкую щель между мертвенно-серыми кирпичными стенами. – Я буду ждать вас здесь.

Назвать Одли-Корт привлекательным районом ни у кого бы не повернулся язык. Узкий проход вывел нас в четырехугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный жалкими хибарами. Пройдя между стайками грязных ребятишек, поднырнув под веревки, на которых сушилось вылинявшее белье, мы добрались наконец до номера сорок шестого. На его двери красовалась маленькая медная табличка с выгравированной на ней фамилией: «Рэнс». Как выяснилось, констебль спал, нас проводили в крохотную гостиную и попросили подождать.

Констебль появился довольно скоро, но явно раздосадованный тем, что нарушили его покой.

– Я уже все доложил в участке, – сказал он.

Холмс достал из кармана полсоверена и многозначительно повертел его в пальцах.

– Нам хотелось бы услышать это непосредственно из ваших уст.

– Буду рад сообщить вам все, что смогу. – Констебль не сводил взгляда с блестящего золотого кружка.

– Пожалуйста, расскажите все по порядку.

Рэнс сел на диван, набитый конским волосом, сосредоточенно сдвинул брови, словно собиравшись с мыслями, чтобы ничего не пропустить, и сказал:

– Начну сначала. Моя смена – с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать часов в «Белом олене» произошла потасовка, но в остальном на моей территории все было как обычно. В час ночи полил дождь, и я встретил Харри Мерчера – ну, того, чей участок на Холланд-гроув, – мы с ним постояли, потрепались немного на углу Генриетта-стрит. Вскоре после этого – часа в два, может, чуть позже – я подумал, что нужно проверить, все ли тихо на Брикстон-роуд. Там была непролазная грязь и жутко пусто. Я не встретил ни души, только один или два кеба проехали мимо. Ну вот, тащусь это я по улице и размышляю: хорошо бы сейчас пропустить четырехпенсовый стаканчик горячего джина, глядь – а в окне того самого дома – свет. Ну, я же знаю, что в тех двух домах в Лористон-Гарденс никто не живет: ведь тот тип, которому они принадлежат, не соизволил прочистить там канализацию, хотя последний жилец, еще оставшийся в одном из них, умер как раз от брюшного тифа. Я устал как собака, однако, увидев свет в окне, заподозрил что-то неладное. Когда я подошел к двери...

– Вы остановились и вернулись к калитке, – перебил его мой компаньон. – Почему вы это сделали?

Рэнс аж подпрыгнул при этих словах и уставился на Шерлока Холмса с выражением крайнего изумления.

– Да, сэр, это так, – признался он. – Но, видит Бог, в толк не возьму, откуда вы это узнали. Понимаете, когда я подошел к двери, кругом было так тихо и безлюдно, что я подумал: неплохо бы прихватить с собой кого-нибудь. Вообще-то по эту сторону могилы я не боюсь ничего, но мне ведь что стукнуло в голову: уж не тот ли это парень, который умер от тифа, явился взглянуть на трубы, которые его доконали? Вот это-то и заставило меня вернуться к калитке – посмотреть, не видно ли где мерчерова фонаря, но ни Мерчера, ни кого другого поблизости не было.

– На всей улице?

– Ни живой души, сэр, даже собаки. Тогда я собрался с духом, пошел обратно и толкнул дверь. Внутри все было тихо, и я заглянул в комнату, где горел свет. Там на каминной полке трепыхалась свеча – красная, восковая, – и в ее свете я увидел...

– Да, я знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату по кругу, потом опустились на колено возле трупа, после чего двинулись к кухонной двери, подергали ее и...

Джон Рэнс вскочил на ноги с испуганным видом и подозрительно посмотрел на Холмса.

– А где же вы прятались, раз все это видели? – вскричал он. – Больно много вам известно. Холмс рассмеялся и бросил констеблю через стол свою визитку.

– Не надо арестовывать меня за убийство, – сказал он. – Я – гончая, а не волк; мистер Грегсон и мистер Лестрейд подтвердят это. Продолжайте, пожалуйста. Что вы сделали после этого?

Рэнс снова сел, хотя взгляд его оставался озадаченным.

– Ну, я опять пошел к калитке и засвистел в свисток. На мой свист сразу же явились Мерчер и еще двое.

– Улица и на этот раз была пуста?

– Можно и так сказать, во всяком случае, там не было никого, кто способен передвигаться на двух ногах.

– Что вы имеете в виду?

Лицо констебля расплылось в широкой ухмылке.

– Знаете, я на своем веку повидал немало пьянчуг, но такого мертвецки пьяного забулдыги еще никогда в жизни не встречал. Когда я вышел, он буквально лежал на перилах и во всю глотку орал песню «Вперед, Колумбия» и что-то про новый полосатый флаг. Какая от такого помощь – он и на ногах-то не держался.

– Какой это был человек? – спросил Шерлок Холмс.

Джона Рэнса, видимо, раздражало, что ему задают не относящиеся к делу вопросы.

– Какой-какой... Сильно пьяный, вот какой, – ответил он. – И ночевать бы ему в участке, если бы мы не были так заняты.

– А лицо, одежда, вы не обратили на них внимания? – настаивал Холмс.

– Как не обратить, нам же с Мерчером пришлось его поднимать. Он был длинный, с красным лицом, подбородок и рот закутаны шарфом...

– Этого достаточно! – воскликнул Холмс. – Что с ним случилось?

– Некогда нам было с ним вalandаться – и без того дел оказалось по горло. А вы за него не волнуйтесь – авось сам дополз как-нибудь до дома, что такому сделается?

– Как он был одет?

– В коричневый плащ.

– А хлыста у него не было?

– Хлыста? Нет.

– Возможно, он потерял его, – пробормотал мой компаньон. – Вы не видели или, быть может, слышали, не проезжал ли после этого поблизости кеб?

– Нет.

– Вот ваши полсоверена. – Холмс встал и взял шляпу. – Боюсь, Рэнс, вам никогда не подняться по службе. Голова предназначена не только для украшения, ею иногда надо думать. Прошлой ночью вы упустили свои сержантские лычки. Человек, которого вы ставили на ноги, – тот самый, кого мы ищем, и у него – ключ к разгадке этой тайны. Сейчас бесполезно что-либо объяснять, но, говорю вам, это именно так. Поехали, доктор.

Мы направились к ожидавшему нас кебу, оставив нашего информатора обескураженным: он, конечно же, не поверил Холмсу, однако был явно встревожен.

– Непроходимый дурак! – с горечью бросил Холмс, когда мы возвращались домой. – Подумать только: ему так повезло, а он проворонил свою удачу.

– Мне, пожалуй, все же неясно. Да, описание этого человека совпадает с воспроизведенным вами портретом второго участника таинственных событий. Но зачем он вернулся туда, откуда ему удалось сбежать? Преступники так не поступают.

– Кольцо, друг мой, кольцо – вот за чем он вернулся. И если у нас нет иной возможности поймать его, мы наверняка приманим его этим кольцом. Я поймаю его, доктор. Ставлю два против одного, что я поймаю его. И за все это я должен благодарить вас. Если бы не вы, я бы никуда не поехал и самый интересный шахматный этюд, какой мне когда-либо приходилось решать, прошел бы мимо меня. А если воспользоваться жаргоном живописцев, то можно назвать его этюдом в багровых тонах. Как вам? Багровая нить убийства вплетена в бесцветную ткань жизни, и наш долг найти ее, отделить и выставить напоказ, всю, до последнего дюйма. А теперь обедать – и слушать Норман-Неруду. Ее экспрессия и техника владения смычком восхитительны. Как там в этой вещице Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-лей¹⁶.

Откинувшись на спинку сиденья, этот ищейка-любитель залился веселой трелью, словно жаворонок, предоставив мне размышлять над многогранностью человеческого интеллекта.

5. Посетитель, явившийся по нашему объявлению

Утренние усилия оказались чрезмерным испытанием для моего слабого здоровья, к середине дня я чувствовал себя вконец измученным. После того как Холмс отправился в концерт, я лег на диван и попытался соснуть пару часов. Тщетно! Мозг мой был перевозбужден увиденным, в нем роились самые странные догадки и фантазии. Всякий раз, закрывая глаза, я видел перед собой гориллоподобную физиономию убитого мужчины. Впечатление, которое она произвела на меня, было столь зловещим, что я вопреки собственной воле испытывал лишь благодарность к тому, кто избавил мир от этого чудовища. Если когда-либо человеческое лицо так откровенно воплощало в себе зло в его крайнем проявлении, то это, конечно же, было лицо Еноха Дж. Дреббера из Кливленда. Тем не менее я понимал, что справедливость должна торжествовать, поскольку закон не считает порочность жертвы оправданием для убийцы.

Чем больше я размышлял, тем более выдающейся казалась мне гипотеза моего компаньона о том, что мужчину отравили. Я вспомнил, как Холмс обнюхал его губы, и понял: именно в тот момент он обнаружил нечто, натолкнувшее его на эту мысль. Опять же: если не яд, то что послужило причиной смерти, раз на трупе нет ни ран, ни следов удушения? Но с другой стороны, чья кровь оставила столь обильные следы на полу? В комнате не видно никаких признаков борьбы, и у жертвы не найдено оружия, которым он мог бы ранить своего противника. Я чувствовал, что, пока все эти вопросы остаются без ответа, уснуть будет нелегко как Холмсу, так и мне. Его спокойствие и уверенность в себе убеждали меня в том, что он уже составил теорию, объясняющую все эти факты, хотя, в чем она заключается, я не мог даже предположить.

Вернулся Холмс так поздно, что я догадался: побывал он не только в концерте. Ужин был подан еще до его возвращения.

– Это было восхитительно, – сказал он, усаживаясь за стол. – Помните, что говорит Дарвин о музыке? Он утверждает, что способность воспроизводить и воспринимать ее была присуща человечеству задолго до того, как оно обрело дар речи. Вероятно, именно поэтому музыка так неизъяснимо волнует нас. В наших душах хранится смутная память о тех туманных веках, когда мир находился еще в младенческом состоянии.

– Весьма смелая мысль, – заметил я.

– А человеческая мысль и должна быть такой же смелой, как сама природа, если претендует на то, чтобы постигать и объяснять природу, – ответил он. – Что с вами? Вы неважно выглядите. Наверное, это события на Брикстон-роуд выбили вас из колеи.

---

¹⁶ Шопен никогда не писал произведений для соло на скрипке.

– По правде сказать, так оно и есть, – признался я. – Хотя мне, с моим афганским опытом, следовало бы быть более стойким. Я ведь не терял присутствия духа даже тогда, когда у меня на глазах моих товарищей разрубали саблями на куски в битве при Мейванде.

– Это нетрудно понять. Тайна стимулирует воображение. Где нет воображения, там нет и страха. Вы видели вечернюю газету?

– Нет.

– В ней напечатан весьма детальный отчет о деле. Не упоминается лишь о женском обручальном кольце, которое выпало на пол, когда поднимали убитого. Но это как раз хорошо.

– Почему?

– Взгляните на это объявление, – вместо ответа предложил Холмс. – Сегодня утром, после осмотра места преступления, я разослал его во все вечерние выпуски.

Мой компаньон подвинул мне газету, и я взглянул туда, куда он указал. Объявление стояло первым в колонке «Находки»: «Сегодня утром на Брикстон-роуд, – говорилось в нем, – на участке между таверной «Белый олень» и Холланд-гроув, найдено гладкое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, 221-б, Бейкер-стрит, сегодня вечером с восьми до девяти часов».

– Простите, что без разрешения воспользовался вашим именем, – сказал Холмс. – Если бы я указал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы догадаться, в чем дело, и помешать.

– Не стоит извинений, – успокоил его я. – Но предположим, что кто-то действительно явится по объявлению. У меня ведь нет никакого кольца.

– Есть, вот оно. – Холмс протянул мне кольцо. – Почти неотличимо от оригинала – вполне сойдет.

– И кто, как вы ожидаете, откликнется на объявление?

– Ну как же, человек в коричневом плаще, разумеется, – наш краснолицый друг в тупоносых ботинках. Если он не придет сам, то пришлет сообщника.

– А он не сочтет, что это слишком опасно?

– Отнюдь. Если я правильно представляю себе дело, а у меня есть все основания так полагать, этот человек скорее рискнет, чем откажется от кольца. По моим соображениям, он обронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и не сразу обнаружил пропажу. Он заметил ее лишь после того, как покинул дом, и тут же бросился назад, но увидел, что туда уже прибыли полицейские – из-за его собственной оплошности: он забыл погасить свечу. Ему пришлось притвориться пьяным, чтобы отвести от себя подозрения, на которые могло бы натолкнуть его появление у калитки. А теперь поставьте себя на место этого человека. Хорошенько все обдумав, он, вероятно, решил, что потерял кольцо на дороге, когда убегал. Что он сделает дальше? Внимательно просмотрит вечерние газеты в надежде найти нужное сообщение в разделе найденных вещей. И его взгляд, конечно же, упадет на мое объявление. Он страшно обрадуется. Почему, собственно, он должен бояться ловушки? С его точки зрения, нет никаких причин связывать находку кольца с убийством. Он должен прийти. Он придет. В течение ближайшего часа вы увидите его.

– А потом?

– А потом вы оставите меня с ним наедине. У вас есть оружие?

– Старый табельный револьвер и несколько патронов к нему.

– Почистите-ка его и зарядите. Человек это отчаянный, и, хоть я надеюсь застать его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я отправился к себе в спальню и последовал совету Холмса. Когда я вернулся в столовую с револьвером, посуду со стола уже убрали, а Холмс предавался любимому занятию – царапал свою скрипку смычком.

– Сюжет сгущается, – сказал он, заметив меня. – Я только что получил ответ на свою телеграмму, посланную в Америку. Он подтверждает, что суть дела я представил себе правильно.

– И в чем же эта суть? – нетерпеливо спросил я.

– Надо бы мне поменять струны на скрипке, – заметил Холмс. – Положите револьвер в карман. Когда явится этот парень, говорите с ним самым обычным тоном. Остальное представьте мне. И не буравьте его взглядом – спугнете.

– Уже восемь, – сказал я, посмотрев на часы.

– Да. Он должен быть с минуты на минуту. Приоткройте, пожалуйста, дверь. Достаточно. А теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Благодарю вас. Занятную книжку купил я сегодня в букинистической лавке – «De Jure inter Gentes»¹⁷, издана на латыни в 1642 году в Льеже, в равнинной Шотландии. Когда этот маленький томик в коричневом переплете увидел свет, голова Карла еще прочно покоилась на его плечах¹⁸.

– И кто ее издал?

– Некий Филип де Круа. На форзаце почти совсем выцветшими чернилами написано: «Экслибрис Гульельми Уайта». Интересно, кем был этот Уильям Уайт? Должно быть, каким-нибудь юристом-догматиком семнадцатого века. В его почерке есть что-то «крючкотворское». А вот, полагаю, и тот, кого мы ждем.

У входной двери послышался отрывистый звонок. Шерлок Холмс по-кошачьи проворно встал и передвинул свое кресло поближе к двери. Мы услышали шаги служанки по коридору, потом лязг отодвигаемой щеколды.

– Доктор Уотсон здесь живет? – спросил отчетливый, хотя и довольно сиплый голос. Мы не слышали, что ответила служанка, но дверь захлопнулась, и кто-то стал подниматься по лестнице. Неуверенные и шаркающие шаги удивили моего компаньона. Посетитель медленно проследовал через коридор второго этажа и робко постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул я.

В ответ на мое приглашение в комнату вошел отнюдь не громила, какого мы ожидали, а очень старая сморщенная женщина, припадающая на одну ногу. Оказавшись на ярком свету, она беспомощно сощурилась и, неуклюже изобразив подобие книксена, уставилась на нас близорукими, беспрерывно моргающими глазами, нервно шаря при этом в кармане дрожащими пальцами. Я бросил взгляд на своего приятеля. У него был такой несчастный вид, что я с трудом сдержал улыбку.

Жалкая старуха достала из кармана смятую газету и ткнула пальцем в наше объявление.

– Я вот чего пришла-то, добрые господа, – сказала она, снова смешно приседая. – Золотое обручальное кольцо с Брикстон-роуд. Это кольцо моей дочки, Салли. Она замуж вышла – года еще не прошло. А муж у ней буфетчик, за границу плавает на пароходе, на этом как его... на «Юнион», вот. Ужас что будет, если он вернется, а у ней кольца нет. Он и обычно-то скор на расправу, а уж коли напьется... Вам же, наверное, надо знать, как она его потеряла, так я расскажу: пошла это она вчера в цирк с...

– Это оно? – перебил я, протягивая старухе кольцо.

– Слава тебе, Господи! – запричитала старуха. – Уж как Салли обрадуется-то сегодня. Ее это кольцо, оно самое.

– Где вы живете? – строго спросил я, берясь за карандаш.

– На Данкан-стрит, в Хаундсдиче, в тринадцатом доме. Ох, и далеко же это отсюда.

– Но путь из Хаундсдича к какому бы то ни было цирку не проходит по Брикстон-роуд, – резко заметил Холмс.

Старуха повернула к нему голову, пронзительно взглянула на него своими покрасневшими маленькими глазками и ответила:

---

¹⁷ «О международном праве».

¹⁸ Карл Первый – английский король, вступивший на трон в 1625 году, в 1649 году был обезглавлен.

– Этот господин ведь спросил меня, где я живу. А Салли проживает в другом месте: в меблированных комнатах, дом три по Мейфилд-плейс, в Пекхеме.

– Ваша фамилия...

– Соьер, моя фамилия Соьер, а ее теперь – Деннис, как у мужа, Тома Денниса. Он вообще-то человек смирный и трезвый, пока плавает. На работе его считают самым лучшим буфетчиком. Но уж как сойдет на берег – тут уж его ни от пивной, ни от шлюх не оттащишь...

– Вот вам ваше кольцо, миссис Соьер, – прервал я ее излияния, повинуюсь едва заметному знаку своего компаньона. – У меня больше нет сомнений, что оно действительно принадлежит вашей дочери, и я с радостью возвращаю его законной владелице.

Бормоча слова благодарности и моля Бога ниспослать мне всяческие милости за мою доброту, старуха аккуратно положила кольцо в карман и, все так же шаркая и прихрамывая, вышла. Когда мы услышали, что она начала спускаться по лестнице, Шерлок Холмс вскочил и бросился в свою комнату. Через несколько секунд он появился снова, одетый в ольстер¹⁹, с обмотанной платком шеей.

– Я прослежу за ней, – поспешно сказал он. – У старухи должен быть сообщник, и она приведет меня к нему. Дождитесь меня.

Не успела входная дверь закрыться за нашей посетительницей, как Холмс уже сбегал вниз по лестнице. Выглянув в окно, я увидел, что старуха ковыляет по другой стороне улицы, а за ней, на небольшом расстоянии, неотступно следует Холмс. «Либо его теория неверна, – подумал я, – либо он в настоящий момент приближается к самой сердцевине этой тайны». Излишне было просить меня дождаться его, я бы и сам не заснул, не услышав, чем кончилась его вылазка.

Холмс ушел около девяти. Я понятия не имел, долго ли он будет отсутствовать, но сидел, флегматично попыхивая трубкой и рассеянно скользя глазами по страницам «Жизни богемы» Анри Мюрже. Когда минуло десять, я услышал торопливые шаги служанки, идущей спать. В одиннадцать мимо моей двери куда более величавой поступью прошествовала, тоже отправляясь на покой, наша хозяйка. И только почти в полночь я услышал скрежет ключа. Едва Холмс вошел, я понял, что его постигла неудача, понял по выражению его лица: восхищение и досада боролись в нем. Наконец восхищение взяло верх, и он разразился добродушным смехом.

– Только бы мои приятели из Скотленд-Ярда не узнали об этом, – хохоча, сказал он и плюхнулся в кресло. – Я столько раз оставлял их в дураках, что уж они не упустят возможности поиздеваться надо мной. А сам я могу над собой посмеяться, поскольку знаю, что в конце концов все равно их обставлю.

– Да что случилось-то? – спросил я.

– О, эта история достойна рассказа, хоть она меня и несколько компрометирует. Виденное вами существо, отойдя на небольшое расстояние, вдруг сильно захромало, всячески демонстрируя, что стерло себе ногу. Потом старуха остановилась и окликнула проезжавший мимо четырехколесный кеб. Я постарался подобраться как можно ближе, чтобы услышать, какой адрес она назовет, но, как выяснилось, в этом не было никакой необходимости. Она проорала адрес так, чтобы было слышно на другом конце улицы: «Данкан-стрит, тринадцать, Хаундс-дич!» Я уж подумал было, что все так и есть, как рассказала старуха, но решил проверить и пристроился на запятках. Умением ездить на запятках каждый сыщик должен владеть в совершенстве. Так мы тряслись по брусчатке, нигде не останавливаясь, пока не прибыли на искомную улицу. Спрыгнув чуть раньше, чем экипаж подкатил ко входу, я небрежно двинулся по тротуару, словно праздный прохожий, и увидел, как кеб остановился, извозчик спрыгнул с козел, открыл дверцу и застыл в ожидании. Но из кеба никто не появился. Когда я поравнялся с извозчиком, тот лихорадочно обшаривал пустую кабину, после чего разразился каскадом

---

¹⁹ Ольстер – модель пальто, введенная в обиход белфастской (Ольстер) фирмой «Джон Г. Макги и К°».

таких витиеватых ругательств, каких я в жизни не слыхивал. Его пассажирки и след простыл, так что денежки свои он вряд ли когда-нибудь получит. Наведя справки в номере тринадцать, мы узнали, что дом принадлежит уважаемому обойщику по фамилии Кесуик и в нем никогда слухом не слыхивали ни о каких Сойерах или Деннисах.

– Не хотите ли вы сказать, – не поверил я своим ушам, – что эта немощная старуха на ходу выпрыгнула из кеба, да еще так, что ни вы, ни извозчик ничего не заметили?!

– Какая там, к черту, старуха! – сердито воскликнул Шерлок Холмс. – Это мы с вами безмозглые старухи, раз дали себя так провести. Наверняка мы имеем дело с молодым мужчиной, притом очень энергичным, да к тому же превосходным актером. Его представление было бесподобным. Он, несомненно, заметил, что за ним следят, и проделал этот трюк, чтобы ускользнуть от меня. Это доказывает, что человек, за которым мы охотимся, действует не в одиночку, как я и полагал, у него есть друзья, готовые пойти ради него на риск. Ну ладно, доктор, хватит, вижу, у вас сил совсем не осталось. Послушайтесь моего совета и отправляйтесь-ка в постель.

Я и впрямь чувствовал себя очень усталым, поэтому без возражений повиновался его предписанию. Холмс же остался в кресле перед догорающим камином, и в ночи я еще долго слышал меланхоличные звуки его скрипки, понимая, что он продолжает размышлять над странной загадкой, которую постановил себе непременно разгадать.

6. Тобиас Грегсон демонстрирует свои способности

На следующее утро газеты изобиловали материалами о «Брикстонской тайне», как они именовали ее. Каждая дала подробный отчет о происшествии, а некоторые, сверх того, посвятили ей еще и передовицы. В них я нашел кое-какую новую для себя информацию. В моей записной книжке до сих пор хранятся многочисленные вырезки и выписки, касающиеся этого дела. Вот краткий обзор отдельных из них.

«Дейли телеграф» отмечала, что в истории криминалистики редко встретишь трагическое происшествие, коему сопутствовали бы столь странные обстоятельства. Немецкая фамилия жертвы, отсутствие какого бы то ни было мотива, зловещая надпись на стене – все указывает на то, что это преступление – дело рук политических иммигрантов и революционеров. В Америке существует множество организаций социалистов; наверняка покойный нарушил какие-то из их неписаных законов, за что они преследовали его. Коснувшись вскользь Фемгехрихта²⁰, аква тофаны²¹, карбонариев, маркизы де Бринвилье²², теории Дарвина, мальтузианства и убийств на Рэтклиффской дороге, автор статьи в заключение обращал внимание правительства на необходимость осуществлять более строгий надзор за иностранцами, находящимися на территории Англии.

«Стэндард» делилась наблюдением, что подобное поругание законов страны, обычно происходящее именно при либеральных правительствах, – следствие брожения умов, которое ведет к ослаблению власти. Убитый американский гражданин несколько недель проживал в столице. Он квартировал в пансионе мадам Шарпентье, на Торки-террас, в Кэмберуэлле. В поездке его сопровождал личный секретарь мистер Джозеф Стэнджерсон. Они распрощались со своей квартирной хозяйкой во вторник 4-го inst.²³ и отправились на Юстонский вокзал с намерением сесть в ливерпульский экспресс. Чуть позже их видели на перроне вместе. После этого, вплоть до того момента, когда тело мистера Дреббера было найдено, как сообщается, в

---

²⁰ Тайные суды в средневековой Германии, осуществлявшие акты возмездия.

²¹ Яд, названный по имени сицилианки Тофаны.

²² Маркиза де Бринвилье – Мари Мадлен д'Обри (1630–1676), француженка, отравившая собственного отца, брата и сестер.

²³ Латинское обозначение «текущего месяца».

пустом доме на Брикстон-роуд, за несколько миль от Юстона, о них ничего не известно. Как попал туда мистер Дреббер и как нашел он свою смерть – вот вопросы, все еще окутанные мраком тайны. Ничего не известно и о местонахождении мистера Стэнджерсона. Обнадеживает лишь то, что в расследовании участвуют известные сыщики Скотленд-Ярда мистер Лестрейд и мистер Грегсон. Это дает основание надеяться, что свет в конце тоннеля появится скоро.

Газета «Дейли ньюс» высказывала уверенность, что преступление это политическое. Деспотизм континентальных правительств и их ненависть к либерализму привели к тому, что к нашим берегам прибывает множество людей, которые могли бы стать добропорядочными гражданами, не будь они отравлены воспоминаниями о том, что им пришлось пережить на родине. В среде этих людей действует свой строгий кодекс чести, любое нарушение коего карается смертью. Необходимо приложить все усилия, чтобы найти мистера Стэнджерсона, секретаря покойного, и уточнить особые привычки его шефа. Большой удачей можно считать то, что удалось узнать адрес пансиона, в котором они квартировали, чем мы всецело обязаны проницательности и энергии мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Мы с Шерлоком Холмсом вместе просматривали эти статьи за завтраком, и они, судя по всему, немало позабавили его.

– Я же говорил вам: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон внакладе не останутся.

– Ну, это смотря по тому, как обернется дело.

– Господь с вами, Уотсон, это не будет иметь ровным счетом никакого значения. Если парня поймут, это случится «благодаря их стараниям»; если он улизнет, то – «несмотря на их старания». Как говорится, кому вершки, а кому корешки. Что бы они ни наворотили, у них всегда найдутся защитники. «Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire»²⁴.

– Боже праведный, это еще что такое? – воскликнул я, услышав в прихожей и на лестнице топот множества ног, сопровождаемый громкими возмущенными возгласами нашей хозяйки.

– Это летучий отряд уличной сыскной полиции Бейкер-стрит, – совершенно серьезно объяснил Холмс.

Не успел он закончить фразу, как в комнату ворвалось с полдюжины самых замурзанных и оборванных беспризорников, каких я когда-либо видел.

– Смирно! – строго скомандовал им Холмс, и шестеро грязных сорванцов замерли в строю, словно маленькие диковинные изваяния. – Впредь являться сюда с докладом только Уиггину, остальным – ждать на улице. Ну что, Уиггинс, нашли?

– Никак нет, сэр, не нашли, – отрапортовал один из юнцов.

– Я особо и не надеялся. Но вы должны продолжать поиски – пока не найдете. Вот ваше жалованье. – Холмс вручил каждому по шиллингу. – А теперь марш отсюда и в следующий раз приносите новости получше.

Он махнул рукой, и мальчишки кубарем скатились по лестнице, как серая крысиная стайка; в следующую секунду их пронзительные голоса доносились уже с улицы.

– От этих маленьких попрошаек толку бывает больше, чем от дюжины полицейских, – заметил Холмс. – Один вид человека в форме лишает людей речи. А эти малолетки шныряют повсюду и все слышат. Вы не представляете себе, как они сметливы; им недостает только организованности.

– Вы наняли их для работы над брикстонским делом? – поинтересовался я.

– Да, мне нужно кое-что уточнить. Но это всего лишь вопрос времени. Ага! Сейчас новостей у нас будет в избытке! Вон идет Грегсон с сияющей от самодовольства физиономией. Не сомневаюсь, он направляется к нам. Ну, что я вам говорил? Остановился. А вот и он!

Бешено затрезвонил колокольчик, и через несколько секунд белобрысый сыщик взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и ворвался в нашу гостиную.

---

²⁴ «Глупец глупцу всегда внушает восхищение» (фр.).

– Мой дорогой коллега, – закричал он, тряся вялую руку Холмса, – поздравьте меня! Я сорвал покров с этой тайны, теперь все ясно как белый день.

Тревожная тень пробежала, как мне почудилось, по лицу моего компаньона.

– Вы хотите сказать, что напали на верный след? – спросил он.

– На верный след! – саркастически повторил Грегсон. – Сэр, этот человек уже сидит у нас под замком!

– И его имя?..

– Артур Шарпентье, младший лейтенант Военно-морского флота ее величества, – торжественно доложил Грегсон, потирая свои пухлые руки и надуваясь от важности, как индюк.

Шерлок Холмс с облегчением вздохнул; его поджатые губы расплылись в довольной улыбке.

– Присядьте и попробуйте вот эти сигары, – предложил он. – Мы сгораем от нетерпения узнать, как вам это удалось. Хотите виски с содовой?

– Не откажусь, – ответил детектив. – Чудовищное напряжение минувших дней вконец измотало меня. Я имею в виду, разумеется, не физическое, а умственное напряжение – ну, вы понимаете. Вам ли не оценить его, мистер Шерлок Холмс, ведь мы с вами – работники умственного труда.

– Это слишком большая честь для меня, – серьезно ответил Холмс. – Ну, не томите, поведайте нам, как вы пришли к столь успешному результату.

Удобно устроившись в кресле, Грегсон все с тем же самодовольным видом выпустил облачко сигарного дыма. Потом вдруг хлопнул себя по бедру и в пароксизме бурного веселья воскликнул:

– Самое забавное, что придурок Лестрейд, считающий себя таким умным, сразу взял абсолютно ложный след! Он гоняется за секретарем Стэнджерсоном, который имеет не больше отношения к делу, чем еще не родившийся младенец. Не сомневаюсь, к настоящему времени Лестрейд уже схватил его.

Эта мысль так позабавила Грегсона, что он зашелся смехом.

– И как же вы нашли ключ к разгадке?

– С удовольствием расскажу вам. Конечно, это все строго между нами, доктор Уотсон, – предупредил он меня. – Первая трудность, которую нам пришлось преодолеть, состояла в том, чтобы выяснить прошлое этого американца. Другой стал бы ждать, пока кто-нибудь откликнется на его объявление или придет сам, чтобы поделиться сведениями. Но не таков Тобиас Грегсон! Вы помните шляпу, лежавшую рядом с убитым?

– Да, – ответил Холмс. – Она куплена в магазине «Джон Андервуд и сыновья», Чемберуэл-роуд, сто двадцать девять.

Грегсон был явно разочарован.

– Не знал, что вы тоже это заметили. Вы туда ездили?

– Нет.

– Ха! – Грегсон воспрял духом и назидательно заметил: – Никогда не следует пренебрегать ни единой возможностью, какой бы незначительной она ни казалась.

– Для мощного ума не существует мелочей, – афористично заметил Холмс.

– Итак, я отправился к Андервуду и спросил его, не продавал ли он недавно шляпы такого-то фасона и такого-то размера. Справившись в своих учетных книгах, Андервуд выяснил, что одну такую шляпу действительно продал. Он послал ее мистеру Дребберу, остановившемуся в пансионе Шарпентье на Торки-террас. Так я узнал адрес.

– Умно, очень умно! – пробормотал Шерлок Холмс.

– Затем я навестил мадам Шарпентье, – продолжал сыщик, – и застал ее очень бледной и расстроенной. В комнате находилась также ее дочь – на редкость, доложу я вам, миленькая девушка; глаза у нее были красные, а когда я заговорил с ней, губы ее задрожали, что не укры-

лось от моего внимания. Я почуял запах добычи. Вам, конечно, знакомо это чувство, мистер Шерлок Холмс: когда нападаешь на след, по нервам словно пробегает волна вибрации. «Слышали ли вы о загадочной смерти своего недавнего квартиранта мистера Еноха Дж. Дреббера из Кливленда?» – спросил я. Мать кивнула. Было видно, что она не в состоянии вымолвить ни слова. А дочь разрыдалась. Это еще больше утвердило меня в мысли, что этим женщинам что-то известно. «В котором часу мистер Дреббер покинул ваш дом и отправился на вокзал?» – поинтересовался я.

«В восемь, – ответила мать, судорожно сглатывая, чтобы унять волнение. – Его секретарь мистер Стэнджерсон сказал, что есть два поезда: один в девять пятнадцать, другой в одиннадцать. Он собирался сесть на первый».

«И тогда вы видели его в последний раз?» – уточнил я.

Женщина изменилась в лице и смертельно побледнела. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы совладать с собой, после чего она с трудом выдавила одно-единственное слово: «Да», причем голос звучал хрипло и неестественно.

На несколько секунд наступило молчание, потом дочь спокойно и четко произнесла: «Мама, обман никогда до добра не доводит. Давай откровенно расскажем все этому джентльмену. Мы видели мистера Дреббера еще раз».

«Да простит тебя Господь! – воздев руки к небу, воскликнула мадам Шарпентье и тяжело опустилась в кресло. – Но ты только что погубила своего брата».

«Артур сам предпочел бы, чтобы мы были честны», – твердо возразила дочь.

«Расскажите-ка мне все прямо сейчас, – вмешался я. – Полуправда еще хуже, чем сокрытие истины. Кроме того, вы ведь не знаете, как много нам уже известно».

«Ну что ж, Алиса, это будет на твоей совести! – сквозь всхлипывания проговорила мать и, повернувшись ко мне, добавила: – Я расскажу вам все, сэр. Только прошу вас не думать, что моя тревога за сына вызвана страхом выдать его причастность к этому чудовищному делу. Мой сын не имеет к нему ни малейшего отношения. Тем не менее я, конечно же, боюсь, что в ваших глазах и в глазах других людей он может оказаться скомпрометированным. Впрочем, нет, это исключено: его безупречная честность, звание офицера и беспорочная репутация не позволят заподозрить его».

«Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это облегчить душу, чистосердечно открыв мне все факты, – посоветовал я. – Если ваш сын невиновен, это ему никак не повредит».

«Алиса, думаю, тебе лучше оставить нас наедине, – сказала мать, и дочь тут же удалась. – Итак, сэр, – продолжила мадам Шарпентье, – не собиралась я всего этого вам рассказывать, но раз уж моя несчастная дочь открыла карты, выхода у меня нет. А решившись, я поведаю все, не утаив ни малейшей подробности».

«Очень мудрое решение», – похвалил я.

«Мистер Дреббер прожил у нас около трех недель. Они с мистером Стэнджерсоном, его секретарем, судя по всему, путешествовали по Европе: заметив бирки «Копенгаген» на их чемоданах, я решила, что это было место их последней остановки. Стэнджерсон был человеком тихим и сдержанным, чего, увы, никак нельзя сказать о его хозяине. Тот вел себя грубо и развязно. В первый же вечер по приезде он в стельку напился. Признаться, после полудня его вообще редко видели трезвым. С прислугой он обращался фамильярно и допускал непристойные вольности. Но хуже всего то, что вскоре он стал позволять себе подобное и по отношению к моей дочери Алисе; слава Богу, что она по невинности своей не понимала, что означает манера, в какой мистер Дреббер неоднократно пытался говорить с ней. А однажды он дошел до того, что грубо схватил мою дочь и против ее воли поцеловал. Выходка была настолько безобразной, что даже собственный секретарь мистера Дреббера не сдержался и упрекнул его за поведение, не достойное настоящего мужчины».

«Но вы-то сами почему терпели все это? – спросил я. – Вы ведь в любой момент могли выставить его за дверь».

Мой вполне уместный вопрос вогнал мадам Шарпентье в краску. «Видит Бог, мне хотелось сделать это с самого первого дня по его приезду, – сказала она. – Но слишком уж велико оказалось искушение. Они платили каждый по фунту в день – это четырнадцать фунтов в неделю, а ведь сезон сейчас мертвый. Я вдова, служба моего мальчишка в военно-морском флоте недешево мне обходится. Признаюсь: я позарилась на деньги. Хотела сделать как лучше. Но последняя выходка постояльца переполнила чашу моего терпения, и я уведомила его, что отказываю ему от комнаты. Поэтому-то он и решил уехать».

«Продолжайте», – подбодрил ее я.

«У меня камень с души свалился, когда я увидела, как он отъезжает от дома. Мой сын сейчас в отпуске, но я не стала посвящать его во все эти неприятности, потому что сестру он боготворит, а нрав у него весьма крутой. Закрыв дверь за постояльцами, я испытала невероятное облегчение. Увы! Не прошло и часа, как у входной двери раздался звонок, и мне доложили, что мистер Дреббер вернулся. Он был чрезвычайно возбужден и совершенно очевидно пьян. Безо всякого разрешения он вломился в комнату, где сидели мы с дочерью, и буркнул мне что-то невразумительное насчет опоздания на поезд. Потом подошел к Алисе и, ничуть не смущаясь моим присутствием, предложил ей уехать с ним. «Вы уже не ребенок, – сказал он, – и никакой закон не может вам запретить это сделать». Денег, мол, у него более чем достаточно, так что «не обращайтесь внимания на свою старуху (это он обо мне) и поедemте прямо сейчас, будете жить, как принцесса». Бедная Алиса так испугалась, что сжалась в комок и отпрянула от него, но он схватил ее за руку и потащил к двери. Я закричала, и в этот момент в комнату вошел мой сын Артур. Что происходило дальше, не знаю – слышала лишь злобную ругань и невнятный шум драки. Я так испугалась, что боялась поднять голову. Когда же все-таки решилась взглянуть, то увидела, что Артур, смеясь, стоит в дверях с палкой в руке. «Думаю, этот храбрец нас больше не потревожит, – сказал он. – Но присмотрю-ка я за ним на всякий случай». С этими словами Артур взял шляпу и вышел на улицу. А на следующее утро мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Все это мадам Шарпентье рассказывала, постоянно всхлипывая и вздыхая. Временами голос ее звучал так тихо, что я едва разбирал слова. Тем не менее я все застенографировал, чтобы исключить возможность каких бы то ни было недоразумений в будущем.

– Весьма волнующее повествование, – зевая, заметил Шерлок Холмс. – Что было потом?

– Когда мадам Шарпентье замолчала, – продолжил Грегсон, – я понял, что все дело свелось теперь к одному обстоятельству. Пронзив ее взглядом, который, как я имел возможность убедиться, безотказно действует на женщин, я спросил, в котором часу ее сын вернулся домой. Она ответила, что не знает.

«Не знаете?»

«Нет; у него свой ключ».

«Но это было после того, как вы легли спать?»

«Да».

«А когда вы легли?»

«Около одиннадцати».

«Значит, ваш сын отсутствовал по меньшей мере два часа?»

«Да».

«А может, четыре или пять?»

«Может».

«Что он делал все это время?»

«Не знаю», – ответила она, побледнев так, что даже губы стали белыми.

Разумеется, остальное было делом техники. Выяснив, где находится младший лейтенант Шарпентье, я взял с собой двух полисменов и арестовал его. Когда я положил руку ему на плечо и предупредил, чтобы он безо всякого шума следовал за нами, Шарпентье нагло заявил: «Держу пари, вы арестуете меня по подозрению в убийстве этого мерзавца Дреббера». Поскольку мы ничего ему об убийстве не сообщали, такая догадливость выглядела весьма подозрительно.

– Весьма, – подтвердил Холмс.

– Палка, которую, по словам его матери, он прихватил, отправляясь вслед за Дреббером, по-прежнему находилась при нем. Это была здоровенная дубина.

– Ну и какова же ваша версия?

– Моя версия такова: он следовал за Дреббером до Брикстон-роуд. Там между ними произошла новая стычка, в ходе которой Дреббер получил удар дубиной, предположительно в подложечную ямку. От этого-то удара, не оставившего внешних следов на теле, и наступила смерть. В такую промозглую погоду на улице не было ни души, так что Шарпентье спокойно затащил тело жертвы в пустой дом. Что же касается свечи и крови, а также надписи на стене и кольца, то все это могло быть подстроено специально, чтобы ввести полицию в заблуждение.

– Отличная работа! – бодро похвалил Холмс. – Грегсон, вы делаете большие успехи. Не сомневаюсь, мы еще услышим о вас.

– Лыщу себя надеждой, что сработал недурно, – гордо согласился сыщик. – Молодой человек пожелал сделать заявление, согласно которому он шел за Дреббером некоторое время, пока тот не заметил его и не сел в кеб, чтобы избавиться от преследования. По дороге домой подозреваемый якобы встретил старого флотского приятеля и долго гулял с ним. На вопрос, где живет его приятель, Шарпентье не смог дать удовлетворительного ответа. По моим соображениям, общая картина преступления складывается на удивление полно. Но что доставляет мне особое удовольствие, так это мысль о том, что Лестрейд до сих пор идет по ложному следу. Не думаю, чтобы на этом пути ему улыбнулась удача. Ба, да вот и он сам!

Это действительно был Лестрейд; за разговором мы не услышали его шагов на лестнице, поэтому его появление в комнате было неожиданным. От самонадеянности и щегольства, обычно отличавших его манеру одеваться и вести себя, не осталось и следа. Лицо Лестрейда выражало растерянность и недоумение, а платье было измято и перепачкано грязью. Видимо, он пришел посоветоваться о чем-то с Шерлоком Холмсом, но, увидев своего коллегу, был раздосадован и смешался. Стоя посреди комнаты и нервно теребя в руках шляпу, Лестрейд явно не знал, что делать.

– Совершенно необычное дело, – сказал он наконец, – просто непостижимое.

– Вы находите, мистер Лестрейд? – язвительно спросил Грегсон. – Впрочем, я подозревал, что именно к такому заключению вы и придете. Вам удалось разыскать секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

– Этот секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон, – угрюмо ответил Лестрейд, – был убит в частной гостинице «Холидей» сегодня утром, около шести часов.

7. Свет во тьме

Сообщение, которым огорошил нас Лестрейд, было настолько важным и неожиданным, что в первый момент мы все потеряли дар речи. Грегсон вскочил с кресла, расплескав остатки своего виски. Я молча уставился на Шерлока Холмса. Тот сидел, плотно сжав губы и нахмутив лоб.

– Значит, Стэнджерсон тоже! – пробормотал он. – Сюжет усложняется.

– Он и без того был сложнее некуда, – ворчливо заметил Лестрейд, подвигая себе стул. – Кажется, я попал на заседание военного совета.

– Вы... вы уверены в том, что эта информация верна? – запинаясь, спросил Грегсон.

– Я только что сам обнаружил труп, – ответил Лестрейд.

– А мы здесь тем временем выслушали версию Грегсона, – заметил Холмс. – Не откажете ли теперь в любезности поведать нам обо всем, что вы видели и успели предпринять.

– Почему бы и нет, – отозвался Лестрейд, усаживаясь. – Признаться, я до сих пор придерживался мнения, что Стэнджерсон замешан в убийстве Дреббера, но, как показали последние события, был совершенно не прав. Одержимый своей идеей, я задался целью разузнать, что случилось с секретарем. Последний раз их видели вместе на Юстонском вокзале третьего числа около половины девятого вечера. В два часа утра следующего дня Дреббер был найден мертвым на Брикстон-роуд. Мне предстояло выяснить, чем занимался Стэнджерсон с двадцати тридцати до момента совершения преступления и куда делся потом. Я дал в Ливерпуль телеграмму с описанием его внешности и просьбой проследить за пассажирами всех судов, отплывающих в Америку, после чего начал объезжать гостиницы и пансионы в районе Юстона. Я рассуждал так: если Стэнджерсон не встретился со своим компаньоном в назначенный срок, то самое разумное для него устроиться на ночь где-нибудь поблизости, а на следующее утро снова поджидать партнера на вокзале.

– Они могли заранее условиться о месте встречи, – предположил Холмс.

– Так оно и оказалось. Все мои вчерашние поиски окончились неудачей. Сегодня я начал свой объезд с утра пораньше и в восемь часов прибыл в частную гостиницу «Холидей» на Литтл-Джон-стрит. На вопрос, не остановился ли у них мистер Стэнджерсон, я сразу получил утвердительный ответ.

– Вы наверняка тот самый джентльмен, которого он ожидает, – сказали мне. – Он уже два дня ждет какого-то джентльмена.

– Где он сейчас? – спросил я.

– Наверху, спит у себя в комнате. Он просил разбудить его в девять.

– Я поднимусь и сам разбужу его, – сказал я, надеясь, что мое внезапное появление заставит Стэнджерсона нервничать и, быть может, он невольно выдаст себя. Коридорный вызвался проводить меня до его комнаты, она находилась на втором этаже, в конце небольшого коридора. Указав мне нужную дверь, он собрался уже идти вниз, когда я увидел нечто, от чего у меня, несмотря на мой двадцатилетний опыт, похолодело внутри. Из-под двери, пересекая коридор, струилась тонкая извилистая красная ленточка; упираясь в плинтус на противоположной стене, она образовала небольшую лужицу крови. Я невольно вскрикнул, что заставило коридорного вернуться. Ему при виде крови и вовсе чуть не стало дурно. Дверь была заперта изнутри, но мы, дружно навалившись плечами, высадили ее. Окно в комнате было распахнуто, и под ним, скрючившись, лежал человек в ночной рубашке. Он, несомненно, был мертв, причем давно, поскольку конечности его уже окоченели. Когда мы перевернули его, коридорный сразу же признал в нем того самого джентльмена, который снял у них номер под именем Джозефа Стэнджерсона. Причиной смерти была глубокая колотая рана в левом боку; лезвие, видимо, достало до сердца. А теперь самое странное. Как вы думаете, что мы увидели, подняв головы?

Прежде чем Шерлок Холмс успел ответить, у меня от предчувствия чего-то ужасного по всему телу побежали мурашки.

– Слово «gache», написанное кровью на стене, – догадался Холмс.

– Точно, – подтвердил Лестрейд с суеверным ужасом, и мы все на миг онемели.

Было нечто зловеще неотвратимое и непостижимое в действиях таинственного убийцы, отчего его преступления казались еще более чудовищными. При мысли об этом мои нервы, ни разу не дрогнувшие на полях сражений, едва не сдали окончательно.

– Выяснилось, что убийцу видели, – продолжал Лестрейд. – Мальчик-посыльный из молочной лавки, разносивший заказы, шел по дороге, ведущей от конюшни к черному ходу

гостиницы, и заметил, что лестница, обычно лежавшая на земле, приставлена к открытому окну второго этажа. Мальчик прошел было мимо, но потом оглянулся и увидел, что по ней спускается мужчина. Однако делал он это так открыто и невозмутимо, что мальчик принял его за гостиничного плотника или столяра и особого внимания не обратил, хотя и отметил про себя: рановато, мол, начался у того сегодня рабочий день. По описанию мальчика, мужчина был высокого роста, с красным лицом, в длинном коричневом плаще. Должно быть, он ненадолго задержался в номере после убийства, потому что в умывальном тазу мы нашли красноватую воду – видимо, убийца вымыл руки перед уходом, а на простыне, которой он сознательно вытер нож, остались характерные пятна крови.

Когда Лестрейд описывал внешность убийцы, я с восхищением посмотрел на Холмса – описание в точности соответствовало составленному им портрету. Но на лице моего компаньона не было и намек на торжество или хотя бы удовлетворение.

– Вы не нашли в комнате ничего необычного, что могло бы дать ключ к разгадке? – спросил он.

– Нет. В кармане убитого лежал кошелек Дреббера, но в этом нет ничего странного, поскольку именно он всегда за него расплачивался. В кошельке остались нетронутыми восемьдесят с чем-то фунтов, значит, деньги убийцу не прельщали. Каковы бы ни были мотивы этих странных преступлений, грабеж определенно исключается. В карманах жертвы мы не нашли ни документов, ни записок, только телеграмму, отправленную из Кливленда около месяца тому назад. Текст такой: «Дж. Х. в Европе». Без подписи.

– И ничего больше? – спросил Холмс.

– Ничего существенного. На кровати лежала книжка, которую убитый, видимо, читал на сон грядущий, а на стуле возле кровати – трубка. На столе стоял стакан с водой, а на подоконнике – коробочка для лекарств с двумя пилюлями.

При этих словах Холмс вскочил и торжествующе воскликнул:

– Вот оно, последнее звено! Теперь все сошлось.

Сыщики посмотрели на него с недоумением.

– Теперь, – доверительно сообщил мой компаньон, – у меня в руках кончики всех нитей, сплетенных в этот клубок. Разумеется, придется уточнить кое-какие мелочи, но все основные события, случившиеся с того момента, как Дреббер расстался со Стэнджерсоном на вокзале, и до того, когда был обнаружен труп последнего, ясны мне так, словно происходили на моих глазах. И я готов представить тому доказательство. Не заберете ли оттуда эти пилюли?

– Они у меня. – Лестрейд вынул из кармана маленькую белую коробочку. – Я прихватил и их, и кошелек, и телеграмму, чтобы доставить в участок в качестве вещественных доказательств. Пилюли я, правда, поначалу и брать не хотел, поскольку не думаю, что они представляют интерес для следствия.

– Дайте их мне, – попросил Холмс. – Скажите-ка нам, доктор, – он повернулся ко мне, – это обычные пилюли?

Обычными эти пилюли – жемчужно-серые, маленькие, круглые и почти прозрачные, если смотреть на свет, – совершенно очевидно не были.

– Судя по весу и прозрачности, – сказал я, – можно предположить, что они растворяются в воде.

– Вот именно, – подтвердил мое наблюдение Холмс. – А теперь окажите мне услугу: спуститесь, пожалуйста, вниз и принесите сюда того несчастного терьера, так давно и безнадежно хворающего, что наша хозяйка еще вчера просила вас избавить его от страданий.

Я принес собачку. Хриплое затрудненное дыхание и остекленевший взгляд животного свидетельствовали о том, что конец его близок. По матово-белому носу терьера нетрудно было догадаться, что он давно перешагнул порог своего земного собачьего срока. Я осторожно опустил его на подушечку для ног, лежавшую на ковре.

– Сейчас я разрежу одну из этих пилюль пополам. – Взяв перочинный нож, Холмс привел свои слова в исполнение. – Одну половинку кладем обратно в коробочку, она нам еще может пригодиться. Другую положим в стакан и зальем чайной ложкой воды. Как видите, наш друг доктор совершенно прав: пилюля сразу растворилась.

– Это, конечно, очень интересно, – сказал Лестрейд, явно подозревающий, что над ним издеваются, – но какое отношение это имеет к смерти мистера Джозефа Стэнджерсона?

– Терпение, мой друг, терпение! Скоро вы увидите, что это имеет к ней самое прямое отношение. Добавим чуточку молока, чтобы подсластить жидкость, и угостим ею собачку; угощение должно ей понравиться.

Продолжая говорить, Холмс вылил содержимое стакана в блюдце, поставил его перед терьером, и тот быстро вылакал смесь. Серьезность, с какой Холмс проделывал все эти манипуляции, была настолько убедительна, что мы молча внимательно наблюдали за собакой, ожидая необычного эффекта. Между тем ничего не происходило. Песик продолжал расслабленно лежать на подушке, все так же тяжело дыша. В его состоянии, судя по всему, не произошло никаких перемен – ни к лучшему, ни к худшему.

Холмс вынул из кармашка часы и стал следить за временем, но, по мере того как минута проходила за минутой, а результата все не было, выражение лица у него становилось все более огорченным и разочарованным. Закусив губу и нервно барабанил пальцами по столу, Холмс всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение. Он так волновался, что мне стало искренне жаль его. Сыщики насмешливо улыбались, несомненно, радуясь его неудаче.

– Совпадение исключено, – не выдержал наконец Холмс и, вскочив, начал широкими шагами расхаживать взад и вперед по комнате. – Нет, таких совпадений не бывает. Пилюли, существование которых я заподозрил еще после смерти Дреббера, действительно найдены на месте убийства Стэнджерсона. Однако они не действуют. Что бы это значило? Ход моих умозаключений не мог быть неверным. Это просто невероятно! Тем не менее несчастный пес все еще жив. Бог мой, так вот в чем дело! Я все понял! – С этим радостным возгласом Холмс бросился к коробочке, разрезал вторую пилюлю, растворил ее, добавил молока и подвинул блюдце под нос терьеру. Не успело несчастное создание лизнуть эту новую смесь, как по всем его четырем конечностям пробежала конвульсия и пес, вытянувшись, замер неподвижно, словно пораженный молнией.

Шерлок Холмс с облегчением сделал длинный выдох и утер пот со лба.

– Мне надо больше доверять самому себе, – сказал он. – Пора бы уже усвоить: если факт на первый взгляд противоречит всей последовательности умозаключений, это означает лишь то, что он имеет какое-то иное толкование. Из двух пилюль, находившихся в коробочке, одна представляет собой смертельный яд, другая же – абсолютно безвредна. Мне следовало догадаться об этом еще до того, как я увидел их.

Последнее замечание показалось мне настолько бесосновательным, что я усомнился, в здравом ли Холмс уме. Но перед нами лежала мертвая собака, и это доказывало, что догадка моего компаньона верна. Мало-помалу туман в моей голове начал рассеиваться и забрезжило смутное понимание ситуации.

– Все это может удивить вас, – продолжал между тем Холмс, – поскольку в самом начале расследования вы недооценили важность единственного обстоятельства, которое давало реальный ключ к разгадке. Мне же посчастливилось ухватиться за него, и все, что происходило дальше, лишь подтверждало мое изначальное предположение и логически вытекало из него. Вот почему то, что обескураживало вас и, как казалось, смешивало все карты, для меня все больше проясняло дело и подтверждало мои выводы. Серьезная ошибка – путать странность с тайной. Самое обычное преступление зачастую представляется самым таинственным, потому что ему не сопутствуют ни новые, ни особые обстоятельства, способные дать пищу для размышлений и умозаключений. Это убийство было бы неизмеримо труднее раскрыть, если бы

тело жертвы нашли на дороге, и картина лишилась бы того утрированного и сенсационного антуража, который делает его столь примечательным. Все эти странные детали отнюдь не усложняют расследование, напротив, упрощают его.

Мистер Грегсон, дожидавшийся окончания этой тирады с нескрываемым нетерпением, наконец не выдержал:

– Послушайте, мистер Шерлок Холмс, мы все готовы признать, что вы очень сообразительны и разработали собственный уникальный метод расследования. Но сейчас хотелось бы чего-то большего, чем абстрактные теории и поучения. Речь идет о том, чтобы схватить убийцу. Я шел своим путем и, судя по всему, ошибся. Молодой Шарпентье не может быть причастен ко второму убийству. Лестрейд преследовал своего предполагаемого преступника, Стэнджерсона, и скорее всего тоже ошибался. Вы же только сыплете намеками и даете понять, что знаете гораздо больше нашего. По-моему, мы уже имеем право спросить прямо: что вам известно об этом деле? Вы можете назвать имя убийцы?

– Вполне согласен с Грегсоном, сэр, – подхватил Лестрейд. – Каждый из нас предпринял свою попытку, и мы оба потерпели неудачу. Вы не раз с момента моего прихода повторили, что располагаете всеми необходимыми уликами. Думаю, вам не следует больше скрывать их от нас.

– Если медлить с арестом убийцы, – присоединился я к ним, – он может совершить еще какое-нибудь злодеяние.

Под нашим дружным напором Холмс, похоже, заколебался. Опустив голову и нахмутив брови, как делал всегда, когда что-то обдумывал, он продолжал мерить шагами комнату.

– Убийств больше не будет, – сказал он наконец, внезапно остановившись и подняв голову. – В этом можете не сомневаться. Вы спросили меня, знаю ли я имя преступника. Знаю. Но знать имя преступника еще не значит поймать его. А это я намерен сделать в ближайшее время. У меня есть серьезные основания полагать, что мне это удастся благодаря предпринятым заранее мерам. Но действовать надо чрезвычайно осторожно, так как мы имеем дело с очень ловким и отчаянным человеком. У него, как я уже доказал, есть сообщник, не менее искусный, чем он сам. Пока этот человек не догадывается, что его замысел раскрыт, остается шанс обезвредить его; но если у него возникнет хоть малейшее подозрение, он тут же сменит имя и вмиг растворится в четырехмиллионной массе жителей этого огромного города. Отнюдь не желая обидеть кого-либо из вас, вынужден все же заметить, что полиции подобные субъекты не по зубам, вот почему я и не прибегаю к вашей помощи. Если я потерплю неудачу, вся ответственность за провал, разумеется, ляжет на меня, в этом я отдаю себе полный отчет. Пока же обещаю, что, как только смогу рассказать вам все, не подвергая угрозе свой план, я немедленно это сделаю.

Грегсона и Лестрейда его заверения явно не удовлетворили, а уничижительный намек на несостоятельность уголовной полиции возмутил их. Первый сыщик вспыхнул до корней своих белобрых волос, глазки-бусинки другого заблестели от негодования, но отчасти и от любопытства. Однако не успел ни один из них произнести ни слова, как раздался стук в дверь и на пороге появился полномочный представитель чумазных беспризорников, юный Уиггинс, собственной непрезентабельной и сомнительной персоной.

– Разрешите доложить, сэр, – выпалил он, прикладывая руку к несуществующему козырьку, – кеб ждет у дверей.

– Молодец, – похвалил его Холмс и, достав из ящика стола пару стальных наручников, обратился к сыщикам: – Почему Скотленд-Ярд не пользуется этой моделью? Вы только посмотрите, как легко и быстро защелкиваются на ней замки.

– Нам и старая сойдет, – огрызнулся Лестрейд. – Было бы на ком защелкивать.

– Ну что ж, вам виднее, – улыбнулся Холмс. – Пусть извозчик снесет вниз мой багаж. Уиггинс, попросите его подняться.

Я был немало удивлен: оказывается, мой компаньон собирался уезжать, не сказав мне ни слова. В комнате действительно стоял небольшой дорожный саквояж. Холмс выдвинул его на середину и, встав на колени, начал затягивать ремни. За этим занятием и застал его вошедший в гостиную извозчик.

– Помогите мне, пожалуйста, с замком, – не поднимая головы, обратился к нему Холмс.

Парень подошел к нему с видом, не лишенным угрюмой дерзости, и протянул руки к саквояжу. В тот же миг раздался резкий щелчок, металлический лязг, и Шерлок Холмс, вскочив на ноги и сверкнув глазами, воскликнул:

– Джентльмены, позвольте представить вам мистера Джефферсона Хоупа, убийцу Еноха Дреббера и Джозефа Стэнджерсона!

Все произошло молниеносно, я даже не успел сообразить, что, собственно, случилось. Как сейчас помню ту сцену: выражение триумфа на лице Холмса, его звенящий голос и злое ошеломленное лицо извозчика, уставившегося на блестящие наручники, каким-то чудом вдруг оказавшиеся на его запястьях. На секунду-другую мы все безмолвно застыли, как группа каменных изваяний. Потом с нечленораздельным звериным рыком пленник вырвался из рук Холмса и метнулся к окну. Врезавшись в него, он разбил стекло и высадил раму, но выпрыгнуть не успел: Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него, как свора шотландских борзых, оттащили в комнату, и началась свирепая схватка. Мужчина сражался с таким бешенством и отчаянием, что мы вчетвером не могли совладать с ним, он снова и снова раскидывал нас в стороны. Такая сила, как у него, появляется у эпилептика в момент припадка. Лицо и руки преступника были страшно изрезаны осколками оконного стекла, но даже большая потеря крови не уменьшила его воли к сопротивлению. И только когда Лестрейду удалось ухватиться за шейный платок убийцы и затянуть его, словно петлю, он понял наконец, что дальнейшая борьба бессмысленна. Однако в безопасности мы не чувствовали себя до тех пор, пока не связали ему ноги. Лишь тогда, задыхаясь и пыхтя, мы поднялись с пола.

– На улице стоит его кеб, – сказал Холмс. – На нем можно отвезти его в Скотленд-Ярд. А теперь, джентльмены, – продолжил он с любезной улыбкой, – когда наша маленькая тайна разгадана, можете задавать мне любые вопросы, не опасаясь, что я откажусь ответить на них.

Часть вторая Страна святых

1. На Великой Соляной равнине

В центральной части огромного Североамериканского континента лежит мрачная бесплодная пустыня, издавна служившая непреодолимой преградой на пути цивилизации. От Сьерра-Невады до Небраски и от Йеллоустоун-Ривер на севере до реки Колорадо на юге раскинулась эта страна пустоты и безмолвия. Однако и на просторах этой унылой земли природа демонстрирует свое разнообразие. Здесь встречаются неприступные горы с покрытыми снегом вершинами и угрюмые темные долины; бурные реки стремятся через каньоны, стиснутые отвесными островерхими скалами, расстилаются необозримые равнины, зимой одетые снежным покровом, а летом сплошь серые от солончакового налета. Но все эти пейзажи несут на себе печать бесплодия, суровости и безысходности.

Никто не живет на этой безнадежной земле. Лишь поуни²⁵ или черноногие²⁶ время от времени небольшими группами пересекают ее в поисках новых охотничьих угодий, однако даже самые выносливые и бесстрашные из них стремятся поскорее оставить эти внушающие страх места позади и снова оказаться в своих обжитых прериях. В зарослях чахлах кустарников здесь рыщут койоты, канюк время от времени прорезает воздух, тяжело хлопая крыльями, и неуклюжий гризли бродит по темным оврагам, стараясь найти хоть какое-то пропитание среди безжалостных камней. Вот и все население этой дикой, Богом забытой глуши.

Нет в целом мире вида более безотрадного, чем тот, что открывается с северных склонов Сьерра-Бланки. Сколько видит глаз, простирается необозримая плоская равнина, покрытая лишайными пятнами солончаков, перемежающимися лишь купами низкорослых хилых чапарелей. Вдоль кромки горизонта на фоне неба вырисовывается рваная, зазубренная линия горных вершин в снежных шапках. И на всех этих огромных пространствах – ни единого признака жизни, нет даже следов, которые свидетельствовали бы о том, что некогда она здесь существовала. Ни одной птицы в голубовато-стальном небе, ни малейшего движения на поверхности унылой серой почвы, и надо всем этим – мертвая, гнетущая тишина.

Впрочем, то, что здесь нет следов жизни, не совсем верно. Глядя со склонов Сьерра-Бланки, можно увидеть пересекающую пустыню дорогу, которая, извиваясь, теряется где-то вдали. Она исполосована колесами и истоптана ногами множества искателей приключений. Там и сям на тусклой поверхности солончака виднеются какие-то белые обломки, поблескивающие на солнце. Подойдите поближе и взгляните в них! Это кости: одни крупные, шероховатые, другие – помельче, более гладкие. Первые некогда принадлежали волам, вторые – людям. На полторы тысячи миль протянулся этот призрачный караванный путь, усыпанный останками тех, кто нашел свою погибель на его обочине.

Четвертого мая тысяча восемьсот сорок седьмого года на склоне горы стоял одинокий странник, обозревая этот печальный ландшафт. Судя по внешности, его можно было принять либо за гения, либо за демона здешних мест. Определить его возраст на вид не представлялось возможным: что-то между сорока и шестидесятью. Худое изможденное лицо, пергаментно-коричневая кожа, туго обтягивающая выпирающие скулы; длинные каштановые волосы и борода, густо припорошенные сединой; запавшие, лихорадочно горящие глаза. Рука,

---

²⁵ Поуни – индейское племя, жившее между рекой Миссури и Скалистыми горами.

²⁶ Черноногие – индейское племя, обитавшее в долине реки Саскачеван.

не более мускулистая, чем у скелета, сжимала ружье. Человек опирался на него, чтобы не упасть от слабости, однако высокий рост и массивный костяк наводили на мысль, что в прошлом это был жилистый и сильный мужчина. Теперь же заострившееся изнуренное лицо и одежда, мешком висевшая на его исхудалых плечах, придавали ему вид немощного, дряхлого старика и безоговорочно свидетельствовали о том, что этот человек умирает – умирает от голода и жажды.

С трудом преодолевая слабость, он пересек лощину и вскарабкался по склону горы в тщетной надежде увидеть с возвышения где-нибудь источник воды. Но перед его взором растянулись лишь огромная соляная равнина да цепь диких гор вдаль, и нигде ни деревца, ни куста, которые указывали бы на то, что поблизости есть влага. Ни малейшего лучика надежды не давал этот обширный пейзаж. Диким ищущим взором мужчина посмотрел на север, на восток, на запад и понял, что странствию его наступает конец и здесь, на этом голом утесе, ему предстоит встретить смерть. «Не все ли равно: здесь ли или через двадцать лет на пуховой перине», – пробормотал он, собираясь присесть в тени нависающей скалы.

Но прежде чем сесть, мужчина положил на землю уже ненужное ружье и большой узел, связанный из серой шали. Он нес его всю дорогу, перекинув через правое плечо. Видимо, для обессиленного путника ноша стала слишком тяжела, потому что, опуская узел, он не удержал его, и тот ударился о землю. Изнутри серой шали тут же послышался жалобный голосок и показались маленькое испуганное личико с ярко блестящими карими глазами и два пухленьких грязных кулачка.

– Ты сделал мне больно! – послышался детский голосок.

– Я не хотел, прости, – виновато сказал мужчина, развязывая узел и извлекая из него прелестную девочку лет пяти в изящных туфельках и красивом розовом платьице с полотно-няным фартучком, явно сшитыми руками заботливой матери. Девочка была бледной и осунувшейся, но крепенькие ножки и ручки свидетельствовали о том, что на ее долю не выпало столько тягот, сколько на долю ее спутника. – Все еще болит? – озабоченно спросил мужчина, видя, что ребенок трет затылок, покрытый взъерошенными золотистыми локонами.

– Поцелуй – и все пройдет, – очень серьезно попросила девочка, подставляя ему ушибленное место. – Мама всегда так делала. А где мама?

– Мама нет. Но скоро, думаю, ты увидишься с ней.

– Нет? Как это? – удивилось дитя. – Она же не попрощалась со мной; даже когда мама уходит к тете пить чай, она всегда говорит мне «до свидания», а теперь ее нет уже три дня. Ой, как хочется пить! У тебя нет воды? И чего-нибудь поесть?

– Нет, милая, ничего нет. Потерпи немного, скоро все будет хорошо. Положи головку мне на колени, тебе станет легче. Мне трудно говорить, губы пересохли, но лучше тебе знать правду. А что это у тебя такое?

– Это такие хорошенькие штучки! Видишь, какие они красивые? – радостно воскликнула девочка, протягивая мужчине два кусочка сверкающей слюды. – Когда мы вернемся домой, я подарю их братцу Бобу.

– Скоро ты увидишь куда более красивые вещи, – заверил ее мужчина. – Только подожди чуток. Я вот что хотел тебе сказать... Ты помнишь, как мы ушли с реки?

– Да, помню.

– Видишь ли, мы надеялись, что скоро придем к другой. Но что-то случилось – то ли компас сломался, то ли карта была неправильная, то ли еще что, но к другой реке мы так и не вышли. Вода у нас кончилась. Осталось лишь несколько капель для таких малышек, как ты, и... и...

– И тебе нечем было умыться, – подхватила девочка, укоризненно глядя на его перепачканное лицо.

– Да, ни умыться, ни попить. И тогда мистер Бендер²⁷ умер первым, за ним индеец Пит, потом миссис Макгрегор, потом Джонни Хоунс, а потом, милая, твоя мама.

– Так мама тоже умерла? – вскрикнула девочка и, закрывшись фартучком, горько заплакала.

– Да, все умерли, кроме нас с тобой. Мне показалось, что в этой стороне может быть вода, поэтому я взвалил тебя на плечо и понес. Но, похоже, и тут ее нет. Так что, видать, надеяться нам особо не на что.

– Значит, мы тоже умрем? – спросило дитя, успокаиваясь и поднимая заплаканное личико.

– Боюсь, к тому идет.

– Почему же ты сразу не сказал? – весело рассмеялась девчушка. – Ты меня так напугал. Раз мы тоже умрем, значит, снова увидим маму.

– Да, милая, скоро ты увидишь ее.

– Ты тоже. И я расскажу ей, какой ты был добрый. Вот увидишь, она встретит нас на небесах с большим кувшином воды и целой кучей гречишных лепешек, горячих и намазанных маслом с обеих сторон, как любим мы с Бобом. Сколько нам еще ждать?

– Не знаю. Не очень долго. – Глаза мужчины были прикованы к северной части горизонта. Там, на фоне неба, появились три маленькие точки, которые с каждой секундой увеличивались, стремительно приближаясь, и наконец превратились в трех огромных птиц. Сделав несколько кругов над головами путников, они уселись на утесе напротив, чуть повыше. Это были грифы, стервятники Запада, безошибочно чующие смерть и летающие на добычу.

– Петушки и курочки, – обрадовалась девочка, показывая пальчиком на зловещных птиц, и захлопала в ладоши, чтобы заставить их взлететь. – Скажи, а эту землю тоже создал Господь?

– Конечно. Он создал все, – ответил мужчина, крайне удивленный столь неожиданным вопросом.

– Нет, Он создал Иллинойс, Он создал Миссури, – продолжала девочка, – а эту землю создал, наверное, кто-то другой. Потому что она не такая хорошая: он забыл про воду и деревья.

– Может, помолишься? – неуверенно предложил мужчина.

– Так еще же не пора спать, – удивилась девочка.

– Не важно. Еще действительно рановато для вечерней молитвы, но Он не будет в претензии, поверь мне. Прочти те молитвы, что всегда читала на ночь там, в повозке, когда мы ехали по прериям.

– А ты? Ты разве не будешь читать молитву? – Девочка удивленно подняла бровки.

– Да я уж все их позабыл, – признался мужчина. – Последний раз молился, когда был ростом с половину этого ружья. Впрочем, никогда не поздно попробовать еще раз. Ты молись вслух, а я встану рядом и буду повторять за тобой.

– Тогда тебе нужно опуститься на колени, и мне тоже, – сказала малышка, расстилая шаль. – Теперь сложи руки вот так, и тебе станет хорошо.

Странное это было зрелище, если бы его наблюдал кто-нибудь, кроме грифов: на расстеленной узкой шали рядом стояли на коленях двое путников – лепечущий ребенок и бесстрашный, закаленный жизнью авантюрист. Их лица, круглое детское и изможденное мужское, были обращены к безоблачному небу в горячей мольбе, возносимой тому суровому Существо, с которым ребенок и мужчина остались теперь один на один, и их голоса – один тоненький и чистый, другой низкий и хриплый – сливались, вызывая о милосердии и прощении. Окончив молитву, они снова уселись в тени скалы и сидели так, пока ребенок не уснул, прильнув к широкой груди своего заступника. Тот некоторое время оберегал невинный покой ребенка, но

---

²⁷ Эту фамилию носило семейство, отдельные члены которого считались каннибалами, орудовавшими в этой местности.

постепенно усталость одолела и его: ведь три дня и три ночи он не позволял себе ни сна, ни отдыха. Отяжелевшие веки мужчины медленно опускались на усталые глаза, голова клонилась все ниже и ниже на грудь, и наконец седеющая борода переплелась с золотистыми кудряшками его маленькой спутницы – оба забылись глубоким сном без сновидений.

Если бы странник пободрился еще с полчаса, перед его взором предстало бы странное зрелище. Далеко-далеко, на самом краю соляной равнины, поднялось крохотное облачко пыли, поначалу такое призрачное, что его трудно было различить на фоне марева, висевшего над горизонтом, но мало-помалу оно становилось выше и шире, пока не превратилось в плотную, отчетливо видную тучу. Эта туча продолжала увеличиваться в размерах, и в какой-то момент стало очевидно, что столько пыли могло поднять только огромное скопление движущихся вместе живых существ. Находясь наблюдатель в более плодородной местности, он подумал бы, что навстречу ему несется крупное стадо бизонов, из тех, что пасутся в прериях. Но в такой дикой безводной пустыне это было совершенно немыслимо. По мере того как пыльный вихрь приближался к одинокой скале, под которой укрылись два неприкаянных путника, сквозь густую завесу начали вырисовываться верхушки полотняных тентов, натянутых над повозками, и фигуры вооруженных всадников, а еще через какое-то время картина обозначилась полностью: это был направлявшийся на запад караван. Но какой! Когда головная его часть достигла подножия горы, хвост все еще терялся за горизонтом. Вереница с трудом продвигавшихся вперед телег и крытых повозок, мужчин, пеших и верховых, бесчисленных женщин, которые брели, сгибаясь под тяжестью своей ноши, и детей, либо ковылявших рядом с повозками, либо выглядывавших из-за пологих добела выгоревших на солнце парусиновых тентов, растянулась вдоль всей огромной равнины. Похоже, это была не обычная группа переселенцев, а единое племя кочевников, вынужденное под давлением обстоятельств искать новое пристанище. Воздух наполнился какофонией лязгающих и грохочущих звуков, объединивших гул голосов огромной людской массы, скрежет колес и ржание лошадей. Но даже эти громкие звуки не разбудили двух утомленных путников, прикорнувших на склоне горы под нависающей скалой.

Колонну возглавляли десятка два или больше вооруженных винтовками суровых всадников с каменными лицами, в строгой темной домотканой одежде. Поравнявшись со скалой, они остановились и устроили между собой короткий военный совет.

– Родники должны находиться справа, братья, – сказал один из них, гладко выбритый мужчина с упрямой линией губ и заметной проседью в волосах.

– Справа от Сьерра-Бланки – стало быть, мы на пути к Рио-Гранде²⁸, – отозвался другой.

– Не бойтесь, без воды мы не останемся! – воскликнул третий. – Тот, кто мог высечь ее из камня, не покинет Свой избранный народ и теперь.

– Аминь! Аминь! – подхватили остальные.

Они собирались уже снова двинуться в путь, как вдруг один из самых молодых и зорких вскрикнул и указал на острую скалу, возвышавшуюся над дорогой. Зацепившись за край, на ней трепетал маленький розовый лоскуток, резко контрастировавший с унылым серым камнем. При виде этого яркого пятна мужчины придержали лошадей и вскинули винтовки; на подмогу авангарду из задних рядов тут же поспешили другие всадники. По колонне тревожно пробежало слово «краснокожие».

– Тут не может быть много индейцев, – сказал пожилой мужчина – судя по всему, военачальник. – Территорию поуни мы уже миновали, а других племен по эту сторону горного хребта нет.

– Позвольте мне пойти посмотреть, что там, брат Стэнджерсон? – попросил один из всадников.

---

²⁸ Река, берущая начало в Скалистых горах и впадающая в Мексиканский залив.

– И мне, и мне, – раздалась еще дюжина голосов.

– Оставьте лошадей здесь, мы будем ждать вас, – распорядился старейшина. Молодые всадники вмиг спешили, привязали лошадей и стали взбираться по крутому склону к тому месту, где трепетал лоскут, привлечший их настороженное внимание. Они карабкались ловко и бесшумно, с уверенностью и проворством бывалых лазутчиков. Оставшиеся внизу наблюдали, как легко они перепрыгивают с уступа на уступ, пока их силуэты не обозначились на фоне неба. Первым до места добрался молодой человек, поднявший тревогу. И вдруг те, что шли позади, увидели, как он всплеснул руками от удивления. Поравнявшись с ним, они и сами изумились открывшемуся их взорам зрелищу.

На небольшой ровной площадке, под скалистым уступом, лежал высокий, неправдоподобно тощий мужчина в вельветиновой куртке, с резкими чертами лица и длинной бородой. Его безмятежный вид и ровное глубокое дыхание свидетельствовали о том, что он крепко спит. А рядом, обхватив его жилистую коричневую шею белыми ручками, лежала маленькая девочка; ее златокудрая головка покоилась на его груди. Розовые губки ребенка чуть приоткрылись, обнажая ровный ряд белоснежных зубов, младенческие черты озаряла счастливая улыбка. Пухлые белые ножки в белых носочках и изящных туфельках с блестящими пряжками являли удивительный контраст с длинными исхудалыми конечностями ее спутника. На выступе скалы над этой странной парой неподвижно-торжественно восседали три грифа. Недовольные появлением людей, они с резким пронзительным клекотом нехотя поднялись в воздух и, хлопая крыльями, улетели.

Крики мерзких птиц разбудили спящих. Ничего не понимая спросонья, они в недоумении озирались по сторонам. Потом мужчина с трудом встал и бросил взгляд вниз, на равнину, такую пустынную перед тем, как сон сморил его. Теперь от края до края ее пересекала огромная колонна людей и животных. словно бы не веря самому себе, он протер глаза костлявой ладонью.

– Значит, вот оно какое, предсмертное видение, – пробормотал он. Девочка стояла, ухватившись за полу его куртки, но в ее взгляде читалось лишь безмерное детское любопытство.

Неожиданно объявившиеся спасатели быстро убедили путников в том, что они – не видение. Один из мужчин посадил девчушку себе на закорки, двое других взяли под руки ее немощного спутника, и все вместе они начали спускаться вниз.

– Меня зовут Джон Феррье, – представился путник. – Я да еще вот эта малышка – все, что осталось от группы, куда входил двадцать один человек. Остальные умерли от жажды и голода еще там, на юге.

– Это ваша дочь? – поинтересовался кто-то.

– Теперь, выходит, моя, – с вызовом ответил странник. – Моя, потому что я спас ее. И никто ее у меня не отнимет! Отныне она – Люси Феррье. А вы кто? – спросил он, с любопытством оглядывая своих опаленных солнцем дюжих спасителей. – У вас, похоже, неслабая команда.

– Да, тысяч десять наберется, – сказал один из молодых людей. – Мы – гонимые чада Божии, избранный народ ангела Мероны²⁹.

– Никогда о таком не слышал, – признался путник. – Многовато же у него избранных, как я погляжу.

– Не смей богохульствовать! Это для нас свято, – строго прикрикнул один из тех, кто поддерживал Джона под руку. – Мы – народ, который верит в священные заповеди, начертанные египетскими иероглифами на кованых золотых дощечках. Они были вручены святому

---

²⁹ Вероятно, имеется в виду Морони, то есть Энджел Морони, сын Мормона, который явился Джозефу Смиту в видении, ниспосланном ему в Пальмире, штат Нью-Йорк, в 1823 году.

Джозефу Смиту в Пальмире. До сих пор мы жили в Нову³⁰ – это штат Иллинойс, там мы возвели свой храм. А теперь ищем убежища и спасения от жестокого тирана и безбожников, пусть даже такое место найдется лишь в самом сердце пустыни.

Название «Нову», видимо, вызвало у Джона Феррье смутное воспоминание, потому что он сказал:

– А, понимаю. Вы – мормоны.

– Да, мы мормоны, – ответили его новые знакомцы.

– И куда же вы идете?

– Мы не знаем. Рука Господа направляет нашего Пророка, а он ведет нас. Скоро вы предстанете перед ним, и он решит, что с вами делать.

К тому времени они достигли подножия горы. Их сразу же окружила толпа пилигримов – бледнолицых робких женщин, смеющихся ребятишек и настороженных, строгих мужчин. При виде младенческого возраста девочки и плачевного физического состояния мужчины отовсюду послышались возгласы удивления и сочувствия. Сопровождавшие необычную пару молодые люди, однако, не остановились. Окруженные теперь толпой мормонов, они проследовали к повозке, которая выделялась среди остальных своими большими размерами, а также нарядностью убранства. Она была запряжена шестеркой лошадей, между тем как в других упряжках было по две, от силы по четыре лошади. Кроме возницы, на козлах сидел большеголовый мужчина лет тридцати. По властному выражению лица в нем нетрудно было угадать верховного вождя. Мужчина читал книгу в коричневом переплете, но, когда толпа приблизилась, отложил ее и внимательно выслушал рассказ о необычном происшествии, после чего, повернувшись к только что найденным путникам, сурово произнес:

– Мы возьмем вас с собой только при одном условии: вы должны принять нашу веру. Волков в своем стаде мы не потерпим. Пусть лучше кости ваши останутся лежать в этой пустыне, чем в плоде заведется червоточина, которая со временем стубит его. Согласны ли вы на такое условие?

– Какие могут быть вопросы! Я готов на любые условия! – воскликнул Феррье с таким энтузиазмом, что даже суровые старейшины не сдержали улыбки. Один лишь вождь сохранил на лице впечатляющую строгость.

– Брат Стэнджерсон, – сказал он, – возьми мужчину и ребенка к себе, накорми их и напои. Также вменяю тебе в обязанность приобщить его к нашему символу веры. А теперь вперед! Мы и так потеряли слишком много времени. Вперед, в Сион³¹!

– В Сион! В Сион! – закричали мормоны. Этот клич, передаваясь из уст в уста, волной пробежал по всему каравану и, затухая, отозвался в дальнем его конце нечленораздельным рокотом. Под шелканье бичей и скрип колес головные повозки тронулись с места, и вскоре уже весь караван снова пришел в движение. Старейшина, попечению которого были вверены две приبلудившиеся овцы, отвел их в свою повозку, где уже ждала трапеза.

– Вы поедете с нами, – сказал он, – и через несколько дней оправитесь от истощения. А пока запомните: отныне и навечно вы – наши единоверцы. Так повелел Бригам Янг³², а его устами глаголет сам Джозеф Смит, который и есть Глас Божий.

---

³⁰ Некогда маленькое поселение-фактория в штате Иллинойс, на восточном берегу Миссисипи; в 1839 году превратилось в город мормонов Нову.

³¹ В 1831 году колония обосновалась в округе Джексон, штат Миссури, позднее названном колонистами Сионом.

³² После убийства Смита Бригам Янг стал ведущей фигурой мормонизма и возглавил великое переселение мормонов в 1846–1847 годах к месту, известному теперь как Солт-Лейк-Сити.

2. Цветок Юты

Не будем описывать все те испытания и лишения, которые претерпели беглецы-мормоны, прежде чем обрели свое окончательное пристанище. С упорством, пожалуй, беспримерным в истории, они преодолели свой тяжкий путь от берегов Миссисипи до западных отрогов Скалистых гор. Дикари, хищники, голод, жажда, усталость и болезни – все преграды, какие воздвигала природа на их пути, – они превозмогли со стойкостью, приличествующей англосаксам. Тем не менее долгое путешествие и перенесенные ужасы заставили дрогнуть сердца даже самых непоколебимых. Поэтому, когда с высоты перевала им открылась наконец купающаяся в солнечных лучах долина Юты и от своих пастырей они услышали, что это и есть их земля обетованная и что просторы этой девственной нивы будут навек принадлежать им, не нашлось ни одного человека, который не упал бы на колени и не вознес бы небесам благодарственную молитву.

Янг показал себя таким же умелым организатором, каким решительным вожаком был для них во время странствия. Немедленно составили топографические карты и чертежи будущего города. Окружающие земли отвели под фермы и распределили между главами семейств в соответствии с положением каждого. Торговцы занялись торговлей, ремесленники – своими ремеслами. Улицы и площади города росли, словно по мановению волшебной палочки. В сельской местности осушали болота, сажали кустарниковые изгороди, очищали землю от сорняков, засевали поля, и уже на следующее лето вся долина зазолотилась спелой пшеницей. Все росло и процветало в этом необычном поселении. И быстрее всего в самом центре города возносился ввысь огромный собор, который день ото дня становился все выше и мощней. С ранней зари до поздних сумерек не затихали стук молотков и визг пил на площади, где беженцы воздвигали свой храм Тому, кто благополучно провел их сквозь все опасности.

Чудом выжившие скитальцы, Джон Феррье и малышка, которая разделила его судьбу, став его приемной дочерью, до конца прошли вместе с мормонами трудный путь их паломничества. Маленькая Люси Феррье прекрасно прижилась в уютной повозке старейшины Стэнджерсона, которую делила с тремя его женами и сыном, своенравным, весьма наглым двенадцатилетним юнцом. Со свойственной детству счастливой способностью легко применяться к обстоятельствам, Люси скоро смирилась со своей утратой, стала любимицей женщин и свыклась с новой жизнью в передвижном доме под парусиновой крышей. Тем временем Феррье тоже окреп и зарекомендовал себя как опытный проводник и неутомимый охотник. Он так быстро завоевал признание своих новых спутников, что, когда странствие подошло к концу, все единодушно решили выделить ему такой же большой и плодородный участок земли, как и другим поселенцам. Это, разумеется, не относилось к самому Янгу, а также Стэнджерсону, Кембаллу, Джонстону и Дребберу – четверке главных старейшин. Эти находились на особом положении.

На обретенной таким образом ферме Джон Феррье построил крепкий бревенчатый дом. В последующие годы он сделал к нему столько разнообразных пристроек, что тот постепенно превратился в просторный загородный особняк. Феррье был человеком практического ума и деловой хватки, к тому же – мастер на все руки. А завидное здоровье позволяло ему трудиться от зари до зари, возделывая свою землю и обихаживая свои владения. Благодаря этому его хозяйство неуклонно процветало. Три года спустя Феррье обскакал своих соседей, через шесть лет стал вполне состоятельным человеком, через девять – по-настоящему разбогател, а через двенадцать в Солт-Лейк-Сити не набралось бы и полдюжины хозяев, которые сравнились бы

с ним. От Великого внутреннего моря³³ до далеких гор Уотсач не было человека более известного, чем Джон Феррье.

Существовало, впрочем, одно – только одно – обстоятельство, оскорблявшее чувства его единоверцев. Никакие доводы и убеждения не заставили Феррье устроить семью по правилам, принятым в его тогдашнем окружении. Он никогда не объяснял причин своего отказа, но решительно и непреклонно стоял на своем. Одни обвиняли его в отсутствии религиозного рвения, другие подозревали в скаредности и нежелании вводить себя в дополнительные расходы. Третьи объясняли его несговорчивость старой любовью: дескать, где-то там, на берегу Атлантического океана, сохнет по нему белокурая красавица. Но какова бы ни была истинная причина, Феррье непоколебимо оставался холостяком. Во всех иных отношениях он жил в соответствии с требованиями религии молодого поселения и заслужил репутацию человека правого и искреннего.

Люси Феррье безмятежно росла на ферме своего приемного отца и помогала ему во всех его начинаниях. Чистый горный воздух и целебный сосновый аромат заменяли девочке заботы матери и няньки. Год от года она становилась выше и сильнее, румянец на ее щеках розовел все нежней, а походка делалась все более грациозной. Многие путешественники, проезжавшие по дороге мимо фермы Феррье, испытывали давно забытые чувства, глядя, как гибкая девичья фигурка мелькает меж золотистых колосьев пшеницы или поднимается в горы на отцовском мустанге с легкостью и изяществом истинной дочери Запада. Бутон превратился в прелестный цветок, и в тот год, когда отец Люси стал богатейшим из местных фермеров, его дочь уже слыла непревзойденным образцом девичьей красоты, какой только можно сыскать на всем тихоокеанском побережье.

Однако отнюдь не отец первым осознал, что дочь его превратилась в юную женщину. Отцы вообще редко замечают этот переломный момент. Волшебное превращение происходит так неувлимо, что его нельзя сколько-нибудь точно зафиксировать. А еще меньше осознает его сама девушка – до тех пор, пока интонация голоса или нежное прикосновение руки не заставит ее сердце затрепетать; только тогда, со смешанным чувством гордости и страха, она начинает понимать, что природа пробудила в ней нечто новое и великое. Едва ли найдется женщина, которая не помнит того дня, когда незначительное на первый взгляд событие возвестило зарю ее новой жизни. Для Люси Феррье такое событие оказалось небезопасным само по себе, независимо от того, какое влияние оно оказало на ее судьбу и судьбы многих связанных с ней людей.

Стояло теплое июньское утро. Святые последнего дня³⁴ трудились как пчелы, недаром именно изображение пчелиного роя они избрали своей эмблемой и символом. Многосложный гул человеческой деятельности стоял над полями и над городом. По пыльным дорогам тянулись длинные вереницы тяжело навьюченных мулов. Все они направлялись на Запад, ибо в Калифорнии началась «золотая лихорадка», а сухопутная дорога туда пролегла как раз через Город избранных. Дорогу заполняли также стада овец и волов, гонимых с дальних пастбищ, и обозы усталых переселенцев: и люди, и лошади были одинаково измотаны, казалось, нескончаемым переходом. Сквозь все это разношерстное скопище, маневрируя с искусством опытного наездника, ловко пробиралась Люси Феррье; щеки ее покраснели от лихого галопа, каштановые волосы развевались на скаку. Отец послал Люси в город по делу, и она неслась вперед с отчаянным безрассудством юности, как обычно, думая лишь о том, чтобы скорее и лучше выполнить отцовское поручение. Покрытые дорожной пылью искатели приключений глядели на нее в изумлении, даже невозмутимые индейцы, везущие шкурки на продажу, словно лишались стоицизма и откровенно любовались красотой бледнолицей девушки.

---

³³ Великое соленое озеро, или озеро Солтон-Си («соляное море»).

³⁴ Так называют себя мормоны.

На ближних подступах к городу Люси увидела, что дорога перекрыта огромным стадом; с полдюжины осатаневших пастухов, гнавших его из прерий, никак не могли с ним справиться. Не желая ждать, Люси решила проехать сквозь стадо и рискнула направить мустанга в просвет, как будто открывшийся между расступившимися животными. Но не успела Люси проскочить, как стадо сомкнулось у нее за спиной, и ее плотно зажал движущийся поток быков, бешено мотающих длиннорогими головами и дико косящих налитыми кровью глазами. Умеющая управляться со скотом, девушка не испугалась, а стала рывками продвигаться вперед, используя каждый зазор, образовавшийся между животными. К несчастью, то ли случайно, то ли намеренно какой-то бык боднул мустанга в бок, отчего тот озверел, встал на дыбы, дико захрапел и начал скакать и брыкаться так, что удержаться в седле мог только очень искусный наездник. Ситуация становилась угрожающей. Каждый раз, опуская передние ноги на землю, взбесившийся мустанг натывался на рога, что приводило его в еще большее неистовство. Девушке оставалось только из последних сил держаться в седле, ибо, упавши она на землю, ее ждала бы страшная смерть под копытами разъяренных животных. У непривычной к таким передрягам Люси закружилась голова, рука, державшая поводья, неуклонно слабела. Она задыхалась от поднятой пыли и резкого запаха разгоряченных животных, и, охваченная отчаянием, была уже близка к тому, чтобы оставить попытки спастись, но тут рядом раздался любезный голос, предложивший ей помощь. Одновременно с этим сильная загорелая рука схватила обезумевшего мустанга под уздцы, и неожиданный спаситель, пробившись сквозь стадо, вскоре вывел незадачливую наездницу на окраину города.

– Надеюсь, мисс, вы не пострадали? – почтительно спросил он.

Люси взглянула в его смуглое волевое лицо и беззаботно рассмеялась.

– Я порядком перетрусила, – простодушно призналась она. – Кто бы мог подумать, что Пончо так испугается стада быков.

– Слава Богу, что вы удержались в седле, – серьезно сказал ее избавитель. Это был высокий молодой человек, типичный вольный сын прерий, в грубом охотничьем костюме, с длинным ружьем за спиной. Он восседал на мощном чалом коне. – Вы ведь дочь Джона Феррье, если не ошибаюсь? Я видел, как вы выехали из ворот его усадьбы. Когда вернетесь домой, спросите отца, помнит ли он семейство Джефферсона Хоупа из Сент-Луиса. Если он тот самый Феррье, то они с моим отцом были большими друзьями.

– Не лучше ли вам самому прийти и спросить его? – игриво ответила Люси.

Молодой человек, похоже, обрадовался приглашению, его глаза заблестели.

– Так я и сделаю, – сказал он. – Только мы два месяца провели в горах, вид у нас не слишком подходящий для визитов. Надеюсь, ваш отец примет нас такими, какие мы есть?

– Он теперь так обязан вам за мое спасение, что будет безмерно рад выразить свою благодарность, как бы вы ни выглядели. Он очень меня любит. Если бы эти быки растоптали меня, он был бы безутешен.

– Я тоже, – сказал ее новый знакомец.

– Вы?! Вам-то какая печаль? Вы ведь даже не наш друг.

При этих словах смуглое лицо охотника так омрачилось, что Люси Феррье не удержалась от смеха.

– Простите, я неловко выразилась, – успокоила она молодого человека. – Разумеется, отныне вы – наш друг. И должны непременно нас навестить. А теперь я должна спешить, иначе отец никогда больше не поручит мне ничего. До свидания!

– До свидания, – ответил он и, сняв свое широкополое сомбреро, склонился к протянутой ему изящной ручке. Люси развернула своего мустанга, щелкнула хлыстом и помчалась по широкой дороге, вздымая за собой облако пыли.

А молодой Джефферсон Хоуп, присоединившись к своим спутникам, поехал дальше, молчаливый и задумчивый. Они долго искали серебро в горах Невады и теперь возвращались

в Солт-Лейк-Сити в надежде собрать денег, чтобы начать разработку открытых месторождений. Этой идеей он был увлечен не меньше своих товарищей, но только что описанный эпизод повернул его мысли совсем в иное русло. Встреча с юной девушкой, лишенной и намека на жеманство, чистой и свежей, как горный ветерок, пробудила вулкан, дремавший в глубине души Хоупа. Когда она скрылась из виду, он понял, что в его жизни наступил решительный перелом и никакая торговля серебром, да и вообще ничто отныне не имеет для него такого значения, как вспыхнувшее в нем всепоглощающее чувство. Любовь, загоревшаяся в сердце Хоупа, отнюдь не походила на мимолетное мальчишеское увлечение, это была неистовая, пламенная страсть взрослого мужчины с властным и волевым характером, привыкшего всегда добиваться того, чего он хочет. И Хоуп поклялся себе, что и теперь ни за что не отступит и добьется своего, если только это в пределах человеческих сил и возможностей.

Он навестил Джона Феррье в тот же вечер и потом приходил часто, пока не стал в доме своим человеком. Джон, погруженный в свои повседневные труды, последние двенадцать лет был отрезан от мира и очень мало знал о том, что происходит за пределами долины. Джефферсон Хоуп многое порассказал Феррье, причем так увлекательно, что это было интересно не только ему, но и Люси. Один из пионеров в Калифорнии, Хоуп знал удивительные истории о том, как создавались и рушились состояния в те безумные «золотые» времена. Был он и старателем, и охотником, ставящим капканы, и добытчиком серебра, и ковбоем. Едва откуда-нибудь веяло духом приключений, Джефферсон Хоуп тут же устремлялся им навстречу. Скоро старик фермер уже души в нем не чаял и не устал восхвалять его достоинства. Люси слушала расточаемые Хоупу похвалы молча, но румянец, разгоравшийся на ее щеках, и счастливое сияние глаз свидетельствовали о том, что юное сердце Люси уже принадлежит не ей. Простодушному отцу, возможно, было невдомек, что означают эти признаки, зато мужчина, завоевавший ее привязанность, прекрасно все понимал.

Как-то летним вечером, галопом проскакав по дороге, он подъехал к их воротам. Завидев его, Люси поспешила ему навстречу. Накинув поводья на столбик ворот, Джефферсон Хоуп пошел по дорожке, ведущей к дому.

– Люси, я уезжаю. – Он сжал в руках ее ладони и нежно заглянул ей в глаза. – Я не прошу вас уехать со мной сейчас, но последуете ли вы за мной, когда я вернусь?

– А когда это будет? – спросила она, вспыхнув.

– Месяца через два, не позже. Тогда, дорогая, я приду за вами. И никто не сможет нам помешать.

– А как же отец?

– Он согласится, если дела на рудниках пойдут хорошо. А в этом у меня нет сомнений.

– Ах так! Ну что ж, если отец не возражает, мне нечего добавить, – прошептала Люси, прижавшись щекой к его широкой груди.

– Слава тебе, Господи! – осыпшим от волнения голосом сказал Хоуп и, склонившись, поцеловал ее. – Тогда решено. Чем дольше я здесь простою, тем труднее мне будет уйти. Друзья ждут меня в каньоне. До свидания, любимая моя, до скорого свидания – через два месяца.

Он с трудом оторвался от Люси, вскочил на коня и бешеным галопом помчался прочь, ни разу не оглянувшись, – словно боялся, что решимость покинет его, стоит ему еще раз увидеть ту, которую он покидал. Люси же стояла в воротах и смотрела вслед Хоупу, пока он не скрылся из виду. Потом вернулась в дом счастливейшей из всех девушек Юты.

3. Джон Феррье говорит с Пророком

Прошло три недели с того дня, как Джефферсон Хоуп с товарищами отбыл из Солт-Лейк-Сити. Сердце Феррье наполнялось печалью, когда он думал о возвращении молодого человека, потому что оно означало расставание с приемной дочерью. Однако сияющее счастьем

лицо девушки лучше любых аргументов примиряло его с неизбежностью. В глубине души этот человек с твердым характером раз и навсегда решил, что никакая сила не заставит его выдать дочь замуж за мормона. Мормонский брак Феррье вообще считал не браком, а позором и бесчестьем. Как бы ни относился Феррье к мормонским доктринам в целом, в этом пункте он оставался непреклонен, хотя никогда не высказывался на подобные темы, ибо в те времена в Стране святых выражать неортодоксальные мнения было делом опасным.

Да, весьма опасным – настолько опасным, что даже наиболее ревностные мормоны если и обсуждали религиозные проблемы, то лишь самым тихим шепотом, поскольку любое слово, сорвавшееся с уст, могло быть превратно истолковано и грозило навлечь немедленную и страшную кару. Ни севильской инквизиции, ни германскому Фемгерихту, ни тайным обществам Италии оказалось не под силу так раскрутить чудовищный маховик возмездия, как это сделали мормоны в штате Юта, погружавшемся с некоторых пор в атмосферу религиозной нетерпимости.

Тайна, окружавшая деятельность их призрачной карательной организации, делала ее вдвойне устрашающей. Эта организация казалась всеведущей и всемогущей, хотя оставалась невидимой и неслышимой. Человек, позволивший себе выступить против церкви, пропадал бесследно; никому никогда так и не удавалось узнать, куда он исчез и что с ним случилось. Жена и дети ждали его дома, но ни один муж и отец ни разу не вернулся и не поведал, что он пережил, находясь во власти своих тайных судей. Неосторожно сказанное слово, опрометчивый поступок – и человек исчезал. Притом никто не ведал о природе этой ужасающей и могущественной силы, нависающей над всеми, словно дамоклов меч. Неудивительно, что люди постоянно дрожали от страха и даже в безлюдной пустыне, даже шепотом не высказывали сомнения, одолевавшие их.

Поначалу эта неуловимая чудовищная сила обрушивалась лишь на непокорных, на тех, кто, приняв догматы мормонства, впоследствии преступил их или пожелал отречься от них. Однако вскоре она шире раскинула свою сеть. По мере того как в общине все острее ощущался недостаток женщин брачного возраста (а без них принцип полигамии – пустой звук), поползли странные слухи об отдельных убитых переселенцах и даже полностью истребленных переселенческих лагерях, причем в тех местах, где сроду не видали индейцев. В гаремах же старейшин между тем появлялись новые женщины – женщины с не просыхающими от слез глазами и с выражением неизбывного страха на лице. Они чахли от тоски и горя. Припозднившиеся в горах путники рассказывали о вооруженных бандах людей в масках, бесшумно кравишихся мимо них в темноте. Эти рассказы и слухи, множество раз сопоставленные и подтвердившиеся, постепенно обретали плоть и форму, и наконец таинственная организация получила свое имя. По сей день для обитателей разрозненных ранчо Запада названия «Союз данитов³⁵» или «Ангелы мщениия» звучат зловеще, как дурное предзнаменование.

Тайна рассеивалась, но чем больше становилось известно об организации, чьи деяния имели столь страшные последствия, тем больший, а отнюдь не меньший ужас наводила она на людей. Никому не было ведомо, кто принадлежал к этому безжалостному сообществу. Имена участников кровавых бесчинств, вершившихся во имя религии, держались в строжайшем секрете. Лучший друг, с кем ты поделился своими сомнениями относительно Пророка и его миссии, мог оказаться одним из тех, кто той же ночью огнем и мечом взыщет с тебя чудовищную дань. Поэтому сосед боялся соседа и никто ни с кем не делился своими сокровенными мыслями.

Однажды утром, когда Джон Феррье уже собрался выехать в поле, он услышал лязг щеколды и, выглянув в окно, увидел коренастого мужчину средних лет с проседью в волосах; тот направлялся от калитки к дому. У Джона Феррье упало сердце: это был не кто иной, как

³⁵ Даниты – от Дана, сына Иакова, родоначальника одного из колен Израилевых. Были изгнаны Джозефом Смитом.

сам великий Бригам Янг. Феррье, охваченный дурными предчувствиями, поскольку понимал, что подобный визит не сулит ничего хорошего, открыл дверь и на пороге приветствовал вождя мормонов. Тот, однако, ответил на его приветствия холодно и последовал за ним в гостиную с сурово-непроницаемым лицом.

– Брат Феррье, – сказал Бригам Янг, усаживаясь в кресло и пронзительно глядя на фермера из-под белесых ресниц, – все эти годы правоверные мормоны были тебе добрыми друзьями. Мы подобрали тебя и твою дочь, когда вы умирали от голода в пустыне, разделили с вами хлеб наш насущный, благополучно привели в Долину избранных и дали добрый надел земли. Под нашим покровительством ты разбогател, не так ли?

– Истинно так, – ответил Джон Феррье.

– Взамен мы поставили тебе одно-единственное условие: чтобы ты принял нашу праведную веру и соблюдал все ее ритуалы. Ты обещал, но, если то, что о тебе говорят, правда, нарушил обещание.

– Каким же образом я нарушил его? – возразил Феррье. – Разве я не вношу свою долю в общий котел? Разве не посещаю храм? Разве я...

– Где твои жены? – перебил его Янг, с нарочитым удивлением оглядываясь по сторонам. – Позови их, я хочу поздороваться с ними.

– Это правда, я не женат, – согласился Феррье. – Но в общине мало женщин и много мужчин, которым они нужны больше, чем мне. Я ведь не одинок: обо мне заботится дочь.

– Вот о дочери-то я и пришел поговорить, – сказал мормонский вождь. – Она уже взрослая, хороша собой – недаром ее называют Цветком Юты – и обратила на себя внимание многих мужчин, имеющих вес в общине. – Джон Феррье мысленно застонал. – О ней ходят слухи, коим мне не хотелось бы верить, – будто она обручилась с каким-то Gentile³⁶. Надеюсь, это сплетни праздных языков. Помнишь, что гласит тринадцатая заповедь святого Джозефа Смита? «Всякая истинно верующая дочь да станет женой избранного; а ежели сочетается она браком с иноверцем, то совершит тем самым тяжкий грех». Не верю, что ты, человек, исповедующий наш святой символ веры, позволил своей дочери надругаться над ним. – Джон Феррье ничего не ответил, он лишь нервно постукивал хлыстом по голенищу сапога. – Вот это и станет оселком для испытания истинности твоей веры – так постановил Священный совет четырех, – продолжал между тем Янг. – Девушка молода, и мы не принудим ее выйти замуж за какого-нибудь седовласого старика; более того, мы даже не лишим ее права выбора. У нас, старейшин, много телиц, но и сыновьям нашим нужны жены. У Стэнджерсона есть сын, и у Дреббера есть сын, и каждый из них с радостью примет твою дочь в свой дом. Пусть она сама выберет одного из них. Оба они молоды и богаты, и оба – истинно верующие. Ну, что скажешь?

Сведя брови, Феррье помолчал некоторое время, потом произнес:

– Дайте нам время. Моя дочь слишком юная, ей еще рано замуж.

– У нее есть месяц на размышления, – отрезал Янг, вставая. – По окончании этого срока ей придется дать ответ. – Уже в дверях он повернул к хозяину свое побагровевшее лицо и, гневно сверкнув взглядом, прогремел: – Если ты, Джон Феррье, со своими ничтожными силами попытаешься пойти против воли Священной четверки, то пожалеешь о том, что твои кости и кости твоей дочери не остались в горах Сьерра-Бланки.

Погрозив пальцем, Янг вышел за дверь и затопал по гравийной дорожке. В ушах Феррье долго еще отдавался звук его тяжелых шагов.

Феррье сидел, упершись локтем в колено, обхватив ладонью лоб и размышляя, как сообщить дочери о нависшей угрозе, когда ласковая рука легла ему на плечо. Подняв голову, он увидел, что Люси стоит рядом. Взглянув на ее бледное испуганное лицо, Феррье понял, что она все слышала.

---

³⁶ Так мормоны называли немормонов.

– Я не виновата, – сказала Люси в ответ на его тревожный взгляд. – Голос Янга гремел на весь дом. Ах, отец, отец, что же нам теперь делать?

– Не бойся. – Феррье привлек дочь к себе и погладил широкой загрубевшей ладонью ее мягкие каштановые волосы. – Как-нибудь выпутаемся. Ты ведь не охладела к этому парню, правда? – Девушка горестно всхлипнула и крепче сжала руку отца. – Нет, конечно же, нет, – удовлетворенно сказал Феррье. – Я бы очень огорчился, узнав, что это так. Он добрый малый и куда лучший христианин, чем здешние ханжи, сколько бы они ни молились и ни кликушествовали. Завтра в Неваду отправляется очередная партия старателей, через них я дам знать Хоупу, в какой мы беде. Если я правильно понимаю этого парня, он примчится сюда с быстротой молнии.

Отцовская шутка рассмешила плачущую Люси.

– Он приедет и скажет, что нам делать, – подхватила она. – Но я тревожусь за тебя, дорогой отец. Говорят... рассказывают страшные истории о тех, кто посмел противиться Пророку: с ними случается нечто ужасное.

– А мы и не противимся ему... пока, – ответил Феррье. – Вот когда воспротивимся, тогда и будем остерегаться. У нас впереди еще целый месяц, к концу этого срока, полагаю, мы будем уже далеко от Юты.

– Мы уедем из Юты?

– Скорее всего.

– А как же ферма?

– Постараемся выручить за нее сколько возможно, остальное придется бросить. По правде сказать, Люси, я не впервой об этом задумываюсь. Не могу я ни перед кем пресмыкаться так, как здешний народец пресмыкается перед своим Пророком. Я американец, рожден свободным и к такому не приучен, а меняться мне в моем возрасте уже поздно. Если он велит шпионить за нашей фермой, то его шпионы рискуют напороться на добрый заряд дроби.

– Но они никогда не отпустят нас, – возразила Люси.

– Дождемся Джефферсона, вместе мы все быстренько уладим. А пока не тревожься понапрасну, милая, и не плачь, чтобы не опухли твои глазки, а то он задаст мне жару, когда увидит тебя. Бояться нечего, нам ничто не грозит.

Джон Феррье очень убедительно утешал дочь, но от нее не укрылось то, с какой непривычной тщательностью отец запер все двери тем вечером, а потом аккуратно вычистил и зарядил свое старое заржавевшее ружье, которое висело на стене у него в спальне.

4. Побег ради жизни

На следующее утро после разговора с мормонским Пророком Джон Феррье отправился в Солт-Лейк-Сити и, найдя там своего знакомого, собиравшегося в горы Невады, вручил ему письмо для Джефферсона Хоупа. В письме он сообщал молодому человеку о нависшей над ними угрозе и просил его немедленно приехать. Отдав письмо, Феррье почувствовал облегчение и вернулся домой в менее тягостном настроении.

Подъезжая к ферме, он с удивлением увидел двух лошадей, привязанных к столбам ворот. Еще больше удивился Феррье, войдя в дом: в его гостиной вольготно расположились два молодых человека. Один, с длинным бледным лицом, раскачивался в кресле-качалке, положив ноги на каминную решетку. Другой, с бычьей шеей и грубым, обрюзгшим лицом, стоял у окна, засунув руки в карманы и насвистывая какой-то церковный гимн. Оба небрежно кивнули вошедшему Феррье, и тот, что сидел в кресле, приступил к разговору.

– Возможно, вы нас не знаете, – сказал он. – Вот он – сын старейшины Дреббера, а я – Джозеф Стэнджерсон, мы с вами ехали через пустыню в одной повозке, когда Господь простер над вами Свою длань и вернул заблудших овец в овчарню.

– Как вернет Он туда все народы в избранный Им день и час, – прогнусавил второй гость. – Бог правду видит, да не скоро скажет.

Джон Феррье холодно кивнул. Он и сам сразу догадался, кто его посетители.

– Мы пришли, – продолжал Стэнджерсон, – по совету своих отцов, чтобы просить руки вашей дочери для того из нас, кого вы и она предпочтете. Поскольку у меня всего четыре жены, а у брата Дреббера семь, мне кажется, я имею преимущество.

– Ну уж нет, брат Стэнджерсон! – воскликнул второй. – Дело вовсе не в том, сколько жен у каждого из нас уже есть, а в том, скольких он может прокормить. Отец отдал мне свои мельницы, так что я богаче тебя.

– Зато у меня перспективы лучше, – запальчиво возразил первый. – Когда Господь приберет к себе моего отца, я унаследую его кожевенную фабрику и дубильню. Кроме того, я старше тебя и в церковной иерархии стою выше.

– Пусть девушка сама выберет, – примирительно сказал молодой Дреббер, самодовольно улыбаясь своему отражению в зеркале. – Предоставим решение ей.

На протяжении всего этого диалога Джон Феррье, кипя от негодования, стоял в дверях и едва сдерживался, чтобы не огреть хлыстом незваных гостей.

– А теперь слушайте меня, – сказал он наконец, шагнув вперед. – Когда моя дочь позовет вас, можете прийти, а до тех пор чтобы я больше не видел ваших физиономий у себя в доме!

Молодые мормоны в изумлении уставились на него. По их представлениям, соперничая за обладание девушкой, они оказывали высочайшую честь ей самой и ее отцу.

– Из этой комнаты есть два выхода, – закричал разъяренный Феррье, – через дверь и через окно. Какой вы предпочитаете? – Его смуглое лицо было таким свирепым, а костлявые кулаки выглядели столь угрожающе, что гости сочли за благо поскорей ретироваться. Старик фермер шел за ними до самых дверей. – Не забудьте сообщить, когда договоритесь, кто из вас более подходящий жених, – издевательски напутствовал он своих гостей.

– Зло причиняете вы себе! – побелев от ярости, выкрикнул Стэнджерсон. – Вы бросили вызов Пророку и Совету четырех и будете раскаиваться в этом до конца дней своих.

– Десница Господня тяжела будет на главе твоей, – подхватил молодой Дреббер. – Восстанет Он и поразит тебя!

– Зато тебя я сам поражу! – окончательно рассвирепев, воскликнул Феррье и бросился наверх за ружьем, но Люси удержала его, схватив за руку. Прежде чем он освободился от нее, отдаленный цокот копыт оповестил обоих, что гости уже вне пределов досягаемости. – Лицемеры, подлецы! – заорал им вдогонку Феррье, вытирая пот со лба. – Уж лучше мне увидеть тебя в гробу, девочка моя, чем замужем за любым из них.

– Я тоже предпочту умереть, отец, – храбро заявила девушка. – Но ведь Джефферсон скоро будет здесь.

– Да. Ждать осталось недолго. Поскорей бы уж он приехал, кто знает, что еще взбредет им в голову.

И впрямь, давно уж пора было кому-нибудь, кто мог дать дельный совет, прийти на помощь стойкому старому фермеру и его приемной дочери. В истории поселения не было еще случая такого бесстрашного неповиновения власти старейшин. И если уж куда более мелкие провинности карались здесь столь сурово, то можно себе представить, какая судьба ждала такого отчаянного бунтаря. Феррье прекрасно понимал, что ни богатство, ни положение в общине не спасут его. Не менее известные и состоятельные люди, чем он, и прежде исчезали без следа, а их добро отходило церкви. Феррье был храбрым человеком, но и он содрогался при мысли о зловеще-призрачной угрозе, нависшей над ним. Любую явную опасность Феррье встретил бы, не склонив головы, но ожидание неизвестности нервировало его. Он старался скрывать свои страхи от дочери и убеждал ее, что все происходящее – пустяк, однако дочерняя любовь наделила Люси проницательностью, и она видела, что отцу не по себе.

Феррье догадывался, что Янг не оставит без внимания его поведение, и не ошибся, но ему и в голову не приходило, какую изощренную форму наказания тот выберет. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил квадратный листок бумаги, припиленный к одеялу у него на груди. Корявыми печатными буквами на нем было написано: «Чтобы исправить ошибку, у тебя осталось двадцать девять дней, а потом...»

Это многоточие было страшной любой угрозы. Джон Феррье не понимал, как записка оказалась в его комнате, ведь слуги спали в отдельном доме, а все двери и окна были надежно заперты. Он сжег бумажку и ничего не сказал дочери, но происшествие вселило холодный ужас в его сердце. Двадцать девять дней – это, очевидно, то, что осталось от обещанного Янгом месяца. Какая же сила и отвага нужны, чтобы противостоять врагу, наделенному столь таинственной властью? Рука, пришившая записку, могла поразить Феррье прямо в сердце, а он даже не узнал бы имени убийцы.

На следующее утро его ждало еще более глубокое потрясение. Они сидели за завтраком, когда Люси вдруг удивленно вскрикнула и указала рукой вверх. Посреди потолка, судя по всему, обугленной головешкой была нацарапана цифра «28». Люси не догадалась о значении сего знака, а Феррье не стал ничего объяснять. В ту ночь он не сомкнул глаз: сидел с ружьем в руках, охраняя дом. Феррье ничего не увидел и не услышал, но наутро на входной двери снаружи появилась намалеванная краской цифра «27».

Так проходил день за днем, и каждое утро, неотвратимые как судьба, появлялись новые свидетельства того, что невидимые враги ведут свой грозный счет: на самых заметных местах они оставляли метки – сколько дней осталось Феррье от милостиво дарованного месяца. Иногда роковые числа были написаны на стене, иногда на полу, порой бумажки прикрепляли к садовой калитке или ограде. Несмотря на всю свою бдительность, Джон Феррье ни разу не обнаружил, когда появляются эти ежедневные предупреждения. При виде их он испытывал почти суеверный ужас. Феррье исхудал, потерял покой и смотрел как затравленный зверь. Теперь оставалась одна надежда: на возвращение молодого охотника из Невады.

Число отпущенных дней сократилось до двадцати, потом до пятнадцати, до десяти, а уехавший друг не подавал о себе никаких вестей. Дни утекали, как вода, но от Хоупа не было ни слуху ни духу. Каждый раз, когда на дороге раздавался цокот копыт или возница покрикивал на своих лошадей, фермер бросался к воротам в тщетной надежде на то, что наконец-то пришла помощь. Но когда цифра пять сменилась цифрой четыре, а затем три, Феррье пал духом и безвозвратно утратил надежду на спасение. Он понимал, что без посторонней помощи, плохо ориентируясь в окрестных горах, будет беспомощен. Все проезжие дороги тщательно охранялись, с них не спускали глаз, проехать по ним без письменного разрешения Совета было невозможно. В какую бы сторону он ни направился, избежать нависшей над ним опасности не удалось бы. Однако старик оставался непоколебим в своем решении скорее расстаться с жизнью, чем согласиться на то, что считал бесчестьем для дочери.

Как-то вечером он сидел в одиночестве, размышляя над своими бедами и тщетно пытаясь найти выход. Утром на стене дома появилась цифра два, оставался последний день назначенного срока. И что потом? В воображении Феррье роились неясные, но пугающие фантазии. А дочь? Что будет с ней, когда его не станет? Неужели нет спасения от невидимой паутины, опутавшей их? Он опустил голову на стол и разрыдался от сознания собственной беспомощности.

Но что это? В тишине Феррье уловил едва слышный скребущий звук – осторожный, но отчетливо различимый в ночной тишине. Звук исходил от входной двери. Феррье прокрался по коридору и прислушался. На несколько секунд наступила пауза, потом осторожное, но настойчивое царапанье возобновилось. Снаружи кто-то явно скреб ногтем по дверному косяку. Быть может, это полуночный убийца, явившийся привести в исполнение смертный приговор тайного трибунала? Или посланник, делающий пометку о том, что наступил последний день отсрочки? Решив, что мгновенная смерть несравненно милосерднее тягостного ожидания, от которого

натянулись его нервы и холодело в груди, Джон Феррье сделал молниеносный прыжок, рванул задвижку и распахнул дверь.

Снаружи все было тихо и неподвижно. Стояла дивная ночь, над головой ярко мерцали звезды. Прямо от порога начинался небольшой сад, окруженный изгородью, но ни в нем, ни на дороге не было видно ни одного живого существа. Со вздохом облегчения Феррье взглянул направо, налево, а потом – почти случайно – себе под ноги. Каково же было его изумление, когда он увидел распростертого на земле мужчину с раскинутыми в стороны руками и ногами.

Это зрелище так ошеломило Феррье, что он невольно отпрянул к стене, сжав руками горло, чтобы не закричать. Сначала Феррье подумал, что распростертый человек – это тяжело раненный или даже умирающий, но, присмотревшись, он увидел, что человек этот, извиваясь быстро и бесшумно, как змея, ползет в дом. Оказавшись внутри, мужчина вскочил на ноги, закрыл дверь, и перед потрясенным фермером предстало волевое и решительное лицо Джефферсона Хоупа.

– Боже праведный! – с трудом переведя дыхание, воскликнул Джон Феррье. – Как ты меня напугал! Какого черта ты ползаешь?

– Позвольте мне сначала поесть, – попросил Хоуп охрипшим голосом. – Я двое суток не спал и не ел. – С этими словами он жадно набросился на холодное мясо и хлеб, остававшиеся на столе после хозяйского ужина. – Как Люси? – спросил он, едва утолив голод.

– Хорошо. Она ничего не знает об опасности, – ответил отец девушки.

– Это правильно. За домом наблюдают со всех сторон. Вот почему мне пришлось ползти. Они, конечно, чертовски бдительны и хитры, но не настолько, чтобы поймать охотника с гор Уошу.

Теперь, когда рядом с ним был преданный союзник, Джон Феррье чувствовал себя совсем иначе. Он схватил обветренную руку молодого человека и от души пожал ее.

– Тобой можно гордиться, – сказал он. – Не много сыщется людей, которые добровольно решились бы разделить с нами несчастье и опасность.

– Не преувеличивайте, приятель, – прервал его восторги молодой охотник. – Я очень уважаю вас, но, признаться, дважды подумал бы, стоит ли совать голову в такое осиное гнездо ради вас одного. Я здесь из-за Люси и клянусь, прежде чем хоть один волос упадет с ее головы, в Юте станет на одного Хоупа меньше.

– Что будем делать?

– Завтра последний день, поэтому, если мы ничего не предпримем нынешней ночью, вы пропали. В Орлином ущелье я оставил мула и двух лошадей. Сколько у вас денег?

– Две тысячи долларов золотом и пять – в банкнотах.

– Этого хватит. У меня приблизительно столько же. Мы должны пробиться через горы в Карсон-Сити³⁷. Разбудите Люси. Хорошо, что слуги не спят в доме.

Пока Феррье отсутствовал, подготавливая дочь к предстоящему путешествию, Джефферсон Хоуп сложил все съестное в небольшой пакет и наполнил водой глиняный кувшин, зная по опыту, что источников в здешних горах мало и находятся они далеко друг от друга. Он как раз закончил сборы, когда вернулся фермер с дочерью, одетой для долгой дороги и готовой немедленно отправиться в путь. Встреча влюбленных была горячей, но краткой, ибо предстояло еще многое сделать и дорога была каждая минута.

– Мы должны выступить немедленно, – сказал Джефферсон Хоуп тихо, но решительно, как человек, трезво осознающий масштаб опасности, однако намеренный бороться до конца. – Парадный и черный ходы под наблюдением, но, соблюдая осторожность, мы вылезем через боковое окно и проберемся полями. Как только окажемся на дороге, до ущелья, где ждут лошади, останется всего две мили. К рассвету мы должны проделать половину пути через горы.

---

³⁷ Немормонский город в штате Невада, неподалеку от границы с Калифорнией.

– А что, если нас остановят? – спросил Феррье.

Хоуп похлопал по рукоятке заткнутого за пояс револьвера, который выпирал спереди из-под кожаной блузы.

– Если их окажется слишком много, мы по крайней мере прихватим двоих-троих с собой, – ответил он с мрачной усмешкой.

Они потушили огонь, и, выглянув через боковое окно, Феррье всмотрелся в поля, его поля, которые ему предстояло покинуть навсегда. Впрочем, он давно подготовил себя к этой жертве; честь и счастье дочери были для него несравненно дороже, чем состояние. Вид, открывавшийся из окна – пышные деревья и широкая полоса мирной нивы, – казался абсолютно безмятежным. Не верилось, что все вокруг пронизано смертельной угрозой. Тем не менее озбоченное выражение бледного лица молодого охотника безошибочно свидетельствовало о том, что на подступах к дому он заметил предостаточно опасностей.

Феррье взвалил на плечо мешок с золотом и банкнотами. Джефферсон Хоуп нес их скудный запас провизии и кувшин с водой, Люси – небольшой узелок с немногими дорогими ей пожитками. Они очень медленно и осторожно открыли окно, дождались, когда черная туча заволокла небо, сделав ночную тьму кромешной, после чего один за другим вылезли в сад. Затаив дыхание, согнувшись в три погибели, они быстро пересекли его и, укрываясь под сенью изгороди, стали продвигаться вдоль нее, пока не достигли брешы, ведущей в поле. Но в этот момент молодой охотник схватил своих спутников за руки и молча оттащил назад, в тень, где они залегли на землю, дрожа и стараясь не дышать.

Хорошо, что жизнь в прериях развила у Джефферсона Хоупа острый, как у рыси, слух. Едва они спрятались, как в нескольких ярдах от них послышалось тоскливое уханье горной совы, ей тотчас ответила другая, находившаяся где-то неподалеку. И в тот же миг в проеме, через который они только что собирались пролезть, появилась едва различимая во тьме фигура мужчины. Он снова издал условный звук, на который откликнулся другой человек, почти одновременно с ним выступивший из тьмы.

– В полночь, – сказал первый и, видимо, главный. – После троекратного крика козодоя.

– Хорошо, – ответил второй. – Предупредить брата Дреббера?

– Да, передай ему, а он пусть передаст дальше по цепочке. Девять к семи!

– Семь к девяти! – ответил второй, и фигуры разошлись в разные стороны.

Их последние реплики были скорее всего паролем и отзывом. Как только шаги замерли вдали, Джефферсон Хоуп вскочил и помог своим спутникам пролезть сквозь брешь в изгороди. Потом он очень быстро повел их через поле, поддерживая, а порой почти неся на себе выбивавшуюся из сил девушку.

– Скорее! Скорее! – подгонял он спутников время от времени. – Линию дозора мы уже миновали, теперь все зависит от нашей проворности. Торопитесь!

Выбравшись наконец на дорогу, они зашагали гораздо бодрее. Только раз кто-то повстречался им на пути, но они успели юркнуть в пшеницу и остаться незамеченными. Не доходя до города, охотник свернул на узкую бугристую тропу, ведущую к горам. Два островерхих пика смутно вырисовывались на фоне темного неба, просвет между ними и был Орлиным ущельем, где ждали лошади. Руководствуясь безошибочным чутьем, Джефферсон Хоуп прокладывал путь между огромными валунами, разбросанными вдоль русла высохшей речки, пока они не достигли скрытого от глаз скалами уголка, где верные животные мирно стояли, привязанные к колышкам. Девушку посадили на мула, старик Феррье, держа мешок с деньгами, сел на лошадь, а Джефферсон Хоуп, взяв свою под уздцы, с предельной осторожностью повел ее по опасной горной тропе.

Любого, кто не привык действовать в условиях дикой природы, этот путь изрядно напугал бы. С одной стороны возвышался почти отвесный скалистый склон высотой не менее тысячи футов, черный, неприступный и грозный, с длинными базальтовыми наростами, как ребра ока-

меневшего ископаемого, торчавшими из его изрезанной глубокими трещинами поверхности. С другой – вся земля была завалена острыми обломками скал и гигантскими валунами, так что по ней нельзя было ступить и шагу. А посередине петляла порой вовсе исчезающая тропа, такая узкая, что приходилось идти гуськом, и такая неровная, что одолеть ее мог лишь очень искусный наездник. Но, несмотря на все трудности и опасности, беглецы находились в приподнятом настроении, ибо каждый шаг удалял их от цитадели деспотизма, которую они мечтали покинуть навсегда.

Вскоре, однако, они получили доказательство того, что все еще находятся на территории, подвластной «святым». Они подъехали к самому дикому и глухому участку дороги, когда девушка, тревожно вскрикнув, указала куда-то вверх. На выступе скалы, нависавшей над тропой, четко вырисовываясь на фоне неба, стоял одинокий часовой. Они увидели друг друга одновременно, и в тишине ущелья прозвучало и многократно отдалось гулким эхом его: «Стой, кто идет?»

Не снимая руки с ружья, лежавшего перед ним поперек седла, Джефферсон Хоуп ответил:

– Путники. Едем в Неваду.

Они заметили, как одинокий страж, вглядываясь в них, положил палец на курок, видимо, ответ не удовлетворил его.

– Кто дал разрешение? – спросил он.

– Священная четверка, – ответил Феррье. Прожив среди мормонов не один год, он знал, что для них это высший авторитет.

– Девять к семи, – крикнул часовой.

– Семь к девяти, – без запинки произнес Джефферсон Хоуп отзыв, подслушанный в саду.

– Проезжайте и да хранит вас Господь, – напутствовал их голос сверху. Начиная с этого места, дорога становилась шире, и они пустили лошадей рысью. Оглянувшись, они увидели одинокого стража, который стоял, спокойно опершись на ружье, и поняли, что миновали последний сторожевой редут Страны избранных. Впереди их ждала свобода.

5. Ангелы мщения

Всю ночь они ехали по заваленным камнями, то и дело исчезающим тропам, петлявшим по дну извилистых ущелий. Не раз сбивались с пути, но доскональное знание местных гор позволяло Хоупу снова и снова находить верную дорогу. Когда рассвело, их взорам открылась картина восхитительной, хотя и дикой природы. Со всех сторон их окружали высокие снежные вершины, которые, выглядывая одна из-за другой, тянулись до самого горизонта. Их каменные склоны были такими крутыми, что росшие на них лиственницы и сосны казались подвешенными в воздухе. Невольно думалось, что достаточно одного порыва ветра – и они сорвутся путникам на головы. Они опасались не напрасно: замкнутая горами котловина была сплошь завалена деревьями и обломками скал, сорвавшимися с гор. Как раз в тот момент, когда путники пересекали долину, огромный валун скатился вниз с треском и грохотом, разбудившим дремавшее в ущелье эхо, и оно так напугало лошадей, что они припустили галопом.

По мере того как на востоке над горизонтом всходило солнце, вершины огромных гор расцветивались одна за другой, словно праздничная гирлянда, пока не засияли огнями все разом. Эта волшебная картина приободрила беглецов и придала им сил. На берегу бурного горного ручья, стремившегося через ущелье, они устроили короткий привал, напоили лошадей и сами позавтракали на скорую руку. Люси и ее отцу хотелось отдохнуть подольше, но Джефферсон Хоуп был неумолим.

– Они наверняка уже отрядили за нами погоню, – сказал он. – Наше спасение – в быстрой. Вот доберемся до Карсона целыми и невредимыми – будем отдыхать хоть всю оставшуюся жизнь.

Весь этот день путники ехали ущельями и к вечеру, по их подсчетам, находились более чем в тридцати милях от своих врагов. Для ночевки они выбрали место под скалистым уступом, кое-как защищенное от пронизывающего ветра, и, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, несколько часов поспали. Однако еще до рассвета снова пустились в путь. Не замечая никаких признаков погони, Джефферсон Хоуп подумал, что они уже вне пределов досягаемости той страшной организации, чью вражду имели несчастье навлечь на себя. Но он не знал, сколь далеко простирается ее тяжелая длань и как скоро беглецы почувствуют на себе железную хватку, которая сокрушит их.

К середине второго дня начал иссякать скудный запас провизии. Это не слишком беспокоило охотника, ибо он знал, что в горах полно дичи, ему и прежде случалось обеспечивать себя едой, полагаясь лишь на собственное ружье. Найдя небольшую ровную площадку, укромно защищенную со всех сторон скалами, Хоуп набрал сухих веток и разжег костер, чтобы его спутники согрелись, ведь теперь они находились на высоте пять тысяч футов над уровнем моря, и воздух здесь был такой ледяной и колючий, что их пробирало до мозга костей. Привязав лошадей и помахав Люси на прощание, охотник закинул за спину ружье и отправился на поиски добычи. Отойдя на несколько шагов, он оглянулся и увидел, что старик и девушка сидят, придвинувшись к костру, а трое животных неподвижно стоят чуть поодаль. Но вскоре скалы скрыли от него эту трогательную картину.

Хоуп прошел мили две, перебираясь из одной узкой теснины в другую, но не встретил ни зверя, ни птицы, хотя по ободранной коре на деревьях и по другим признакам мог с уверенностью сказать, что в этой местности водится немало медведей. Наконец, после двух или трех часов бесплодных блужданий, он, отчаявшись, решил было возвращаться, но, случайно посмотрев вверх, заметил то, от чего у него радостно забилося сердце: на краю остроконечной выступающей скалы, на высоте футов трехсот – четырехсот, застыло существо, внешне напоминавшее овцу, но снабженное парой гигантских рогов. Снежный баран – именно так называлось это существо, – вероятно, исполнял обязанности дозорного в стаде, скрытом сейчас от глаз охотника. К счастью, баран смотрел в другую сторону и не заметил человека. Распластавшись на земле, Хоуп положил дуло ружья на камень для упора и долго целился, прежде чем спустить курок. Животное высоко подскочило, на миг задержалось на краю скалы, суча ногами, и рухнуло вниз.

Туша оказалась слишком тяжелой, чтобы тащить ее на себе целиком, поэтому охотник отрезал лишь заднюю часть и кусок грудины. Взмахив свой трофей на плечо, он поспешил назад, так как начинало смеркаться. Однако вскоре Хоуп обнаружил, что, увлекшись поисками добычи, очутился в незнакомом ему месте, и теперь не мог сообразить, куда идти. Долина, где он находился, имела множество выходов в большие и маленькие ущелья, так похожие одно на другое, что было почти невозможно различить их. Хоуп углубился в одно из ущелий, но, пройдя чуть больше мили, уткнулся в горный поток, которого прежде не видел. Поняв, что ошибся, Хоуп вернулся и пошел по другому ущелью – с тем же успехом. В горах темнеет быстро, и к тому времени, когда он отыскал нужную тропу, на землю опустилась ночь. Теперь, даже зная дорогу, охотник продвигался с огромным трудом: луна еще не взошла, а громоздящиеся с обеих сторон скалы делали тьму непроглядной. Обремененный добычей, усталый от долгих скитаний, Хоуп приободрял себя лишь мыслью о том, что каждый шаг приближает его к Люси и он несет столько мяса, что обеспечит едой своих спутников и себя до конца путешествия.

Наконец Хоуп подошел ко входу в ущелье, где оставил Люси и ее отца. Даже в темноте он узнал очертания скал, окаймлявших его. Должно быть, Феррье с дочерью уже волнуются,

ведь он отсутствовал почти пять часов. В радостном предвкушении встречи охотник сложил ладони лодочкой и, поднеся их к губам, издал громкий клич, оповещающий о своем прибытии. Клич гулким эхом разнесся между скал. Охотник подождал, прислушиваясь, но, кроме эха собственного голоса, прокатившегося по ущелью и вернувшегося к нему затухающими повторами, ничего не услышал. Он крикнул снова, громче, но никакого ответа от друзей не было. Смутный страх закрался в его душу, хотя пока Хоуп не мог бы сказать, чего именно боится. Он стремительно кинулся вперед, в панике бросив драгоценную добычу.

Обогнув скалу, он очутился на той самой площадке, где еще недавно горел костер. Теперь на его месте тлела лишь кучка золы – было очевидно, что после ухода Хоупа никто огня не поддерживал. Вокруг по-прежнему царила мертвая тишина. Его смутные опасения переросли в уверенность, он поспешно огляделся и не обнаружил вблизи догоревшего костра ни живой души – ни старика, ни девушки, ни лошадей. Хоуп понял, что во время его отсутствия здесь произошла катастрофа, унесшая их всех и не оставившая после себя никаких следов.

Сраженный этим чудовищным ударом, Джефферсон Хоуп почувствовал, как у него закружилась голова. Чтобы не упасть, он оперся на ружье. Однако, как человек действия, Хоуп быстро оправился от слабости. Выхватив из пепелища тлеющую головешку, он раздул огонь и с этим факелом пошел осматривать свой маленький бивуак. Вся земля была истоптана конскими копытами – значит, на беглецов напал большой отряд всадников, который, судя по направлению следов, отправился назад в Солт-Лейк-Сити. Скорее всего отряд и увез с собой его спутников. Джефферсон Хоуп почти убедил себя в том, что так оно и было, но в этот момент взгляд его различил смутный силуэт, при виде которого нервы охотника напряглись до предела. Чуть в стороне от площадки, где располагалась их стоянка, возвышался небольшой холмик из красноватой земли, которого – он это точно помнил – прежде там не было. Принять его ни за что, кроме свежей могилы, было невозможно. Подойдя поближе, охотник увидел воткнутую в холмик палку, в расщепленный конец которой был вставлен лист бумаги. Надпись оказалась краткой, но исчерпывающей:

ДЖОН ФЕРРЬЕ,

житель Солт-Лейк-Сити.

Скончался 4 августа 1860 года

Значит, отважный старик, которого он несколько часов назад оставил на этом месте, мертв, и этот жалкий листок – единственная эпитафия, коей он удостоился. Джефферсон Хоуп стал дико озиаться по сторонам в поисках второй могилы, но ее не было. Значит, Люси увезли ее жестокие преследователи. Судьба все же настигла девушку: быть ей теперь одной из жен в гареме сына старейшины. Осознав бесповоротность случившегося и свое бессилие что-либо изменить, Хоуп пожалел о том, что не может найти упокоения здесь же, рядом со старым фермером, в его могиле.

Но врожденная активность натуры возобладала над отчаянием, и он преодолел оцепенение. Раз ничего другого не остается, нужно посвятить жизнь тому, чтобы отомстить. Безграничное терпение и упорство позволяли Джефферсону Хоупу долго и неотступно вынашивать свою месть – видимо, эти качества он перенял у индейцев, среди которых вырос. Стоя у покинутого костра, он думал о том, что облегчить его беспредельное горе может только одно – неминуемое возмездие, которое постигнет его врагов. И он покарает их собственной рукой.

Отныне Хоуп решил направить только на это всю свою железную волю и неиссякаемую энергию. С побелевшим, искаженным страданием лицом он вернулся туда, где бросил свою добычу, и, раздув тлеющий костер, нажарил мяса на несколько дней пути. Увязав еду в узелок, Хоуп, невзирая на усталость, отправился через горы туда, куда указывали следы Ангелов мщения.

Пять дней, в кровь стирая ноги, выбиваясь из сил, он шел назад по той же дороге, по которой недавно ехал верхом. После наступления ночи Хоуп падал от усталости между скал, чтобы пару часов вздремнуть, но еще до рассвета поднимался на ноги. На шестой день он достиг Орлиного ущелья, откуда они начали свое роковое путешествие. Отсюда открывался вид на прибежище Святых. Измученный и истощенный, опершись на ружье, Хоуп яростно погрозил раскинувшемуся внизу молчаливому городу своим загрубелым кулаком. Потом, приглядевшись, увидел флаги, развешанные на улицах, и другие признаки торжества. Не успел он подумать о том, чему оно посвящено, как услышал цокот лошадиных копыт и увидел приближающегося к нему всадника. Когда тот подъехал поближе, Хоуп узнал в нем мормона по имени Купер, которому иногда оказывал услуги, поэтому счел возможным разузнать у него о судьбе Люси Феррье.

– Я Джефферсон Хоуп, – сказал он. – Вы помните меня?

Мормон удивленно посмотрел на него. В этом косматом оборванце с бескровно-белым лицом и дико горящими глазами трудно было узнать некогда щеголеватого молодого охотника. Удивление, однако, сменилось страхом, когда мормон убедился в том, что это действительно Хоуп.

– Какое безумие – зачем вы вернулись?! – воскликнул он. – Если кто-нибудь увидит, что я разговариваю с вами, это может стоить мне жизни. Священная четверка выдала ордер на ваш арест за то, что вы помогли бежать Феррье и его дочери.

– Не боюсь я ни их, ни их ордеров, – ответил Хоуп. – Купер, вы должны что-нибудь знать о ней. Заклинаю вас всем святым, ответьте мне на несколько вопросов. Мы же были друзьями. Ради Бога!

– Ну, что у вас за вопросы? – сжалился мормон, которому явно было не по себе. – Только быстро. У скал и деревьев тоже есть глаза и уши.

– Что случилось с Люси Феррье?

– Вчера ее выдали замуж за молодого Дреббера. Спокойно, парень, спокойно – вы же едва на ногах держитесь.

– Не обо мне речь, – отмахнулся Хоуп. Он побледнел еще больше и сполз на землю по скале, к которой прислонялся. – Вы сказали «выдали замуж»?

– Да, вчера – потому и флаги на улицах вывесили. Молодой Дреббер и молодой Стэнджерсон договорились между собой, кому она достанется. Они оба были в отряде, отправленном в погоню, и Стэнджерсон убил отца девушки, что вроде бы давало ему преимущество, но, когда они оспаривали свои права перед Священным советом, аргументы Дреббера оказались сильнее, поэтому Пророк отдал ее ему. Впрочем, долго она никому принадлежать не будет: поверьте, вчера я видел смерть у нее в глазах. Она больше похожа на призрак, чем на женщину. Надеюсь, это все, что вы хотели узнать?

– Все, – ответил Джефферсон Хоуп, с трудом вставая. Его суровое лицо казалось теперь высеченным из мрамора – лишь глаза полыхали недобрым пламенем.

– И куда же вы теперь?

– Не важно, – ответил Хоуп и, закинув винтовку на плечо, зашагал прочь по узкому ущелью в глубину гор, туда, где обитали лишь дикие звери. Но не было сейчас среди них никого свирепей и опасней Хоупа.

Предсказание мормона сбылось. То ли из-за ужасной смерти отца, случившейся на ее глазах, то ли из-за принудительного замужества бедняжка Люси так и не оправилась от горя. Она зачахла и умерла, не прожив после свадьбы и месяца. Отупевший от пьянства Дреббер,

женившийся на ней только ради наследства, недолго горевал из-за своей утраты; а вот другие его жены оплакивали Люси и, по мормонскому обычаю, всю ночь накануне похорон провели у ее одра. На следующий день рано утром, когда они собрались вокруг гроба для последнего прощания, дверь внезапно распахнулась и, к их невыразимому ужасу и изумлению, в комнату вошел свирепого вида мужчина в истрепанной одежде. Не произнеся ни слова и даже не взглянув в сторону перепуганных женщин, он приблизился к бездыханному телу, в котором еще недавно жила чистая душа Люси Феррье. Склонившись, он благоговейно коснулся губами ее холодного белого лба, потом взял руку покойной и снял с ее пальца обручальное кольцо.

– С этим она не уйдет в могилу, – гневно бросил он и, прежде чем поднялась тревога, скрылся. Все случилось так быстро и казалось столь неправдоподобным, что очевидцы не то что не могли никого убедить в том, что случилось, да и сами не поверили бы тому, чему стали свидетелями, если бы не один неоспоримый факт: золотое обручальное кольцо, исчезнувшее с пальца покойной.

Несколько месяцев Джефферсон Хоуп провел в горах, ведя странную жизнь, напоминающую жизнь дикого зверя. Одержимый своей идеей, он вынашивал в душе план страшной мести. Среди мормонов ходили слухи о диковинном существе, обитавшем в самых глухих ущельях и порой рыскавшем вблизи города. Однажды в окно дома Стэнджерсона влетела пуля и, просвистев в футах от его головы, вонзилась в стену. В другой раз, когда Дреббер проходил под скалистым уступом, огромный камень сорвался сверху, и он едва избежал ужасной смерти, успев отскочить в сторону и плашмя броситься на землю. Два молодых мормона недолго гадали, кто покушается на них, и снаряжали в горы одну экспедицию за другой в надежде захватить или убить своего врага, но все попытки были тщетны. Тогда, в целях предосторожности, они решили никогда и нигде не появляться поодиночке, не выходить на улицу после наступления темноты и выставить охрану вокруг своих домов. Однако по прошествии некоторого времени они ослабили бдительность, поскольку их недруг больше не давал о себе знать: никто не видел его и ничего о нем не слышал. Они решили, что мстительность его поутихла.

Напротив, Хоуп распалялся все сильнее. Человек упорный, он не привык отступать от намеченной цели, а всепоглощающая жажда мести так безраздельно завладела им, что не оставила места для иных чувств. Вместе с тем практический ум подсказывал Хоупу, что даже его железный организм не выдержит постоянного напряжения. Он не имел ни крова над головой, ни полноценной пищи, и силы его быстро убывали. Кто же покарает мерзавцев, если он околует, как пес, здесь, в горах? А коли он будет вести такую жизнь, смерть неминуема. И это на руку лишь его врагам. Поразмыслив, Джефферсон Хоуп вернулся в Неваду, на старые рудники, чтобы поправить здоровье и скопить денег. Это позволило бы ему в дальнейшем добиваться своей цели без особых лишений.

Он намеревался провести в Неваде не более года, но непредвиденные обстоятельства задержали его на рудниках почти на пять. Но и по истечении этого срока память о чудовищном злодеянии у него не притупилась и не утихла жажда мести. Эти чувства были так же остры, как в тот вечер, когда он стоял у могилы Джона Феррье. Изменив внешность и имя, Хоуп отправился в Солт-Лейк-Сити, ничуть не заботясь о собственной судьбе и готовый ко всему, – лишь бы восторжествовала справедливость. Там его ждали дурные вести. За несколько месяцев до возвращения Хоупа в стане Избранных произошел раскол: часть молодых мормонов взбунтовалась против власти старейшин и, отколовшись от церкви, покинула Юту. Среди них были Дреббер и Стэнджерсон; никто не знал, где их теперь искать. По слухам, Дреббер продал большую часть своей собственности, так что стал человеком весьма состоятельным, тогда как его приятель Стэнджерсон остался сравнительно беден. Так или иначе, где они, никто не знал.

Многие на месте Хоупа, как ни одолевала бы их жажда мщения, в подобных обстоятельствах сдались бы, но он не ведал сомнений. Не располагая сведениями, перебиваясь случайными заработками, Хоуп переезжал из города в город в поисках своих врагов и так пересек

чуть ли не всю территорию Соединенных Штатов. Год проходил за годом, в его черных волосах пробивалась седина, но он, словно гончая, продолжал преследовать врагов, отрешившись от всего, что не было связано с единственной целью его жизни. Наконец упорство Хоупа было вознаграждено. Он лишь мимолетно увидел лицо в окне, но этого было достаточно: Хоуп убедился, что люди, которых он ищет, находятся в Кливленде, штат Огайо. Вернувшись в свое убогое жилище, Хоуп уже имел детальный план мести. К несчастью, случилось так, что Дреббер, выглянув из окна в тот момент, тоже заметил на улице бродягу и прочел в его взгляде свой смертный приговор. Вместе со Стэнджерсоном, ставшим теперь его личным секретарем, он немедленно отправился к мировому судье и заявил, что им угрожает опасность со стороны одержимого ревностью и ненавистью давнего соперника. В тот же вечер Джефферсона Хоупа препроводили в тюрьму. Не найдя поручителей, он провел в ней несколько недель. Когда же его наконец освободили, Хоуп обнаружил, что дом Дреббера опустел. Ему сказали, что тот со своим секретарем отправился в Европу.

Мститель снова потерпел неудачу, но лютая ненависть погнала его по следу врага. Не располагая деньгами, Хоуп устроился на работу и, экономя каждый доллар, накопил денег на предстоящее путешествие. Собрав ровно столько, сколько было нужно, чтобы обеспечить себя самым необходимым, он отплыл в Европу и уже там продолжил преследование. Хоуп переезжал из города в город, делал все, что в человеческих силах, но настичь беглецов ему так и не удалось. Приехав в Санкт-Петербург, он выяснил, что они только что отбыли в Копенгаген. В датскую столицу Хоуп опоздал на несколько дней: Дреббер и Стэнджерсон перебрались в Лондон, и вот тут Хоуп наконец настиг их, а что случилось после этого, известно из признаний самого старого охотника, добросовестно воспроизведенных в дневниковых записях доктора Уотсона, коим мы уже столь многим обязаны.

6. Продолжение воспоминаний Джона Х. Уотсона, доктора медицины

Яростное сопротивление нашего пленника, судя по всему, не было вызвано злобой по отношению к нам. Лишившись возможности бороться дальше, он приветливо улыбнулся и выразил надежду на то, что никому в этой свалке не нанес увечий.

– Наверное, вы собираетесь отвезти меня в полицейский участок, – обратился он к Шерлоку Холмсу. – Мой кеб стоит у подъезда. Если вы развяжете мне ноги, я сам спущусь к нему. Теперь я уже не так легок, как прежде, так что нести меня будет тяжело.

Грегсон и Лестрейд, переглянувшись, видимо, сочли это слишком рискованным, но Шерлок Холмс поверил пленнику на слово и развязал полотенце, которым стянули его щиколотки. Тот встал и немного размял ноги, словно хотел убедиться, что они действительно свободны. Помню, я подумал, глядя на него, что не часто случалось мне видеть столь крепко сбитого мужчину; выражение его лица, загорелого до черноты, было таким решительным и энергичным, что производило не менее сильное впечатление, чем физическая сила пленника.

– Если бы место начальника полиции было сейчас вакантно, полагаю, кандидатуры лучше вас на него не найти, – добавил арестованный, с нескрываемым восхищением глядя на моего компаньона. – То, как вы меня выследили, просто невероятно.

– Вам тоже хорошо было бы поехать с нами, – обратился Холмс к полицейским.

– Я могу сойти за извозчика, – предложил Лестрейд.

– Отлично, а Грегсон поместится с нами в кебе. И вы, доктор. Вы ведь принимали живое участие в деле, так что имеете полное право присутствовать при его завершении.

Я охотно согласился, и мы все спустились вниз. Наш пленник не делал ни малейших попыток бежать. Он спокойно поднялся по ступенькам в кабину собственного кеба, а я последовал за ним. Лестрейд взгромоздился на козлы, щелкнул кнутом и вскоре доставил нас к месту назначения. Там нас препроводили в небольшую комнату, где инспектор записал фами-

лии арестованного и людей, в убийстве которых его обвиняли. Этот полицейский с бесстрастным бледным лицом исполнил свои обязанности уныло-механически.

– В течение недели задержанный предстанет перед судом для предварительного допроса, – сказал он. – А пока, мистер Джефферсон Хоуп, не хотите ли сделать заявление? Должен предупредить, однако, что ваши слова будут запротоколированы и могут быть использованы против вас.

– У меня есть много что сказать, – спокойно ответил арестованный. – И я, джентльмены, очень хочу поведать вам все.

– Приберегите лучше это для судей, – посоветовал инспектор.

– Перед судом я могу и не предстать, – возразил Хоуп. – Не пугайтесь. Я не собираюсь покончить с собой. Вы ведь врач? – Этот вопрос он задал, глядя на меня своим жестким пронищательным взглядом.

– Да, – подтвердил я.

– Тогда приложите ладонь вот сюда. – Он с улыбкой указал на свою грудь скованными наручниками руками.

Я сразу же ощутил натужное неровное биение сердца. Казалось, грудь его ходит ходуном и дребезжит, как кожух, внутри которого работает мощный мотор. В наступившей тишине слышались хриплые шумы, сопровождавшие глухие удары сердца.

– Боже мой! – вскричал я. – Да ведь у вас аневризма аорты!

– Да, именно так это и называется, – невозмутимо подтвердил он. – На прошлой неделе я был у врача, и он сообщил мне, что сердце мое может разорваться в любой момент. Я страдаю этим уже много лет, и состояние мое стремительно ухудшается. Причина в том, что в горах близ Соленого озера мне пришлось долго жить под открытым небом и недоедать. Теперь, когда цель достигнута, мне безразлично, сколько я еще протяну, но хотелось бы напоследок честно рассказать обо всем. Жаль, если обо мне останется память как об обычном головорезе.

Инспектор и два сыщика кратко обсудили, целесообразно ли выполнить просьбу арестованного.

– Доктор, как вы считаете, велика ли вероятность внезапной смерти? – спросил инспектор.

– Скорее всего весьма велика, – ответил я.

– В таком случае наш долг в интересах правосудия выслушать его заявление, – подвел итог инспектор. – Сэр, вы можете сделать свое сообщение, но предупреждаю еще раз: все, что вы скажете, будет запротоколировано.

– Я присяду, с вашего позволения, – сказал арестованный и, не дожидаясь разрешения, опустился на стул. – Из-за этой болезни я быстро устаю, а потасовка, в которой мы с вами участвовали час назад, не улучшила моего самочувствия. Я стою на краю могилы, джентльмены, поэтому мне незачем лгать вам. Каждое мое слово будет чистой правдой, а что за этим последует, для меня уже не имеет никакого значения.

С этими словами Джефферсон Хоуп откинулся на спинку стула и начал свой удивительный рассказ. Говорил он спокойно и размеренно, будто повествовал о вполне заурядных событиях. За точность приводимого ниже изложения я ручаюсь, поскольку сравнил свои записи с записями Лестрейда, который стенографировал его показания. Все совпало слово в слово.

– Думаю, для вас не так уж важно, почему я ненавидел этих людей, – начал Хоуп. – Скажу только, что на их совести две человеческие жизни – отца и дочери, – за них-то они и заплатили теперь своими жизнями. Поскольку с того момента, когда они совершили свои преступления, минуло много лет, я не мог уже выдвинуть против них официального обвинения. Тем не менее они были виновны, и я решил стать для них и судьей, и присяжными, и палачом в одном лице. Окажись вы на моем месте, вы поступили бы точно так же, если в вас есть хоть капля мужества.

Девушка, о которой идет речь, двадцать лет назад должна была стать моей женой. Вместо этого ее насильно выдали замуж за Дреббера, и это разбило ей сердце. Я снял обручальное кольцо с пальца покойницы и поклялся, что в свой смертный час негодяй узнает, за что его покарали. Гоняясь за ним и его подручным по двум континентам, я всегда носил это кольцо с собой. И вот наконец я настиг их. Они думали, что измотают меня, но не тут-то было. Если завтра я умру – а это весьма вероятно, – то умру с сознанием того, что свою миссию на земле исполнил, исполнил достойно. Они погибли от моей руки. Больше мне на этом свете не на что надеяться и нечего желать.

Они были богаты, я – беден, так что преследовать их мне было нелегко. Когда я прибыл в Лондон, в кармане у меня не оставалось ни гроша, пришлось снова приниматься за работу. Ездить верхом и править лошадьми для меня так же естественно, как ходить, поэтому я предложил свои услуги владельцу извозной конторы и вскоре получил место. Каждую неделю я отдавал хозяину определенную сумму, а все, что зарабатывал сверх того, оставлял себе. Впрочем, мне редко что перепало, однако худо-бедно концы с концами я сводил. Самым трудным было освоиться в Лондоне, потому что из всех лабиринтов, когда-либо придуманных человеком, этот город представляет собой самый запутанный. Тем не менее, вооружившись картой и запомнив, где находятся основные гостиницы и вокзалы, я вскоре уже неплохо ориентировался.

Понадобилось некоторое время, чтобы разузнать, где остановились разыскиваемые мной джентльмены, но я не оставлял усилий и напал на их след. Они жили в Кэмберуэлле, в пансионе на другом берегу реки. Найдя их, я твердо решил, что теперь уж не упущу. Чтобы они меня не узнали, я отрастил бороду и следовал за ними по пятам в ожидании удобного случая. Больше скрыться от меня я бы им не позволил.

Тем не менее однажды это едва не случилось. Куда бы они ни отправились, я всегда сидел у них на хвосте. Иногда ехал за ними в кебе, порой следовал пешком. Первое было предпочтительней, потому что так они не могли уликнуть от меня, взяв извозчика. Зарабатывал я теперь лишь рано утром и поздно вечером и, конечно, задолжал хозяину. Но меня это не заботило, поскольку у меня по-прежнему оставалась возможность не спускать глаз с тех двоих.

Между тем они оказались весьма хитры. Должно быть, они не исключали того, что их выслеживают, поэтому никогда не выходили поодиночке и никогда – после наступления темноты. Две недели, каждый день, я колесил за ними повсюду, но ни разу не видел, чтобы они где-нибудь появились врозь. Дреббер большую часть времени был пьян, однако Стэнджерсон всегда оставался начеку. Ни на рассвете, ни на закате дня мне ни разу не представилось ни малейшего шанса; но это не обескураживало меня, внутренний голос подсказывал, что развязка не за горами. Я опасался только того, что моторчик у меня в груди заглухнет раньше, чем я завершу свое дело.

И вот однажды вечером я ехал по Торки-террас, той самой улице, где они квартировали, и увидел, что у входа в пансион стоит кеб, в который уже уложены вещи. Через несколько минут вышли Дреббер и Стэнджерсон, сели в экипаж и отбыли. Я хлестнул лошадь и последовал за ними на расстоянии, но так, чтобы не упускать их из виду. Решил, что они переезжают на другую квартиру. Возле Юстонского вокзала они остановились. Я попросил какого-то мальчишку присмотреть за моей лошадью, вышел за ними на перрон и услышал, что они интересуются ливерпульским поездом. Железнодорожный служитель сообщил им, что поезд только что ушел, а следующий отправится лишь через несколько часов. Стэнджерсона это, похоже, расстроило, зато Дреббер казался скорее довольным. В вокзальной сутолоке я незаметно подкрался настолько близко к ним, что слышал весь их разговор. Дреббер сказал, что у него есть одно личное дело, и попросил своего спутника подождать его. Стэнджерсон запротестовал, напомнил, что они должны всегда держаться вместе. На это Дреббер ответил, что дело у него весьма деликатного свойства, поэтому свидетели ему не нужны. Я не разобрал слов

секретаря, но его хозяин разразился в ответ на них грубой бранью и напомнил ему, что он всего лишь слуга, которому платят деньги, а посему не смеет совать свой нос куда не следует. Видимо, поняв, что спорить бесполезно, Стэнджерсон ограничился тем, что предложил следующее: если Дреббер опоздает на последний поезд, они встретятся в гостинице «Холидей». Заверив его, что будет на перроне не позже одиннадцати, Дреббер покинул вокзал.

Настал момент, которого я так долго ждал. Враги были теперь у меня в руках. Вдвоем они могли защитить друг друга, порознь каждый оказывался в моей безраздельной власти. Тем не менее не следовало проявлять опрометчивости и портить дело. План я выработал давно. Месть не принесет удовлетворения, если обидчик не осознает, от чьей руки и за что принимает кару. Согласно моему плану, я должен был сделать так, чтобы человек, причинивший мне горе, понял: это возмездие за его давний грех. Несколькими днями раньше пассажир, ездивший осматривать пустующие дома на Брикстон-роуд, обронил в моем экипаже ключ от одного из них. Ключ я вернул ему в тот же вечер, но сделал с него слепок, а позднее и дубликат. Таким образом, в моем распоряжении оказалось по крайней мере одно место в этом огромном городе, где я мог без помех осуществить свой план. Теперь предстояло решить непростую задачу: как заманить Дреббера в этот дом.

По дороге Дреббер зашел в одну, потом в другую пивную, в последней он провел с полчаса, а вышел сильно навеселе и заметно шатался. Прямо передо мной стояла пролетка, он сел в нее, а я поехал следом так близко, что моя лошадь почти касалась носом ее запяток. Громыхая по булыжникам, мы пересекли мост Ватерлоо и несколько миль тряслись по улицам, пока, к моему изумлению, не очутились у того самого дома, где еще недавно квартировали мои недруги. Я представить себе не мог, зачем понадобилось Дребберу туда возвращаться, но, остановившись неподалеку, увидел, что он вошел именно в этот дом. Дайте мне, пожалуйста, попить, – попросил Хоуп. – У меня в горле пересохло. – Я налил ему стакан воды, и он залпом осушил его. – Теперь лучше, – сказал он. – Так вот, я ждал с четверть часа, может, чуть больше, когда в доме вдруг послышался шум – будто там происходила драка. В следующий момент дверь распахнулась, и появились двое мужчин: одним из них был Дреббер, другого, молодого, я никогда прежде не видел. Этот парень держал Дреббера за шкуру и, когда они подошли к краю ступенек, дал ему такого пинка, что тот отлетел чуть ли не к противоположному тротуару. «Эй ты, пес! – закричал парень, потрясая палкой. – Я тебе покажу, как оскорблять благородную девушку!» Он был в таком бешенстве, что непременно огрел бы Дреббера своей дубиной, если бы тот, как поджавшая хвост дворняжка, не бросился бежать со всех ног. Добежав до угла, он заметил мой кеб, помахал мне и, когда я подъехал, вскочил в кабину. «В гостиницу «Холидей»!» – скомандовал Дреббер.

Теперь, когда мерзавец оказался в моем собственном кебе, сердце у меня так забилося от радости, что я испугался, как бы оно не разорвалось раньше времени. Я медленно поехал вперед, мысленно взвешивая, как лучше поступить. Можно было, конечно, вывезти его за город и в каком-нибудь безлюдном месте поговорить с ним напоследок «по душам». Я почти уже решил так и сделать, но тут он сам подсказал мне другой выход. Дреббера снова обуяла жажда, поэтому он велел мне остановиться у пивного бара и ждать его. Из бара он вышел перед самым закрытием настолько пьяным, что я понял: он – мой.

Не думайте, что я собирался хладнокровно прикончить его, хотя, поступи я так, это было бы только справедливо. Но не этого я хотел. Я давно уже решил дать ему шанс поиграть со смертью и, возможно, выиграть. Скитаясь по Америке, я чем только не занимался и как-то служил сторожем и уборщиком в лаборатории Йорк-колледжа. Однажды профессор читал там лекцию о ядах и продемонстрировал студентам некий алкалоид, как он назвал его, выделенный им из яда, которым южноамериканские индейцы пропитывали наконечники своих стрел. Этот алкалоид, по словам профессора, настолько ядовит, что один гран его вызывает мгновенную смерть. Я заметил склянку, в которой хранилась отрава, и, когда все ушли, немного отсыпал из

нее. Я был неплохим провизором, поэтому приготовил растворимые в воде пилюли, добавил к ним алкалоид и поместил их в одну коробочку, а в другую положил неотличимые на вид, но безвредные пилюли. Я решил, что, когда придет мой час, заставлю обоих джентльменов вытащить одну из двух пилюль – на их выбор, – а сам приму оставшуюся. Это будет такая же смертельная, но куда менее шумная дуэль, чем стрельба из пистолета через носовой платок. С тех пор я всегда держал эти коробочки при себе, и вот представился случай воспользоваться ими.

Время приближалось к часу ночи, промозглой и темной, дул резкий ветер, дождь лил как из ведра. Несмотря на отвратительную погоду, очутившись в доме, я испытал радостный подъем – готов был кричать от ликования. Если кто-то из вас, джентльмены, когда-либо был одержим одной целью, преследовал ее двадцать долгих лет и вдруг оказался в двух шагах от ее осуществления, вы поймете, что со мной происходило. Я закурил сигару, чтобы немного успокоиться, но руки у меня дрожали, и кровь громко пульсировала в висках. Пока я ехал туда, из темноты на меня будто бы смотрели и улыбались старик Джон Феррье и милая моя Люси, я видел их так же ясно, как вижу сейчас вас. Всю дорогу до Брикстон-роуд их дорогие лица оставались со мной – одно справа, другое слева от лошадиной головы.

На улице не было ни души, нигде не слышалось ни звука – только дробь дождевых капель. Заглянув в кабину, я увидел, что Дреббер забылся пьяным сном, уткнувшись головой в колени. Я растолкал его и сказал:

– Приехали, пора выходить.

– Сейчас, парень, – ответил он.

Наверное, Дреббер думал, что я привез его туда, куда он велел, – в гостиницу. Поэтому, не сказав больше ни слова, он вылез и потащился за мной через палисад. Мне пришлось подерживать его: он все еще качался. Когда мы подошли к двери, я отпер ее и завел Дреббера в переднюю. Вы не поверите, но все это время несчастные отец и дочь шли впереди нас.

– Какая адская темень, – проворчал Дреббер, переступая с ноги на ногу.

– Скоро будет свет. – Я чиркнул спичкой и поднес огонь к фитилю восковой свечи, которую прихватил с собой. – А теперь, Енох Дреббер, посмотри на меня. – Я повернулся к нему и поднес свечку к лицу. – Узнаешь?

С минуту он стоял, уставившись на меня мутным пьяным взглядом, потом в его глазах стал проступать испуг, и жуткая гримаса исказила вмиг посеревшее лицо – Дреббер узнал меня. Зубы у него застучали, на лбу выступила холодная испарина, он попятился. Наслаждаясь его страхом, я прислонился к двери и громко, от души рассмеялся. Я всегда знал: месть – сладостное чувство, но не предполагал, что она доставляет душе такое блаженство.

– Ты, гнусный пес! – воскликнул я. – Я гнался за тобой от Солт-Лейк-Сити до Санкт-Петербурга, и тебе всегда удавалось ускользнуть от меня. Но теперь твоим странствиям пришел конец, потому что один из нас – либо ты, либо я – уже не увидит завтрашнего рассвета.

Пока я говорил, Дреббер продолжал пятиться, и по лицу его было видно, что он принимает меня за сумасшедшего. Впрочем, в тот момент я действительно был не в себе. В голове моей словно ухал кузнечный молот, и меня наверняка хватил бы удар, если бы кровь не хлынула вдруг из носа – это принесло облегчение.

– Ну что, помнишь Люси Феррье? – вскричал я, запирая дверь и размахивая ключом у него перед носом. – Долго же мне пришлось ждать, но час возмездия для тебя настал.

Я наблюдал, как трусливо дрожат у него губы. Дреббер готов был молить о пощаде, но понимал, что это бесполезно.

– Ты убьешь меня? – запинаясь, спросил он.

– Это не убийство, – отвечал я. – Речь не о том, чтобы просто прикончить бешеного пса. Разве ты пожалел мою несчастную девочку, когда оторвал ее от зверски убитого вами отца и заточил в свой позорный гарем?

– Это не я убил ее отца! – испуганно возразил Дреббер.

– Зато ты разбил ее невинное сердце, – выкрикнул я и протянул ему аптечную корбочку. – Да рассудит нас Всевышний. Выбери любую из этих двух пилюль и проглоть. В одной из них – жизнь, в другой – смерть. Я приму оставшуюся, и посмотрим, есть ли на земле справедливость или все зависит от случая.

Забившись в угол, он стал дико вопить и молить о пощаде, но я вытащил нож и, приставив его к горлу Дреббера, заставил сделать то, что велел, после чего сам проглотил другую пилюлю. С минуту мы стояли, молча уставившись друг на друга, и ждали: кто из нас умрет, а кто останется жить. Никогда не забуду выражения его лица, когда он почувствовал первые приступы боли и понял, что принял яд. Я наблюдал за ним, злорадно хохоча и держа у него перед глазами обручальное кольцо Люси. Но все это длилось очень недолго: алкалоид действует мгновенно. Grimаса боли исказила черты Дреббера, он выкинул вперед руки, шатаясь, сделал несколько шагов назад и, захрипев, грузно рухнул на пол. Я перевернул его носком ботинка и приложил ладонь к его груди. Сердце не билось. Он был мертв!

У меня из носа все еще шла кровь, но я не обращал на это внимания. Не могу объяснить, как мне пришла в голову мысль сделать надпись кровью на стене. Быть может, захотелось озорства ради – мне было весело и легко на душе – направить полицию по ложному следу. Я вспомнил, что некоторое время назад в Нью-Йорке нашли убитого немца, над головой которого на стене было начертано слово «гаше». В газетах тогда писали, что это скорее всего дело рук какого-то тайного общества. Я подумал: если это озадачило ньюйоркцев, озадачит и лондонцев, обмакнул палец в собственную кровь и вывел слово на самом видном месте. Потом пошел к кебу. Вокруг было по-прежнему безлюдно, продолжал хлестать дождь. Отъехав от дома, я сунул руку в карман, где всегда лежало кольцо Люси, и обнаружил, что его там нет. Меня словно молнией ударило, ведь кольцо было единственной памятью о ней. Полагая, что оно выпало, когда я наклонился над телом Дреббера, я повернул назад и, оставив кеб в проулке, решительно двинулся к дому – никакая опасность не страшила меня так, как утрата дорогой реликвии. Однако, подойдя к дому, я лицом к лицу столкнулся с полицейским, который выходил оттуда. Чтобы рассеять его подозрения, пришлось притвориться в стельку пьяным.

Вот так нашел свой конец Дреббер. Теперь оставалось заставить Стэнджерсона уплатить свой долг Джону Феррье. Зная, что он ждет Дреббера в гостинице «Холидей», я весь день прослonsился вокруг, но Стэнджерсон ни разу не вышел. Вероятно, когда его компаньон не вернулся в назначенный срок, он начал о чем-то догадываться. Он был очень хитер, этот Стэнджерсон, никогда не терял бдительности. Но если он полагал, что избежит своей участи, оставаясь в доме, то глубоко заблуждался. Мне не составило труда разведать, где находится окно его спальни, и на следующий день, едва начало светать, я, воспользовавшись лестницей, прислоненной к задней стене гостиницы, забрался к нему в комнату. Разбудив Стэнджерсона, я сказал, что ему пора ответить за жизнь, загубленную много лет назад, сообщил о смерти Дреббера и предложил тот же выбор. Но вместо того, чтобы воспользоваться шансом на жизнь, который я ему предоставил, он соскочил с кровати и вцепился мне в горло. Защищаясь, я вонзил нож ему в сердце. Впрочем, конец его так или иначе был предreshен, ибо провидение никогда не допустило бы, чтобы рука убийцы выбрала безвредную пилюлю.

Это почти все, что я хотел рассказать, и слава Богу, потому что у меня совсем не осталось сил. Так вот, я решил еще день-другой повозить пассажиров, чтобы заработать денег на возвращение в Америку, и стоял в ожидании седока, когда подошел какой-то юный оборванец и спросил, не знаю ли я извозчика по имени Джефферсон Хоуп, – его, мол, требует джентльмен с Бейкер-стрит, 221-б. Не заподозрив ничего дурного, я отправился по адресу, а дальше помню только то, как этот молодой человек защелкнул на моих запястьях наручники, причем так ловко, что я и глазом моргнуть не успел. Вот вам вся моя история, джентльмены. Можете считать меня убийцей, но сам я считаю себя таким же блюстителем справедливости, как и вы.

Повествование этого человека было столь драматичным, а манера изложения столь захватывающей, что все мы слушали его, затаив дыхание и не проронив ни слова. Даже на профессиональных сыщиков, каких только преступлений не навидавшихся на своем веку, история жизни Джефферсона Хоупа, похоже, произвела глубокое впечатление. После того как он закончил, мы еще несколько минут сидели в полной тишине, нарушаемой лишь скрипом карандаша Лестрейда, который завершал свою стенограмму.

– Только один вопрос мне не до конца ясен, – произнес наконец Шерлок Холмс. – Кто ваш сообщник, который приходил за кольцом?

Джефферсон Хоуп игриво подмигнул моему приятелю.

– Я могу выдавать собственные тайны, но не вправе навлекать неприятности на других людей. Прочитав ваше объявление, я подумал, что это, вполне вероятно, ловушка, но с равным успехом кольцо могло оказаться и подлинным. Мой друг вызвался проверить это. Не сомневаюсь, вы оценили то, как ловко он вас провел.

– Безусловно, – искренне признался Холмс.

– Итак, джентльмены, – угрюмо сказал инспектор, – установленный законом порядок должен быть соблюден. В четверг арестованный предстанет перед судом, ваше присутствие на заседании тоже потребуется. А до тех пор он останется под моей ответственностью.

Инспектор позвонил в колокольчик, и два конвоира увели Джефферсона Хоупа. Мы же с моим другом, покинув участок, взяли извозчика и вернулись к себе на Бейкер-стрит.

7. Заключение

Нас всех предупредили о том, что в четверг мы обязаны явиться в суд, но, когда четверг наступил, необходимость в наших показаниях отпала. Высший судья взял дело в свои руки, и Джефферсон Хоуп предстал перед единственно непогрешимым и суровым трибуналом. Вечером того же дня, когда он был арестован, сердце его разорвалось. Утром Хоупа нашли на полу камеры. На лице его застыла умиротворенная улыбка человека, который имеет основания в смертный час, оглянувшись назад, признать, что жизнь была прожита не зря и работу свою он выполнил хорошо.

– Грегсон и Лестрейд будут рвать и метать, – заметил Холмс, когда мы на следующее утро обсуждали смерть Хоупа. – Все их надежды на шумный успех пошли прахом.

– Не думаю, что их заслуга в поимке Хоупа так уж велика, – возразил я.

– В этом мире важно не то, много ли вы сделали на самом деле, а удастся ли вам убедить окружающих, что вами сделано очень много, – с горечью заметил Холмс. И после паузы, уже не так грустно, добавил: – Впрочем, это не важно. Было бы куда огорчительней, если бы я упустил шанс участвовать в этом расследовании. Пожалуй, на моей памяти это самое интересное дело. На первый взгляд оно очень простое, однако в нем есть немало поучительного.

– Простое?! – воскликнул я.

– В общем-то – да, по сути, сложным его назвать трудно, – улыбнулся Холмс, видя мое изумление. – И доказательством его простоты служит тот факт, что без каких-либо вспомогательных средств, полагаясь лишь на весьма незамысловатые умозаключения, я поймал преступника за какие-то три дня.

– Этот факт неоспорим, – признал я.

– Я ведь уже объяснял вам: все, что выходит за рамки обычного, скорее помогает, чем мешает расследованию. Решая подобные загадки, очень важно уметь заглянуть в прошлое. Это весьма полезное и вовсе не такое уж сложное умение; жаль, что люди не придают ему должного значения. В повседневной жизни важнее думать о будущем, поэтому-то у нас и не развита способность осмысливать прошлое. Из пятидесяти человек сорок девять мыслят синтетически и лишь один – аналитически.

– Простите, я не совсем понимаю вас.

– Это неудивительно. Попробую выразиться ясней. Большинство людей, если вы изложите им последовательность событий, сумеют предсказать результат. Они в состоянии сопоставить факты и сообразить, что из них вытекает. Но только очень немногие, зная результат, способны на основании интуиции развернуть цепочку вспять и догадаться, какие события привели к этому результату. Вот это я и называю умением заглянуть в прошлое, или аналитическим мышлением.

– Понимаю, – сказал я.

– Мы столкнулись с делом, в котором был известен результат, все остальное нам предстояло выяснить самостоятельно. Позвольте мне продемонстрировать вам, как развивалась моя мысль. Начнем сначала. К дому, как вы помните, я предпочел подойти пешком, не строя заранее никаких предположений. Естественно, сперва я осмотрел дорогу и, как вы уже знаете, увидел на ней четкую колею от колес кеба. В результате опроса свидетелей выяснилось, что кеб мог приехать туда только ночью. По ширине колеи я определил, что это был именно кеб, а не частный экипаж: извозчий гроулер³⁸ имеет гораздо более узкий зазор между колесами, чем господский бром³⁹.

Это было первое звено. Потом я медленно прошел вдоль дорожки палисада – к счастью, глинистой; на ней следы отпечатываются гораздо четче. Вам она, несомненно, представлялась просто грязным месивом, но моему опытному взгляду каждый след на ее поверхности был внятен. Для сыщика нет ничего важнее, чем умение читать следы. Увы, именно это умение у нас совершенно игнорируют. К счастью, я всегда придавал ему особое значение и много этим занимался, так что чтение следов стало моей второй натурой. Поверх всего я увидел глубокие отпечатки ботинок констебля, но разглядел также и следы двух ранее проходивших по дорожке мужчин. О том, что они побывали там первыми, я догадался сразу: местами их следы были полностью затоптаны. Так прояснилось второе звено. Теперь я знал, что ночных посетителей было двое: один – очень высокого роста (это я определил по длине шага), другой модно одетый – отпечатки его подошв были узкими и изящными.

Войдя в дом, я получил подтверждение этой последней догадки: человек в элегантных туфлях лежал передо мной. Значит, убийство – если действительно имело место убийство – совершил высокий мужчина. На теле не оказалось никаких ран, но ужас, запечатлевшийся на лице убитого, не вызывал сомнений, что участь свою он провидел до того, как она настигла его. У людей, умирающих от разрыва сердца или по иной внезапной естественной причине, лица никогда не бывают искажены. На губах покойного я учуял слабый кисловатый запах и пришел к выводу, что его заставили принять яд. То, что заставили, я понял по выражению страха и ненависти на его лице. Это же подтверждалось и методом исключения: никакие другие предположения не соотношались с имеющимися фактами. Не думайте, что подобный метод убийства – нечто неслыханное. В анналах криминалистики имеются примеры принуждения к принятию яда. Любой токсиколог сразу же вспомнит, скажем, дело Дольского из Одессы или Летюрье из Монпелье.

Затем передо мной встал самый существенный вопрос – каков мотив преступления? Ограбление исключалось, поскольку у убитого, судя по всему, ничего не пропало. Тогда, может быть, политика? Или женщина? Этот вопрос предстояло решить. Поначалу я склонялся к последней гипотезе. Люди, совершающие убийства по политическим мотивам, быстро делают свое дело и убегают. В нашем же случае, напротив, все совершилось без всякой спешки: преступник повсюду оставил следы, значит, пробыл в комнате довольно долго. Это больше похоже на обдуманную месть – следовательно, мотив преступления скорее не политический, а личный.

---

³⁸ Четырехколесный извозчий кеб.

³⁹ Крытый четырехколесный экипаж.

Обнаружив надпись на стене, я укрепился в своем предположении. Больно уж откровенно это походило на попытку запутать следы. Когда же нашли кольцо, все сомнения у меня и вовсе отпали. Убийца явно использовал его, чтобы напомнить своей жертве о некоей умершей или пропавшей женщине. Тут-то я и заинтересовался у Грегсона, не задал ли он, посылая в Кливленд телеграмму, вопроса о каких-либо особых обстоятельствах в биографии Дреббера. Как вы помните, ответ был отрицательным.

Затем я продолжил тщательный осмотр комнаты. Он подтвердил мои выводы относительно роста убийцы и позволил выявить дополнительные подробности – насчет трихинопольской сигары и длинных ногтей, – а также прийти к заключению, что кровь, которой был забрызган весь пол, шла у убийцы из носа: ведь никаких признаков борьбы мы не обнаружили, а кровавые разводы находились в тех же местах, где и его следы. У людей, не страдающих высоким давлением, от сильного волнения редко идет носом кровь. Это позволяло предположить, что преступник – человек полнокровный и, следовательно, краснолицый. Последующие события подтвердили мою правоту.

Покинув дом, я сделал то, чем пренебрег Грегсон: послал телеграмму начальнику кливлендской полиции, ограничив свой запрос только обстоятельствами женитьбы Еноха Дреббера. Его ответ дал мне еще одно неопровержимое доказательство. Он сообщал, что Дреббер уже обращался в полицию с официальной просьбой защитить его от посягательств давнего соперника по имени Джефферсон Хоуп, а также, что вышепоименованный Хоуп в настоящий момент находится в Европе. Теперь ключ к разгадке тайны был у меня в руках, оставалось лишь арестовать убийцу.

К тому времени я уже не сомневался, что мужчина, который вошел в дом вместе с Дреббером, не кто иной, как кучер того самого кеба. Следы копыт явно свидетельствовали о том, что лошадь довольно долго бродила возле дома, чего не произошло бы, если бы извозчик оставался на месте. А куда еще мог отлучиться извозчик, если не войти в дом? Опять же абсурдно предположить, что человек, находясь в здравом уме, совершил бы заранее обдуманное преступление в присутствии третьего лица, которое могло выдать его. И наконец, представьте себе, что один человек вознамерился преследовать другого по всему Лондону. Удобнее всего в этом случае наняться в извозчики. Все эти умозаключения привели меня к неопровержимому выводу, что Джефферсона Хоупа следует искать среди погонял⁴⁰ города.

А если он действительно извозчик, не было причин полагать, что он оставил эту службу. Напротив, с его точки зрения, всякая внезапная перемена могла привлечь к нему нежелательное внимание. Поэтому он, по крайней мере еще какое-то время, должен был заниматься извозом. Я не имел также оснований думать, что он живет под вымышленным именем. С какой стати ему менять имя в стране, где его все равно никто не знает? Исходя из сказанного, я мобилизовал свою армию уличных сыщиков-оборванцев и велел им обойти всех лондонских владельцев извозных контор одного за другим, пока они не разыщут нужного мне человека. То, как успешно они выполнили мое поручение и как быстро я воспользовался добытыми ими сведениями, вероятно, еще свежо в вашей памяти. Убийство Стэнджерсона, хоть и совершенно неожиданное, в любом случае едва ли могло быть предотвращено. Вследствие этого инцидента, как вам известно, у меня в руках оказались пилюли, о существовании которых я давно догадывался. Как видите, все расследование представляло собой единую и непрерывную цепочку последовательных логических выводов.

– Это потрясающе! – воскликнул я. – Ваши заслуги должны получить публичное признание. Вы обязаны опубликовать свой отчет об этом деле. И если этого не сделаете вы, я сделаю это за вас.

---

⁴⁰ В просторечии то же, что и извозчик.

– Вы вольны поступать так, как считаете нужным, доктор, но сначала взгляните на это! – ответил Холмс, передавая мне газету.

Это был свежий номер «Эха». Колонка, на которую указывал Холмс, касалась нашего дела.

«Из-за скоропостижной смерти некоего Хоупа, подозревавшегося в убийстве мистера Еноха Дреббера и мистера Джозефа Стэнджерсона, – говорилось в ней, – публика лишилась редкого удовольствия стать свидетельницей сенсационного судебного разбирательства. Теперь подробности дела, вероятно, навсегда останутся для нас тайной, хотя из достоверного источника нам стало известно, что эти преступления – следствие застарелой вражды, связанной с романтическими отношениями и мормонскими обычаями. Обе жертвы, судя по всему, в молодости принадлежали к секте Святых последнего дня, а покойный арестант Хоуп – тоже родом из Солт-Лейк-Сити. Но если уж никакого иного впечатления этому делу произвести не суждено, оно по крайней мере станет еще одним ярчайшим доказательством эффективности работы нашей сыскной полиции и послужит уроком всем иностранцам: господа, вы поступите мудро, если впредь будете сводить счеты друг с другом у себя дома, а не на британской почве. Ни для кого не секрет, что заслуга в искусной поимке преступника целиком и полностью принадлежит известным сыщикам Скотленд-Ярда – мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону. Убийцу, по нашим сведениям, схватили в квартире некоего мистера Шерлока Холмса, детектива-любителя. Он и сам проявил некоторые способности по части сыска, а под руководством таких мастеров может надеяться со временем достичь определенных успехов. Справедливо предположить, что заслуги обоих офицеров полиции получат достойное признание и награда в той или иной форме найдет героев».

– Ну, не говорил ли я вам еще в самом начале, что все так и будет?! – весело смеясь, воскликнул Шерлок Холмс. – Мы с вами решили этот «этюд в багровых тонах» лишь для того, чтобы обеспечить им «достойную» награду!

– Не беспокойтесь, – ответил я. – В моем дневнике подробнейшим образом записано, как все было на самом деле, и уж я позабочусь о том, чтобы довести факты до сведения публики. А пока пусть вас греет сознание того, что в действительности победа принадлежит вам. Помните, как сказал тот римский скряга:

Populus me sibilat, at mihi plaudo
Ipse domi simul ac nummos contemplar in arca⁴¹.

---

⁴¹ «Народ меня освистывает, но сам я себе рукоплещу, на сундук свой любуюсь» (Гораций. Сатиры).

Знак четырех

© Перевод. М. Литвинова, 2009

Глава I

Суть дедуктивного метода Холмса

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несесера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго, он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие, откинулся на спинку плюшевого кресла и глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучился, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие поползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, властный характер и другие исключительные качества, я робел и язык прилипал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в порыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Холмса, я не выдержал и взорвался.

– Что сегодня, – спросил я, – морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

– Кокаин, – ответил он. – Семипроцентный. Хотите попробовать?

– Благодарю покорно! – отрезал я. – Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

– Возможно, вы правы, Уотсон, – сказал он. – И наркотики вредят здоровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную деятельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

– Но подумайте, – горячо воскликнул я, – какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губительный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то нескольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким природа наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

– Мой мозг, – сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, – бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай – и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

– Единственный на весь мир частный детектив? – спросил я, поднимая брови.

– Единственный частный детектив-консультант, – ответил Шерлок Холмс. – Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике, а это их нормальное состояние, они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удастся распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Уотсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

– Да, помню, – ответил я, смягчаясь. – Интереснейший случай. Я даже написал о нем нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

– Я видел вашу повесть, – без энтузиазма покачал головой Холмс. – И должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления – точная наука, по крайней мере должно ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю.

– Но там действительно была романтическая история! – запротестовал я. – Я просто строго придерживался фактов.

– Кое о чем можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, – цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова – ведь я описал дело Холмса, чтобы сделать ему приятное. И еще меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нем некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая больной ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

– С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте, – сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую эпиковую трубку. – На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции. Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завещания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил Виллару два подобных случая – один расследовался в 1857 году в Риге, другой – в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил, пестрел словами: *magnifique, coup-de-maitre* и *tour de force*⁴², свидетельствующими о горячем восхищении француза.

– Он пишет вам как ученик учителю, – сказал я.

– Он переоценивает мою помощь, – заметил Холмс безразлично. – Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

– А вы разве пишете?

– Есть грех, – рассмеялся Холмс. – Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие раз-

---

⁴² Великолепно, мастерски, гениально (*фр.*).

ные виды пепла. Табачный пепел – одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

– У вас поразительная способность замечать мелочи, – сказал я.

– Просто я понимаю их важность. Или вот еще работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в ней даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу, что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

– Нисколько! – горячо запротестовал я. – Мне все это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это почти одно и то же.

– Нет, это разные вещи, – ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. – Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

– Поразительно! – воскликнул я. – Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

– Проще простого, – улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. – Так просто, что и объяснять нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

– А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

– Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не за тем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

– Действительно, все очень просто, – сказал я, помолчав. – Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьезному испытанию.

– Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

– Я помню, вы говорили, что, когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остается отпечаток личности ее владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разгля-

дывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, щелкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

– Почти ничего нельзя сказать, – проговорил он. – Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишен возможности утверждать что-нибудь наверняка.

– Вы правы, – ответил я. – Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищеным часам?

– Хотя я и не могу похвастаться результатами, но все-таки я в них кое-что увидел, – сказал он, устремив в потолок отрешенный взгляд. – Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Уотсон. Так вот, часы, по-моему, принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

– Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. У.», выгравированные на крышке?

– Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «У», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

– Да, пока все правильно, – заметил я. – А что еще вы увидели в этих часах?

– Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и все, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромя, зашагал по комнате.

– Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказали вам какие-то старые часы! Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

– Мой дорогой Уотсон, – сказал мягко Холмс, – простите меня, ради Бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

– Тогда объясните мне, как вы все это узнали. Ваш рассказ о моем брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

– Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так все и было.

– Но это не просто догадка?

– Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод – что вашему брату была несвойственна аккуратность. Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твердым, например, ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что

если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было не маленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

– В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иголкой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырех таких номеров. Вывод – ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод – время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука. Что же во всем этом чудесного и таинственного?

– Да, теперь и я вижу, что все очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

– Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

– Вас спрашивает молодая девушка, сэр, – обратилась хозяйка к моему другу.

– Мисс Мэри Морстен, – ответил он. – Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

Глава II

Мы знакомимся с делом

Мисс Морстен вошла в комнату легким, уверенным шагом, держась спокойно и непринужденно. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой. На своем веку я встречал женщин трех континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на стул, который Холмс предложил ей, я заметил, что руки и губы ее дрожат, видимо, от сильного внутреннего волнения.

– Я пришла именно к вам, мистер Холмс, – начала наша гостья, – потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

– Миссис Сесил Форрестер? – повторил задумчиво Холмс. – Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

– Миссис Форрестер о нем другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперед на своем кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряженного внимания.

– Изложите ваше дело, – сказал он сухим, деловым тоном.

Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

– С вашего позволения, я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затянутую в перчатку руку.

– Если ваш друг останется, – сказала она, – он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

– Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждет меня. Каждое слово в телеграмме – я очень хорошо помню ее – дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен действительно остановился у них, но что накануне вечером он ушел куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моем несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого... – Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдавленное рыдание оборвало на полуслове фразу.

– Когда это случилось? – спросил Холмс, открывая записную книжку.

– Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

– А его вещи?

– Они остались в гостинице. В них не было ничего, что помогло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещей с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, несшей охрану тюрьмы.

– Были ли у него в Лондоне друзья?

– Я знала только одного: майора Шолто. Они служили вместе в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слыхал о возвращении своего друга.

– Очень странное дело, – заметил Холмс.

– Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймс» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в ее интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку – небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой, даже самой маленькой, записки, объясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день я получала по почте точно такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания,

кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

– Очень интересно, – проговорил Шерлок Холмс. – А не произошло ли с вами еще чего-нибудь?

– Да, не далее как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

– Спасибо, – сказал Холмс, беря письмо. – И конверт, пожалуйста. На штемпеле – Лондон, Юго-Запад, 7 июля. Гм! В углу – отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт – шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр «Лицеум». Если вы боитесь, возьмите с собой двоих друзей. С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, все рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

– Это как раз я и хотела у вас спросить.

– Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем, куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Уотсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Уотсоном уже не раз работали вместе.

– А доктор Уотсон согласится пойти? – спросила мисс Морстен, и я услышал в ее голосе чуть ли не мольбу.

– Почту за честь и особое счастье, – сказал я горячо, – если смогу быть вам полезен!

– Вы оба так добры ко мне, – ответила мисс Морстен. – Я живу очень уединенно, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

– Только не опаздывайте, – ответил Холмс. – У меня к вам еще один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

– Они у меня с собой, – ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов оберточной бумаги.

– Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну, посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

– Почерк везде, кроме письма, изменен, – сказал он вскоре. – Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите, «е» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

– Никакого.

– Я так и думал. Так, значит, мы ждем вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я еще подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвертого. До свидания.

– До свидания, – ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла. Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась легким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое перышко не затерялись в серой толпе.

– Какая очаровательная девушка! – воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжег свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

– Очаровательная? – переспросил он апатично. – Я не заметил.

– Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! – воскликнул я. – Вы иногда просто поражаєте меня!

Холмс мягко улыбнулся:

– Самое главное – не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня – некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отравила их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

– Но на сей раз...

– Я никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило. Послушайте, Уотсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

– Почерк разборчивый и правильный, – ответил я, – по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

– Посмотрите на высокие буквы, – сказал он. – Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «a», а «l» за «e». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «k» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в мое отсутствие эту книгу – замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу – ее улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила ее жизнь. Ей было семнадцать лет, когда исчез ее отец, значит, сейчас ей двадцать семь – прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы – ничего больше. Если будущее мое черно, то лучше думать о нем с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцветивать его пустой игрой воображения.

Глава III

В поисках решения

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлен, весел и бодр – так обычно сменялись его приступы черной меланхолии.

– В этом деле нет ничего загадочного, – сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил. – Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

– Вы уже нашли разгадку?!

– Ну, это еще рано утверждать. Пока я нашел одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое еще предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймс», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в Тридцать четвертом бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

– Вы, вероятно, Холмс, сочтете меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

– Не видите? Вы поражаете меня, Уотсон. Ну ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в Лондоне, кого он мог навестить, – майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год еще один, потом еще. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо. Это, безусловно, намек на исчезновение ее отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

– Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал свое письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же быть, что отец ее жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

– Да, в этой истории есть еще темные места, – задумчиво проговорил Холмс. – Но наша сегодняшняя поездка все объяснит. А вот и мисс Морстен. Слышите, подъехал кеб. Вы готовы? Тогда идемте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьезным.

На мисс Морстен был темный плащ, ее милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у нее тревоги, но самообладание ее было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

– Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разгладил его у себя на коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

– Бумага сделана в Индии, – сказал он. – Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нем набросан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полуистершаяся надпись карандашом «3, 37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладины которых соприкасаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырех – Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.

– Мы и нашли его в записной книжке.

– Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он еще нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново все обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света – лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, – мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек не впечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие подействовали мне на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой накрахмаленной грудью и женщины, закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны – назначенного места встречи, как от нее отделился низенький смуглый вертлявый человек в одежде кучера и подошел к нам.

– Вы вместе с мисс Морстен? – спросил он.

– Я мисс Морстен, а эти джентльмены – мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим нас сквозь взглядом.

– Простите меня, мисс, – сказал он настойчиво, – но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

– Даю вам слово, – спокойно ответила мисс Морстен.

Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвел к нам стоявший на той стороне кеб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кеб с бешеной скоростью покатиł сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя, по обыкновению, спокойно и сдержанно. Я пытался ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путанны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкетер и я дуэлетом уложил его из двустольного тигренка. Сперва я еще мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знанию Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шепотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

– Рочестер-роуд, – говорил он. – А вот и Винсент-сквер. Выежаем на Воксхолл-Бридж-роуд. Очевидно, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проемах блестит вода.

И в самом деле, внизу блеснула темная вода Темзы, в которой отражаются зажженные фонари, но вот кеб уже на другом берегу, мчится по запутанному лабиринту узких извилистых улочек.

– Уондсуэрт-роуд, – говорит Холмс. – Прайори-роуд, Ларк-Холл-лейн, Стокуэлл-плейс, Роберт-стрит, Коулд-Харбор-лейн. А цель нашего путешествия лежит, кажется, не в фешенебельной части города.

Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещенные трактиры непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий – чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант.

Наконец кеб остановился у третьего дома совсем новой улицы. Ни один из соседних домов не был обитаем. Тот, у которого мы остановились, был такой же темный, как и соседние, не считая светлого окошка в кухне. Мы постучали, нам тотчас открыл слуга-индус в желтом тюрбане и белом свободном платье, подпоясанном желтым кушаком. Было странно видеть эту экзотическую фигуру в дверях третьеразрядного лондонского загородного дома.

– Сагиб ждет вас, – сказал он, и в тот же миг из внутренних комнат послышался тонкий, пронзительный голос:

– Проведите их ко мне. Немедленно проведите их ко мне!

Глава IV

История человечка с лысиной

Мы последовали за индусом по скудно освещенному и почти пустому мрачному коридору. У двери справа он остановился и распахнул ее настежь. В глаза нам ударил яркий желтый свет. Посреди комнаты стоял маленький человечек с вытянутой головой. Блестящую лысину, торчащую, как голая вершина горы в окружении сосен, обрамляли рыжие волосы. Он стоял, потирая руки, черты его лица находились в постоянном движении: он то улыбался, то хмурился, ни на минуту не оставаясь в покое. Природа наделила его отвислой нижней губой и выдающимися желтыми и неровными зубами, которые он безуспешно пытался прикрыть, то и дело поглаживая рукой нижнюю часть лица. Несмотря на столь заметную лысину, он производил впечатление молодого человека. Ему и было в действительности около тридцати лет.

– К вашим услугам, мисс Морстен, – повторял он тонким, высоким голосом. – К вашим услугам, господа. Прошу вас, входите в кабинет затворника. Как видите, мисс, мой кабинет мал, но зато я все в нем устроил по собственному вкусу. Оазис искусства среди мерзости запустения Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас приглашал. В этом мрачном доме она походила на бриллиант чистой воды в медной оправе: на окнах шелковые занавеси, гобелены, картины в тяжелых рамах, восточные вазы. Ковер на полу был в янтарных и черных тонах и такой толстый, пушистый и мягкий, что ноги утопали в нем по щиколотку, как во мху. Поверх ковра были брошены две большие тигровые шкуры, которые вместе с огромным кальяном, стоящим в углу на подстилке, создавали в комнате ощущение восточной роскоши. На почти невидимой золотой проволоке в центре комнаты висела серебряная лампа в виде голубя. Она горела, наполняя комнату тонким, легким ароматом.

– Мистер Таддеуш Шолто, – проговорил маленький человечек, все так же дергаясь и улыбаясь. – Так меня зовут. Вы, конечно, мисс Морстен. А эти джентльмены...

– Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон.

– Доктор, а! – воскликнул человечек, явно обрадованный. – А у вас есть с собой стетоскоп? Можно ли попросить вас об одном одолжении? Не будете ли вы столь любезны? У меня, видите ли, существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Насчет аорты я не беспокоюсь, но вот митральный клапан! Я бы хотел узнать ваше о нем мнение.

Я выслушал его сердце, но не нашел никаких отклонений от нормы, если не считать того, что человек был чем-то до полусмерти напуган – его трясло с головы до ног.

– Митральный клапан в порядке, – сказал я. – У вас нет причин тревожиться.

– Вы должны извинить мне мою тревогу, мисс Морстен, – галантно сказал человек. – Я великий страдалец. И я уже давно подозреваю – с моим митральным клапаном что-то неладное. И счастлив слышать, что мои подозрения беспочвенны. Если бы, мисс Морстен, ваш отец щадил свое сердце, он был бы все еще жив.

Я чуть не дал ему пощечину, так разозлил он меня своим грубым и бесцеремонным прикосновением к столь деликатному предмету. Мисс Морстен села, лицо ее побледнело так, что даже губы стали белые.

– Я сердцем чувствовала, что моего отца нет в живых, – проговорила она.

– Я вам все-все объясню, – сказал человек. – Больше того, я исправлю причиненную вам несправедливость. Я обязательно это сделаю, что бы ни говорил мой брат Бартоломью. Я очень рад видеть у себя ваших друзей не только как ваших телохранителей, но и как свидетелей всего, что я сегодня собираюсь сказать и сделать. Мы трое в состоянии оказать решительное сопротивление брату Бартоломью. Но пусть не будет свидетелей – ни полиции, ни понятых. Мы все хорошо уладим между собой, не вмешивая никого постороннего. Ничто так сильно не может рассердить брата Бартоломью, как огласка, – сказал человек и сел на низкую софу, впросительно прищурился на нас свои близорукие, водянистые голубые глаза.

– Что касается меня, – сказал Шерлок Холмс, – то готов вас заверить: все вами сказанное дальше меня не пойдет.

Я в знак согласия кивнул.

– Ну и прекрасно, ну и прекрасно! Позвольте предложить вам рюмку кьянти, мисс Морстен, или, быть может, токайского? Других вин я не держу. Прикажете открыть бутылку? Нет? Тогда, я надеюсь, вы не станете возражать, если я закурю? Вас не беспокоит табачный дым, легкий бальзамический аромат восточного табака? Я немного нервничаю, а мой кальян – несравненное успокаивающее средство.

Он приладил к большому сосуду трубку, и дым весело забулькал в розовой воде. Мы сидели полукругом, вытянув головы и уперев подбородки в ладони, а странный дергающийся человек с блестящей куполообразной лысиной сидел в центре и нервно курил кальян.

– Решив послать вам это приглашение, – сказал он наконец, – я мог бы, конечно, просто написать в письме мой адрес, но я побоялся, что вы оставите без внимания мою просьбу и пригласите с собой не тех людей. Поэтому я позволил себе назначить вам это свидание у театра с моим слугой Уильямом, которому полностью доверяю. Ему были даны инструкции, что если он что-нибудь заподозрит, пусть едет домой один. Вы простите мне эту предосторожность, но я человек, склонный к уединению и, если можно так сказать, утонченный, а ничего более прозаического, чем полиция, нет. У меня инстинктивное отвращение ко всяким проявлениям грубого материализма. Я редко вступаю в соприкосновение с чернью. Как видите, я живу, окруженный самой изысканной обстановкой. Я могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Пейзаж на стене – подлинный Коро, и если знаток мог бы, пожалуй, оспаривать подлинность вот этого Сальватора Роза, то насчет вон того Бугро не может быть и сомнения. Я поклонник современной французской школы.

– Простите меня, мистер Шолто, – сказала мисс Морстен, – я здесь по вашей просьбе, вы хотели что-то рассказать мне. Сейчас уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

– Но он все-таки займет у нас какое-то время, – ответил наш хозяин. – Ибо мы, без всякого сомнения, должны будем поехать в Норвуд к моему брату Бартоломью. Мы поедем все вместе и попытаемся одолеть его упрямство. Он очень сердит на меня за то, что я повел дело

так, как считаю наиболее справедливым. Вчера вечером мы с ним сильно поспорили. Вы не представляете себе, каким ужасным бывает мой брат, когда сердится.

– Если нам предстоит ехать в Норвуд, так не лучше ли отправиться немедленно? – осмелился предложить я. Человечек рассмеялся так, что у него покраснели уши.

– Ну нет, это вряд ли получится! – воскликнул он. – Я не знаю, как мой брат воспримет ваш приезд. Поэтому я должен сперва приготовить вас, объяснить, в каких мы состоим отношениях друг к другу. Прежде всего я должен заметить, что в этой истории имеются моменты, которые для меня самого остаются тайной. Стало быть, я вам расскажу не все, а только то, что известно мне самому.

Мой отец, как вы уже догадались, – майор Джон Шолто, служивший некогда в Индии в колониальных войсках. Одиннадцать лет назад он подал в отставку, вернулся в Англию и поселился в усадьбе Пондишери-Лодж в Апшер-Норвуде. В Индии он разбогател и вернулся домой с богатой коллекцией восточных редкостей и целым штатом туземных слуг. Таким образом, он смог купить себе дом и зажил, окруженный роскошью. Других детей, кроме меня и моего брата-близнеца Бартоломею, у него не было.

Я очень хорошо помню, какие чувства вызвало у нас исчезновение капитана Морстена. О том, что он исчез, мы узнали из газет, а так как капитан Морстен был другом нашего отца, мы с братом обсуждали происшествие в его присутствии. Он обычно присоединялся к нам и гадал, что же в действительности произошло. Мы ни на один миг не подозревали, что тайна исчезновения капитана похоронена в его груди; что из всех людей ему одному была известна судьба Артура Морстена.

Но мы, однако, знали, что какая-то тайна тяготеет над нашим отцом, какая-то несомненная опасность угрожает ему. Он очень боялся выходить один и в качестве привратников в Пондишери-Лодж всегда держал бывших профессиональных боксеров. Уильям, который привез вас сегодня, один из них. Он был когда-то чемпионом Англии в легком весе. Наш отец никогда не говорил нам, чего он боится. Но из его поведения было ясно, что он смертельно боится людей на деревянной ноге. Однажды он выстрелил из пистолета в человека на деревяшке, который оказался всего-навсего безобидным торговцем; чтобы замять дело, отцу пришлось заплатить большие деньги. Мы с братом склонны были считать это простой причудой отца, но последующие события заставили нас изменить мнение.

В начале 1882 года мой отец получил из Индии письмо, которое как громом поразило его. Он чуть не лишился сознания, когда распечатал его утром за завтраком, и с того дня до самой смерти он так и не оправился. Что было в том письме, мы так никогда и не узнали, но, когда он держал его, я успел заметить, что это была скорее коротенькая записка, кое-как нацарапанная. Наш отец уже много лет страдал хронической нервной болезнью. Теперь же состояние его резко ухудшилось, он стал на глазах слабеть, и в конце апреля врачи предупредили нас, что надежды на выздоровление нет. Нас позвали к отцу, он хотел сказать нам свое последнее слово.

Когда мы вошли в комнату, отец сидел на постели в подушках и тяжело дышал. Он попросил нас запереть дверь на замок и подойти к его постели с обеих сторон. Взяв нас обоих за руки, он заговорил голосом, надломленным волнением и болью, и мы с братом услышали поразительное признание, которое я попытаюсь воспроизвести дословно.

«Есть только одно, – начал он, – что тяготит мою душу в эту торжественную минуту. Это несправедливость, которую я допустил по отношению к бедной сироте – дочери Морстена. Проклятая жадность, которая была неотступным пороком всю мою жизнь, лишила ее сокровищ, по крайней мере той их части, которая по справедливости принадлежит ей. Но и я сам ни на что не употребил их, так слепа и глупа алчность. Самое чувство владения сокровищами так было приятно мне, что я не мог ни с кем разделить их. Видите жемчужные четки рядом с пузырьком хины? Даже с ними я не могу расстаться, хотя я и вынул их специально, чтобы послать ей. Вы, мои сыновья, должны будете отдать принадлежащую ей часть сокровищ Агры.

Но ничего не отдавайте, даже эти четки, пока не закроете мне глаза. Ведь бывало, что человек стоит одной ногой в могиле и все-таки остается жив.

Я расскажу вам, как умер Морстен, – продолжал он. – Много лет он страдал болезнью сердца, но скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним благодаря удивительному стечению обстоятельств стали обладателями огромного богатства, которое я, выйдя в отставку, увез в Англию. Скоро вернулся в Англию и Морстен и в день возвращения явился ко мне за своей долей. Со станции он пришел в Пондишери-Лодж пешком, его впустил мой преданный слуга старик Лал Човдар, которого уже нет в живых. У нас с Морстеном вышла ссора из-за того, как поделить сокровища. Морстен в приступе ярости вскочил со стула, лицо у него вдруг почернело, он прижал руку к сердцу, упал навзничь, ударившись головой об угол ларца, в котором хранились сокровища. Когда я нагнулся над ним, то, к ужасу своему, обнаружил, что он мертв.

Долгое время я оставался в растерянности, не зная, что делать. Первым моим побуждением было, конечно, позвать на помощь, но я понимал, что имеются все основания подозревать меня в убийстве. Смерть в момент ссоры, глубокая рана на голове – все это было против меня. К тому же официальное расследование неминуемо занялось бы сокровищами, а у меня были веские основания никого не посвящать в их тайну. Морстен сказал мне, что ни одна душа на свете не знает, куда он поехал. И я стал склоняться к мысли, что нет надобности, чтобы хоть одна душа узнала это.

Я все еще пребывал в полной растерянности, как вдруг, подняв голову, увидел в дверях моего слугу Лал Човдара. Он неслышно скользнул в комнату и запер за собой дверь.

– Не бойтесь, сагиб, – сказал он. – Никто не узнает, что вы убили его. Спрячем его подальше – и концы в воду.

– Но я не убивал! – запротестовал я.

– Я все слышал, – улыбаясь, покачал головой Лал Човдар. – Я слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но на губах моих печать молчания. Все в доме спят. Давайте вместе унесем его.

И я решился. Если мой собственный слуга не верит мне, как можно рассчитывать, что в твою невиновность поверят двенадцать глупых торговцев в камере присяжных? В ту же ночь мы с Лал Човдаром спрятали тело, а через несколько дней все лондонские газеты были заполнены сообщениями о таинственном исчезновении капитана Морстена. Из того, что я рассказал вам, вы видите, что меня, в сущности, не в чем винить. Но я скрыл тело капитана, а сокровища, принадлежавшие нам обоим, стал считать с того дня своей нераздельной собственностью. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, мои сыновья, восстановили справедливость. Наклонитесь ко мне поближе, к самым губам. Сокровища спрятаны...» В этот момент лицо его страшно исказилось, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я никогда не забуду: «Не пускайте его. Ради всего святого, не пускайте!» Мы оба взглянули в окно, куда был устремлен его взгляд. Из темноты на нас глядело лицо. Был хорошо виден побелевший нос, прижатый к стеклу. Лицо, налитое злобой, до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко. Мы с братом бросились к окну, но лицо исчезло. Когда мы вернулись к изголовью отца, голова его поникла, пульс перестал биться.

В ту ночь мы обшарили весь сад, но никаких следов ночного вторжения не нашли, кроме отпечатка одной ноги на цветочной клумбе как раз под самым окном. Если бы не этот единственный след, мы могли бы подумать, что то дикое, полное злобы лицо – плод нашего воображения. Однако очень скоро мы обнаружили еще и другие, значительно более осязаемые признаки, что против нас действуют какие-то таинственные силы. Однажды утром окно в спальне моего отца оказалось распахнутым, шкафы и сундуки перерыты сверху донизу, и на его письменном столе приколот обрывок бумаги, на котором было нацарапано: «Знак четырех». Мы так и не узнали, кто был наш таинственный посетитель и что означают эти слова. Насколько мы могли судить, ничего из вещей отца не пропало, хотя все было перерыто вверх дном. Вполне

естественно, что это ночное посещение мы с братом связали с теми страхами, которые всю жизнь преследовали отца. Но кто это был, до сих пор остается полнейшей загадкой.

Человечек замолчал, раскурил погасший кальян и несколько секунд глубокомысленно пускал дым. Мы все с неослабным вниманием слушали его в высшей степени удивительное повествование. Во время короткого рассказа о смерти отца мисс Морстен побелела как мел, мне даже на миг показалось, что она упадет в обморок. Но, выпив воды, которую я налил из графина венецианского стекла, стоявшего в углу на маленьком столике, она поборол волнение. Шерлок Холмс с отсутствующим выражением лица сидел, откинувшись в кресле; из-под опущенных век было видно, как блестят его глаза. Я посмотрел на него и не мог не вспомнить, что только сегодня он горько жаловался на скуку и однообразие жизни. Теперь по крайней мере он получил проблему, разрешение которой потребует напряжения всех его удивительных способностей. Мистер Таддеуш Шолто поглядывал то на одного из нас, то на другого, явно гордясь впечатлением, которое произвел его рассказ. Попыхивая своей непомерно длинной трубкой, он продолжал:

– Мой брат и я, как вы можете догадаться, были весьма взволнованы рассказом отца о сокровищах. В течение нескольких месяцев мы перекопали весь сад и ничего не нашли. Мысль, что отец умер в тот самый миг, когда с уст его были готовы сорваться слова, которые сделали бы нас обладателями несметных сокровищ, могла свести с ума. О размерах богатства мы судили по жемчужным четкам. Относительно этих четок у нас с братом возникло небольшое недоразумение. Жемчужины были, по всей видимости, очень дорогие, и он не желал с ними расставаться, унаследовав, между нами говоря, частично отцовскую слабость. Кроме того, он полагал, что если еще кто-нибудь узнает об этих четках, то пойдут всякие сплетни, и тогда нам не миновать беды. Мне удалось только убедить его разыскать адрес мисс Морстен и посылать ей через определенное время жемчужины по одной, чтобы по крайней мере избавить ее от нужды.

– У вас доброе сердце. – Мисс Морстен с признательностью посмотрела на рассказчика. – Это был великодушный поступок.

– Но ведь мы были все равно как ваши опекуны, – энергично замахал руками человек. – Так по крайней мере считал я. Но брат Бартоломью никак с этим не соглашался. У нас было много денег. Я был доволен тем, что мы имели. Вести себя так низко по отношению к молодой девушке – это дурной тон. *Le mauvais gout mene au crime*⁴³. Как элегантно выражают французы подобные мысли! Наше расхождение зашло так далеко, что я предпочел поселиться отдельно. Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма. Но вчера я узнал, что произошло событие огромной важности: обнаружен тайник, где спрятаны сокровища. Я немедленно дал знать мисс Морстен, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и потребовать свою долю. Вчера вечером я сказал брату Бартоломью, что написал мисс Морстен. Так что незваными гостями мы не будем, хотя и желанными тоже.

Мистер Шолто умолк, он сидел на своей роскошной софе и подергивался. А мы, не проронив ни слова, размышляли о том неожиданном обороте, который получило это таинственное дело. Первым вскочил на ноги Шерлок Холмс.

– Вы правильно вели себя, сэр, от начала до конца, – сказал он. – Мы постараемся приоткрыть завесу над всем темным, что есть в рассказанной вами истории, и этим отблагодарить вас. Но, как только что сказала мисс Морстен, уже поздно, и нам лучше всего взяться за дело без промедления.

Наш новый знакомый очень аккуратно отвернул трубку с кальяна и достал из-за занавески длинное пальто, отделанное тесьмой, с каракулевым воротником и манжетами. Он застегнулся сверху донизу на все пуговицы, хотя вечер был теплый, даже душный, и нахло-

---

⁴³ Дурной тон ведет к преступлению (*фр.*).

бучил на голову кроличий треух, так что боковые клапаны плотно закрывали уши, оставив острую подвижную мордочку.

– Здоровье у меня хрупкое, – объяснил он нам, идя к выходу, – я вынужден соблюдать строгий режим.

Кеб ждал нас у ворот. Программа была, по-видимому, составлена заранее: не успели мы расположиться внутри, как лошади тронулись и помчались. Таддеуш Шолто трещал без умолку, его резкий высокий голос заглушал стук колес.

– Бартоломью – умная голова. Как, вы думаете, он отыскал ларец с сокровищами? Он пришел к выводу, что раз ларца нет снаружи, он должен быть где-то в доме. И он перемерил все комнаты, все коридоры и чуланы, не оставив не вымеренным ни дюйма. Оказалось, что высота всего дома семьдесят четыре фута, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и еще прибавить толщину перекрытий, которые он вымерил, просверлив сквозные отверстия, то окажется, что общая высота – не более семидесяти футов. Значит, куда-то исчезли целых четыре фута. Было ясно, что их надо искать наверху. Тогда мой брат пробил дыру в потолке комнаты верхнего этажа, и там, как и следовало ожидать, оказался еще один крошечный чердак, который был замурован, и поэтому о нем никто не знал. Посередине чердака на стропилах стоял ларец с сокровищами. Согнувшись в три погибели, Бартоломью вытащил его через дыру и открыл. В нем оказалось драгоценностей на сумму не менее полу-миллиона фунтов стерлингов.

Услыхав такую цифру, мы все широко раскрыли глаза. Мисс Морстен, если нам удастся отстоять ее права, из бедной компаньонки превращалась в одну из самых богатых невест Англии. Без сомнения, всякий настоящий друг должен был бы обрадоваться, услышав такую новость. Но я, к своему стыду, должен сказать, что сердце мое налила свинцовая тяжесть. Я пробормотал, запинаясь, несколько поздравительных слов и мрачно уставился в пол, не слушая дальнейших разглагольствований нашего нового знакомого. Он был типичнейший ипохондрик, и я, как сквозь сон, слушал бесконечное перечисление симптомов его болезней и нескончаемые мольбы объяснить ему состав и действие многочисленных шарлатанских снадобий, которые он всюду возил с собой в кожаном футляре. Я уповаю только на то, что он не запомнил мои советы, которые я дал ему в тот вечер. Холмс утверждает, что он слышал, как я предупреждал его ни в коем случае не принимать более двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно, и настоятельно советовал в качестве успокаивающего средства в больших дозах стрихнин. Как бы там ни было, но я почувствовал облегчение, когда наш кеб рывком остановился, кучер спрыгнул с козел и открыл дверь.

– Это, мисс Морстен, и есть Пондишери-Лодж, – сказал мистер Таддеуш, подавая ей руку.

Глава V

Трагедия в Пондишери-Лодж

Было около одиннадцати часов, когда мы достигли этого последнего этапа нашего ночного путешествия. Мы оставили позади сырой туман большого города, здесь же, в деревне, ночь была суха и тепла. С запада дул теплый ветерок, тяжелые тучи медленно ползли по небу, в разрывы иногда выглядывал месяц. Было довольно светло, но Таддеуш Шолто снял с кеба дорожный фонарь и пошел с ним вперед.

В глубине парка стоял дом, обнесенный очень высокой каменной стеной, верх которой был усыпан битым стеклом. Попасть внутрь можно было только через узкую, окованную железом дверь в стене. Наш спутник как-то по-особенному постучал, как иногда стучат почтальоны.

– Кто там? – спросил из-за двери грубый голос.

– Это я, Мак-Мурдо. Пора бы уже научиться узнавать мой стук.

Послышалось ворчание, затем звяканье и скрежет ключей, и дверь тяжело повернулась на петлях. На пороге стоял низкорослый, с могучей грудью человек, желтый огонь его фонаря освещал выдвинутое вперед лицо и недоверчиво блестящие глазки.

– Это вы, мистер Таддеуш? А это кто с вами? Я не получал никаких распоряжений от хозяина насчет ваших гостей.

– Никаких распоряжений. Вы меня поражаете, Мак-Мурдо! Я ж говорил моему брату вчера вечером, что со мной приедут мои друзья.

– Хозяин сегодня весь день не выходил из своей комнаты. Вы и сами очень хорошо знаете наши строгости. Вас я могу впустить, но ваши друзья – они пусть подождут вас снаружи.

Это было неожиданное препятствие. Таддеуш Шолто смотрел на стража растерянно и беспомощно.

– Это очень нехорошо с вашей стороны, Мак-Мурдо! – пролепетал он. – Я отвечаю за них, вам этого должно быть достаточно. С нами к тому же молодая девушка. Ей неприлично оставаться в такой час на проезжей дороге.

– Очень сожалею, мистер Таддеуш, – ответил неумолимый страж. – Гости могут быть вашими друзьями, но недругами моего хозяина. Мне хорошо платят, чтобы я хорошо исполнял свои обязанности. И я хорошо их исполняю. Я не знаю этих людей.

– Да нет же, Мак-Мурдо, знаете, – вдруг добродушно проговорил Шерлок Холмс. – Я не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя-боксера, с которым вы провели три раунда на ринге Алисона в день вашего бенефиса четыре года назад?

– Уж не мистера ли Шерлока Холмса я вижу?! – воскликнул боксер. – А ведь он самый и есть! Как это я сразу вас не узнал? Вы не стояли бы здесь таким тихоней, а нанесли бы мне ваш знаменитый встречный удар в челюсть, я бы тогда сразу узнал вас. Э-э, да что говорить! Вы из тех, кто зарывает таланты в землю. А то бы далеко пошли, если бы захотели!

– Видите, Уотсон, если моя профессия никому не будет больше нужна, у меня еще есть в запасе мои любительские таланты, – сказал, смеясь, Холмс. – Наш друг, я уверен, не станет дольше держать нас под открытым небом.

– Входите, входите, сэр, вы и ваши друзья, – отвечал привратник. – Очень сожалею о происшедшем, мистер Таддеуш, но порядок есть порядок. Я должен быть абсолютно уверен в ваших друзьях, чтобы впустить их в дом.

За каменной стеной через пустынный парк шла усыпанная гравием аллея. Дом был весь в тени, кроме одной стены, залитой лунным светом, наверху в ней поблескивало окно. От этого огромного мрачного дома, погруженного в тишину, становилось жутко. Даже привычному Таддеушу было не по себе: фонарь дрожал и поскрипывал в его руке.

– Ничего не понимаю, – бормотал он. – Здесь какая-то ошибка. Я же ясно объяснил Бартоломью, что сегодня вечером мы будем у него. А в его кабинете почему-то нет света. Не понимаю, что бы это могло значить.

– Он всегда так строго охраняет свой дом? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, это заведено еще моим отцом. Бартоломью был любимчиком, и мне иногда казалось, что отец рассказывает ему больше, чем мне. Вон видите освещенное луной окно – это кабинет Бартоломью. Но в нем, по-моему, темно.

– Да, темно, – сказал Шерлок Холмс. – Но в маленьком окошке у входа как будто горит свет.

– А, это комната экономки. Миссис Берстон, наша старая экономка, там обычно проводит вечера. Она-то все и объяснит нам. Не согласитесь ли вы несколько минут подождать меня здесь? Если мы войдем все сразу, то миссис Берстон испугается, она ведь не ожидает нашего вторжения. Тсс, тише! Что это?

Он поднял дрожащей рукой фонарь, и вокруг нас запрыгало и закачалось пятно света. Мисс Морстен схватила меня за руку, мы все трое остановились с бьющимися сердцами, напрягая слух. От темной мрачной громады дома доносились сквозь ночную тишину скорбные, жалостные звуки – всхлипывания чем-то испуганной женщины.

– Это миссис Берстон, – сказал Шолто. – В доме только одна женщина. Подождите здесь. Я сейчас же вернусь.

Он подошел к двери и постучал своим особенным стуком. Его впустила высокая пожилая женщина, при виде его всплеснувшая от радости руками.

– О, мистер Таддеуш, я так рада, что вы пришли! Так рада, так рада! – услышали мы ее причитания, затем дверь затворилась, и голос ее замер в глубине дома.

Таддеуш Шолто оставил нам фонарь. Холмс медленно посветил фонарем по сторонам, затем пристально посмотрел на дом и на большие кучи земли, загромождавшие двор. Мы с мисс Морстен стояли совсем близко, и ее рука была в моей. Удивительная, непостижимая вещь любовь, вот мы стоим тут двое, мы никогда не встречались до этого дня, никогда не сказали друг другу ни одного ласкового слова, не смотрели ласково друг на друга, и вот сейчас, в минуту опасности, наши руки инстинктивно потянулись одна к другой. Я потом часто вспоминал с удивлением об этой минуте, но тогда мне все казалось естественным, и она потом часто говорила мне, что сразу же потянулась ко мне, уверенная, что найдет во мне утешение и защиту. Так мы стояли вдвоем перед этим странным, мрачным домом, держась за руки, как дети, и наши сердца вдруг обьял покой.

– Какое странное место, – проговорила мисс Морстен, оглядываясь.

– Похоже, что над этим парком трудились все кроты Англии. Мне довелось видеть нечто подобное под Балларэтом. Но там весь холм был перекопан и изрыт золотоискателями.

– И здесь трудились золотоискатели, – заметил Холмс. – Вернее, искатели кладов. Не забывайте, хозяева этого дома шесть лет искали сокровища. Ничего удивительного, что парк похож на золотой прииск.

В этот миг входная дверь распахнулась, и с протянутыми вперед руками из дому выбежал Таддеуш Шолто, в глазах его стоял ужас.

– С Бартоломью что-то случилось! – воскликнул он. – Я так боюсь! Нервы мои не выдерживают.

Он действительно чуть не захлебывался слезами, и его дергающееся, бледное лицо, выступающее из каракулевого воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение до смерти перепуганного ребенка.

– Идемте в дом, – решительно проговорил Холмс.

– Да, идемте, – умоляюще пролепетал Таддеуш Шолто. – Я, правда, совсем уже не понимаю, что теперь делать.

Мы последовали за ним в комнату экономки, которая находилась по левую руку от входа. В ней взад и вперед металась испуганная женщина, нервно теребя пальцы, но появление мисс Морстен подействовало на нее успокаивающе.

– Господь да благословит вас! – воскликнула она, подавляя рыдания. – Какое кроткое и доброе у вас лицо! Я гляжу на вас, и мне становится легче. Что я вынесла за этот день!

Мисс Морстен, погладив худую, загрубевшую от работы руку экономки, сказала ей несколько ласковых, утешительных слов с чисто женским участием, и бледные, бескровные щеки пожилой женщины слегка порозовели.

– Хозяин заперся у себя и не отвечает на стук, – объяснила она. – Я целый день ждала, когда он позовет меня. Но вообще-то он любит оставаться один. Час назад я начала тревожиться, уж не случилось ли чего, поднялась наверх и заглянула в замочную скважину. Вы должны сами подняться туда, мистер Таддеуш, и посмотреть. Десять лет я живу в этом доме, я видела мистера Бартоломью и в горе и в радости, но такого лица я не видала у него никогда.

Шерлок Холмс взял лампу и пошел вверх первый, так как у Таддеуша от страха зуб на зуб не попадал. Колени у него подгибались, и я взял его под руку, чтобы он смог подняться по лестнице. Дважды, пока мы шли вверх, Холмс вынимал из кармана лупу и тщательно разглядывал какие-то темные пятна на циновке из кокосового волокна, которые показались мне простой пылью. Он двигался очень медленно, лампу нес низко и бросал влево и вправо цепкие взгляды. Мисс Морстен осталась внизу с перепуганной эконожкой.

Третий пролет вывел нас в длинный прямой коридор, на правой стене которого висел ручной работы индийский ковер. Слева выходили три двери. Холмс медленно пошел вперед, тщательно осматривая все на ходу, мы шли за ним по пятам, а за нами двигались вдоль коридора наши длинные черные тени. Нам нужна была третья дверь. Холмс постучал и, не получив ответа, попытался повернуть ручку и нажал на нее. Дверь оказалась запертой изнутри.

Холмс поднес лампу к самому замку, и мы увидели, что язык замка – широкий и очень прочный. Ключ, однако, был повернут, и в скважине оставалась щелка. Шерлок Холмс наклонился к ней и тут же резко отпрянул.

– Что-то в этом есть дьявольское, Уотсон! – прошептал он. Я никогда раньше не видел его таким встревоженным. – Что вы об этом думаете?

Я нагнулся к скважине и содрогнулся от ужаса. В окно лился лунный свет, наполняя комнату слабым зыбким сиянием. Прямо на меня смотрело как бы висевшее в воздухе – так как все под ним было в тени – лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая блестящая лысина, та же рыжая бахрома вокруг, то же бескровное лицо. Только черты его лица застыли в ужасной улыбке – напряженной и неестественной, которая в этой спокойной, залитой лунным светом комнате производила более страшное впечатление, чем гримаса боли или страха. Лицо было так похоже на лицо нашего крошечного приятеля, что я оглянулся, чтобы убедиться, что он здесь, рядом со мной. «Они ведь с братом близнецы», – вспомнил я.

– Какой ужас! Что теперь делать? – сказал я Шерлоку Холмсу.

– Нужно высадить дверь, – ответил он и, навалившись на нее всем телом, попытался взломать замок. Дверь трещала и скрипела, но не поддавалась. Тогда мы с силой навалились вдвоем, замок щелкнул, дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете Бартоломью Шолто.

Кабинет был оборудован под химическую лабораторию. На полке, висевшей на стене против двери, стояли два ряда бутылей и пузырьков со стеклянными притертыми пробками, стол был уставлен бунзеновскими горелками, пробирками и колбами. По углам на полу стояли большие бутылки в корзинах, в которых держат кислоту. Одна из них, по-видимому, треснула или раскололась, так как из-под нее вытекала струйка какой-то темной жидкости, и комнату наполнял тяжелый сладковатый запах, похожий на запах дегтя. В одном углу комнаты стояла стремянка, пол у ее основания был усыпан штукатуркой и дранкой, а верх упирался в потолок, рядом с отверстием, достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. На полу рядом с лестницей был брошен моток толстой веревки. Возле стола в деревянном кресле сидел в поникшей позе хозяин дома, наклонив голову к левому плечу и улыбаясь этой ужасной, непостижимой улыбкой. Он был холодный и уже окоченел. Он был мертв, по-видимому, уже несколько часов. Я обратил внимание, что не только его лицо было искажено гримасой, но руки и ноги были вывернуты и скручены самым невероятным образом. На столе рядом с его рукой лежало странное орудие – коричневая тонкая трость с каменным наконечником в виде молотка, грубо привязанным веревкой. Рядом с ней лежал вырванный из блокнота листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов. Холмс взглянул на него и протянул мне.

– Видите? – многозначительно подняв брови, сказал он.

В свете фонаря я прочитал, содрогнувшись от ужаса: «Знак четырех».

– Во имя всего святого, что все это значит?

– Это значит, что здесь было совершено убийство, – сказал Холмс, наклоняясь к окочевшему трупу несчастного Бартоломею Шолто. – А, я так и ожидал. Смотрите! – И он указал на вонзившийся в кожу над ухом тонкий длинный темный шип.

– Походит на шип от какого-то растения, – заметил я.

– Это и есть шип. Можете вынуть его. Только осторожно, он отравлен.

Осторожно, двумя пальцами я вынул шип. Он поддался очень легко, не оставив на коже почти никакого следа. Место прокола обозначалось только маленьким пятнышком засохшей крови.

– Для меня все это непостижимая тайна, – признался я, – и чем дальше, тем загадочнее она становится.

– Для меня наоборот, – ответил Холмс, – дело с каждой минутой проясняется. Недостаёт только нескольких звеньев, чтобы восстановить ход событий.

Мы почти забыли о присутствии нашего спутника, попав в эту комнату. Он все еще стоял в дверях, ломая руки и издавая время от времени сдавленные стоны. Фигура его была олицетворением отчаяния. Вдруг из его груди вырвался безумный, полный отчаяния вопль.

– Сокровища исчезли! – вопил он. – Они ограбили его! Видите вон ту дыру? Мы вытащили ларец оттуда. Я помогал ему! Я последний, кто видел его живым! Я ушел отсюда вчера вечером и слышал, когда спускался по лестнице, как он запирал за мной дверь.

– В котором часу это было?

– В десять часов. И вот он мертв! Сюда позовут полицию. Подозрение падет на меня. Да, я уверен, что так и будет. Но вы не считаете меня виновным, господа? Вы, конечно, не можете думать, что это сделал я! Разве бы я привез вас сюда, если бы это я? О Господи! О Господи! Нет, я сойду с ума!

Он ломал руки, топал ногами, его трясло как в лихорадке.

– Вам нечего бояться, мистер Шолто, – сказал Холмс, успокаивающе похлопывая его по плечу. – Послушайте меня и поезжайте в полицейский участок. Надо сообщить о случившемся. Обещайте оказать им всевозможную помощь. А мы вас здесь подождем.

Человечек повиновался, все еще полностью не придя в себя. И мы услышали, как он, спотыкаясь в темноте, спускается по лестнице.

Глава VI

Шерлок Холмс демонстрирует свой метод

– Итак, Уотсон, – сказал Шерлок Холмс, потирая руки, – в нашем распоряжении полчаса. Давайте как можно лучше используем это время. Как я уже вам сказал, дело мне вполне ясно. Но все-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу ни казался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным.

– Простым! – в изумлении воскликнул я.

– Конечно, – ответил Холмс с видом профессора, демонстрирующего ученикам интересного больного. – Пожалуйста, сядьте в тот угол, чтобы ваши следы не осложнили дело. А теперь за работу. Во-первых, как эти молодцы проникли сюда и как выбрались наружу? Дверь со вчерашнего вечера не отпиралась. Как насчет окна? – Он поднес к окну лампу, высказывая вслух свои соображения, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – Окно заперто изнутри. Рамы очень прочные. Давайте откроем его. Рядом никакой водосточной трубы. Крыша недостижима. И все-таки человек проник в комнату через окно. Прошлую ночь шел небольшой дождь. Видите, на подоконнике земля; отпечаток ботинка и еще один странный круглый отпечаток.

А вот опять этот след. На этот раз на полу. А вот он уже на столе. Смотрите, Уотсон, картина вполне ясная.

Я стал рассматривать круглые бляшки земли на полу.

– Это след не от ноги, – сказал я.

– Поэтому он так и важен. Это отпечаток деревянного протеза. Видите, здесь на подоконнике след тяжелого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом круглый след деревяшки.

– Человек на деревянной ноге!

– Вот именно. Он здесь был не один. У него был очень способный и ловкий помощник. Вы могли бы, доктор, залезть по этой стене?

Я выглянул в открытое окно. Луна все еще ярко освещала эту часть дома. Мы были на высоте добрых шестидесяти футов от земли, и, насколько я мог видеть, нигде в кирпичной кладке не было ни трещины, ни выемки, куда можно было поставить ногу.

– Это абсолютно невозможно, – ответил я.

– Да, одному невозможно. Но предположим, в комнате находится ваш сообщник, который выбросил вам надежную веревку, вон ту, что валяется в углу, привязав один ее конец к торчащему в стене крюку. Ну тогда, если вы человек ловкий, то и с деревянной ногой вы, пожалуй, смогли бы забраться по этой стене. Потом вы спустились бы вниз, ваш друг втащил бы веревку наверх, отвязал от крюка, запер окно на задвижку, а сам ушел из этой комнаты тем же путем, каким и вошел сюда. Деталь помельче, – продолжал Холмс, показывая на веревку, – хотя наш друг на деревяшке оказался отличным верхолазом, но он по профессии не моряк. Его руки не задубели от лазания по канатам. Моя лупа обнаружила в нескольких местах следы крови, особенно заметные на конце веревки. Значит, он спускался вниз так поспешно, что содрал кожу с рук.

– Очень хорошо, – сказал я, – но все дело не стало от этого ни на йоту понятнее. Кто этот таинственный помощник? Как он проник в эту комнату?

– Да, помощник, – повторил Холмс задумчиво. – Этот помощник – личность примечательная. Благодаря ему дело приобретает совершенно исключительную окраску. Я думаю, что оно впишет новую страницу в историю преступлений в Англии. Подобные случаи бывали раньше, но только в Индии и еще, если память не изменяет мне, в Сенегамбии.

– Но как же все-таки он проник в эту комнату? – повторил я. – Дверь заперта, окна снаружи недоступны. Может быть, через трубу?

– Каминное отверстие слишком мало, – ответил Холмс. – Я уже проверил эту возможность.

– Но как же тогда?

– Вы просто не хотите применить мой метод, – сказал он, качая головой. – Сколько раз я говорил вам, отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался. Нам известно, что он не мог попасть в комнату ни через дверь, ни через окна, ни через дымовой ход. Мы знаем также, что он не мог спрятаться в комнате, поскольку в ней прятаться негде. Как же тогда он проник сюда?

– Через крышу! – воскликнул я.

– Без сомнения. Он мог проникнуть в эту комнату только через крышу. Если вы будете добры посветить мне, мы продолжим наши поиски в тайнике, где был спрятан ларец с сокровищами.

Холмс поднялся по стремянке к потолку, ухватился обеими руками за балку и, подтянувшись, влез в отверстие. Затем, высунув лицо – он, видимо, распластался там, – протянул руку, взял у меня лампу и держал ее, пока я поднимался следом.

Чердак, на котором мы очутились, был десяти футов в длину и шести в ширину. Полom служили потолочные балки и тонкий слой дражки со штукатуркой, так что ступать с балки на

балку надо было с осторожностью. Крыша была двускатная, заканчивалась коньком. Потолком чердака служила, по всей вероятности, внутренняя сторона крыши. Пол покрывал толстый слой пыли, скопившийся за многие годы. Кроме пыли, на чердаке ничего не было.

– Вот, пожалуйста, – сказал Шерлок Холмс, кладя руку на покатуемую стену. – Это слуховое окно ведет наружу. Откройте его и очутитесь прямо на крыше, а крыша, к счастью, пологая. Именно этим путем Номер Первый и проник в комнату. Давайте посмотрим, не оставил ли он каких-нибудь следов.

Холмс опустил лампу к полу, и я второй раз за сегодняшний вечер увидел на его лице удивленное и озадаченное выражение. Проследив его взгляд, я почувствовал, как мороз подирает меня по коже: на полу было множество отпечатков босых ног – четких, хорошо заметных, но эти следы были чуть не в половину меньше следов взрослого человека.

– Холмс, – прошептал я, – выходит, что это страшное дело сделал ребенок!

Самообладание уже вернулось к Холмсу.

– Я было, признаться, оказался в тупике. Память подвела. А ведь дело-то простое. Я должен был с самого начала догадаться, какие будут следы. Ну что ж, здесь больше делать нечего. Идемте вниз.

– Но что это за следы? – спросил я, сгорая от любопытства.

– Дорогой Уотсон, проанализируйте факты, – сказал он с легким раздражением. – Вы знаете мой метод. Примените его, будет интересно сравнить результаты.

– Нет, я ничего не понимаю, – отвечал я.

– Скоро все поймете, – рассеянно бросил Холмс. – Я думаю, что ничего интересного здесь больше нет. И все-таки я проверю еще раз.

Быстрым движением он вынул из кармана лупу и сантиметр и, приблизив свой острый тонкий нос к самой обшивке, стал внимательно изучать каждый миллиметр. Его глаза, блестящие, глубоко посаженные, напоминали мне глаза хищной птицы. Так быстры, неслышны и вкрадчивы были его движения, точь-в-точь как у ищейки, взявшей след, что я вдруг подумал, каким бы страшным преступником он мог бы быть, если бы направил свой талант и свою энергию не в защиту закона, а против него.

Осматривая чердак, он все время что-то шептал себе под нос и вдруг радостно вскрикнул.

– Вот уж, можно сказать, повезло, – сказал он. – Это сэкономит нам много времени и трудов. Номер Первый имел неосторожность вступить в креозот. Видите, с правой стороны этой вязкой, вонючей лужи отпечатался краешек маленькой ноги. Бутыль с креозотом, по-видимому, треснула, и жидкость потекла.

– Ну и что?

– А то, что теперь мы его очень быстро поймает. Есть собака, которая по следу, пахнущему креозотом, пойдет хоть на край света. Если обычная ищейка будет держать след до самых границ графства, как вы думаете, куда может уйти специально натренированная собака? Обычная пропорциональная зависимость, неизвестный член которой равен... Стоп! Я слышу, на место прибыли полномочные представители закона.

Внизу послышались тяжелые шаги и громкие голоса, сильно хлопнула входная дверь.

– Пока они еще не пришли, – сказал Холмс, – коснитесь ладонью руки и ноги этого бедняги. Что вы чувствуете?

– Мускулы затвердели, как дерево, – ответил я.

– Вот именно. Они сведены сильнейшей судорогой. Это не простое трупное окоченение. На какую мысль наводит вас эта гиппократовская, или, как любили писать старые писатели, сардоническая, улыбка и это окостенение?

– Смерть наступила в результате действия какого-то сильного алкалоида растительного происхождения, – отвечал я, – наподобие стрихнина, вызывающего столбняк.

– Это первое, о чем я подумал, когда увидел это перекошенное лицо. Войдя в комнату, я сразу же стал искать, чем был введен яд. И, как помните, обнаружил шип, который едва наколол кожу. Обратите внимание, что шип поразил ту часть головы, которая обращена к отверстию в потолке, если сидеть прямо на этом стуле. А теперь давайте осмотрим самый шип.

Я осторожно взял шип и поднес к фонарю. Он был длинный, острый и черный, у самого острия блестел засохший потек какой-то густой жидкости. Тупой конец имел овальную форму и носил следы ножа.

– Это от дерева, растущего в Англии?

– Разумеется, нет. Так вот, Уотсон, имея в своем распоряжении столько фактов, вы должны прийти к правильному заключению. А вот и представители регулярных частей; вспомогательные силы должны уступить им место.

Шаги были слышны все громче, наконец они зазвучали прямо за дверью, и в комнату вошел, тяжело ступая, грузный, большой мужчина в сером. У него было красное, мясистое лицо, с которого хитро поглядывали на нас из-под припухших, одутловатых век маленькие блестящие глазки. За ним вошел инспектор полиции в мундире и следом все еще не переставший дрожать Таддеуш Шолто.

– Ну и дельце! – воскликнул вошедший глухим, хриплым голосом. – Хорошенькое дельце! Кто это здесь? Почему в доме людей, как в садке кроликов?..

– Вы, должно быть, помните меня, мистер Этелни Джонс? – спокойно проговорил Холмс.

– Ясное дело, помню, – прохрипел в ответ тот. – Вы мистер Холмс, Шерлок Холмс, теоретик. Я никогда не забуду, как вы поучали нас, объясняя, куда девались бишопгейтские бриллианты. Справедливость требует заметить, что вы показали нам верный путь, но теперь-то уж вы можете признать, что в тот раз вам помог просто счастливый случай.

– Мне помогла в тот раз простая логика.

– Ну будет, будет. Никогда не стыдитесь правды. Так что же здесь произошло? Скверное дело! Скверное! Факты, к счастью, налицо, так что всякие там теории ни к чему. К счастью, я как раз оказался в Норвуде, по поводу другого дела. И вдруг эта смерть в Пондишери-Лодж. Как вы думаете, отчего она наступила?

– Теории здесь ни к чему, – сухо заметил Холмс.

– Конечно, конечно. Но мы ведь не отрицаем, что вы иногда удивительно попадаете в точку. Господи помилуй! Дверь, как я понимаю, заперта. Хм, хм... Исчезли драгоценности стоимостью в полмиллиона. А как насчет окна?

– Тоже на запоре, но на подоконнике есть следы.

– Отлично, отлично, но если оно заперто, то следы не имеют никакого отношения к делу. Это подсказывает здравый смысл. Человек может умереть от удара. Да, но ведь исчезли драгоценности. Ага! У меня есть версия. Иногда и на меня находят озарения. Пожалуйста, отойдите в сторону, сержант, и вы, мистер Шолто. Ваш друг может остаться где стоит. Что вы об этом думаете, Холмс? Шолто, как он сам признался, был вчера весь вечер со своим братом. С братом случился удар, после чего Шолто ушел и унес с собой все драгоценности. Ну, что скажете?

– После чего мертвый хозяин очень предусмотрительно встал и заперся изнутри.

– Гм, гм! В этом слабое место моей версии. Призовем на помощь здравый смысл. Этот Таддеуш Шолто пришел к брату. Завязалась ссора. Это нам известно. Брат мертв, драгоценности исчезли – это тоже известно. Никто не видел брата после ухода Таддеуша. Постель его не тронута. Таддеуш явно пребывает в большом смятении. Как вы видите, я плету сеть вокруг Таддеуша. И сеть затягивается.

– Но вам еще неизвестны все факты, – заметил Холмс. – Видите этот шип; у меня есть все основания полагать, что он отравлен. Его нашли вонзенным в голову убитого. Там остался след. На столе лежала вот эта записка, прочтите ее. Рядом было вот это странное оружие с наконечником из камня. Как ваша версия объясняет эти факты?

– Замечательно объясняет, – напыщенно ответил жирный детектив. – Дом полон индийских редкостей. И Таддеуш принес эту штуку сюда. А если шип был отравлен, то ему было проще простого использовать его как орудие убийства. Эта записка – ловкий трюк для отвода глаз. Одно только неясно – каким путем он вышел отсюда? Ага, в потолке отверстие! Разумеется, через него.

С неожиданной для его тучности ловкостью он полез вверх по лестнице и нырнул в отверстие. В ту же минуту мы услышали его торжествующий голос. Он кричал, что с чердака на крышу ведет слуховое окно.

– Он, пожалуй, найдет там еще что-нибудь, – проговорил Холмс, пожав плечами, – иногда в нем как будто заметны проблески разума. Il n'y a pas des sots si incommodes que ceux qui ont de l'esprit⁴⁴.

– Вот видите! – сказал Этелни Джонс, спускаясь по лестнице. – Факты надежнее всякой теории. Моя версия подтверждается полностью. На чердаке есть дверь на крышу. И она даже приоткрыта.

– Это я ее открыл.

– В самом деле? Так, значит, вы тоже ее видели?

Джонс был явно обескуражен, услышав слова Холмса.

– Не важно, кто первый ее заметил, – сказал он примирительно, – важно то, что теперь ясно, как он выбрался отсюда. Инспектор!

– Да, сэр! – Голос из коридора.

– Пригласи сюда мистера Шолто. Мистер Шолто, мой долг предупредить вас, что все ваши слова могут быть обращены против вас. Я арестую вас именем королевы как лицо, причастное к смерти вашего брата.

– Ну вот! Я говорил вам! – воскликнул плачущим голосом маленький человечек, протягивая к нам руки.

– Не расстраивайтесь, мистер Шолто, – сказал Холмс. – Я думаю, что сумею снять с вас это обвинение.

– Не обещайте слишком много, мистер Теоретик, не обещайте! – воскликнул детектив. – Это может оказаться не таким простым делом.

– Я не только сниму с мистера Шолто обвинение, мистер Джонс, но я еще и сделаю вам подарок: назову имя и приметы одного из двоих людей, которые были в этой комнате прошлой ночью. У меня есть все основания утверждать, что его имя Джонатан Смолл. Он почти неграмотный, невысокого роста, подвижный, у него нет правой ноги, он ходит на стоптанной внутри деревяшке. Левая его нога обута в грубый, с квадратным носом, башмак на железной подковке. Это бывший каторжник, лет ему около сорока, он очень загорелый. Вот несколько примет, которые могут помочь вам, тем более что на этой веревке имеется кровь: он вчера ночью ободрал здесь ладони. Другой...

– Ах, есть и другой, – насмешливо проговорил Этелни Джонс, но было заметно, что уверенность, с какой Холмс описывал преступника, произвела на него впечатление.

– Это довольно любопытная личность, – сказал Холмс, поворачиваясь на пятках. – Я надеюсь, что очень скоро передам эту парочку в ваши руки. Уотсон, мне надо сказать вам несколько слов.

Он вывел меня на площадку лестницы.

– Неожиданный поворот событий, – сказал он, – заставил нас забыть о первоначальной цели нашего путешествия.

---

⁴⁴ «Нет более несносных глупцов, чем те, которые не совсем лишены ума» (*фр.*). Ф. Ларошфуко. «Максимы и моральные размышления».

– Я тоже как раз об этом подумал, – ответил я. – Нельзя, чтобы мисс Морстен дольше находилась в этом злосчастном доме.

– Нельзя. Вы должны отвезти ее домой. Она живет у миссис Сесил Форрестер в Лоуэр-Кэмберуэлле. Это не так далеко отсюда. Если вы решите вернуться, я вас здесь подожду. Но, может быть, вы очень устали?

– Нисколько. Я не смогу уснуть, пока эта фантастическая история не станет для меня более или менее ясной. Я не раз попадал в чрезвычайно сложные и острые ситуации, но, должен признаться, сегодняшнее нагромождение этих поистине невероятных происшествий вывело меня из равновесия. Но раз уж я оказался в самой гуще событий, я останусь с вами до конца.

– Ваше присутствие мне будет очень необходимо, – сказал Холмс. – Мы поведем это дело самостоятельно. И пусть Джонс тешит себя своими фантазиями. Когда вы отвезете мисс Морстен, поезжайте, пожалуйста, в Ламбет, улица Пинчин-лейн, 3. Это на самом берегу. В третьем доме по правую руку живет чучельник по имени Шерман, он набивает чучела птиц. В его окне вы увидите ласку, держащую крольчонка. Разбудите Шермана, передайте от меня привет и скажите ему, что мне немедленно нужен Тоби. Возьмите Тоби и привезите его сюда.

– Это собака?

– Да, забавный такой пес, не чистокровный, но с поразительным нюхом. Я предпочитаю воспользоваться помощью Тоби, чем всеми сыскными силами Лондона.

– Я привезу его вам, – ответил я. – Обратно я вернусь около трех, если найду свежую лошадь.

– А я, – сказал Холмс, – попробую узнать что-нибудь у миссис Берстон и слуги-индуса, который, как сказал мистер Таддеуш, спит в чулане на чердаке. Затем я примусь за изучение методов великого мистера Джонса и послушаю его иронические и малоделикатные замечания. «Wir sind gewohnt, dass die Menschen verhonnen was sie nicht verstehen»⁴⁵. Гете, как всегда, глубок и краток.

Глава VII

Эпизод с бочкой

Полицейские приехали в двух кебах, одним я воспользовался, чтобы отвезти мисс Морстен домой. Обладавшая в высшей степени чувством сострадания, мисс Морстен весь этот ужасный вечер держала себя стойко, пока рядом было существо, нуждавшееся в поддержке. Когда я спустился вниз, она ласково и невозмутимо разговаривала с перепуганной экономкой. Когда же мы очутились с ней вдвоем в кебе, она вдруг совсем обессилела, а потом безутешно рыдалась – так сильно подействовали на нее события этого вечера. Впоследствии она говорила мне, что во время этого путешествия в кебе я показался ей чужим и холодным. Она и не подозревала, какая во мне происходила борьба и сколько мне стоило усилий сдерживать себя. Я был так же полон к ней сострадания и нежности, как там, в саду, когда мы держались за руки. Я понимал, что за многие годы безмятежной жизни я не узнал бы лучше ее доброго и храброго сердца, чем за один этот невероятный день. Но два соображения мешали мне что-нибудь сказать. Она была беззащитна и слаба, нервы у нее сильно расстроились. Говорить ей сейчас о своей любви значило воспользоваться ее беспомощностью. Но еще хуже было то, что она была богата. Если поиски Холмса увенчаются успехом, она станет наследницей найденных сокровищ, по крайней мере половины их. Будет ли справедливо, будет ли благородно, если

---

⁴⁵ «Мы привыкли, что люди издеваются над тем, чего они не понимают» (нем.).

отставной хирург на половинном жалованье воспользуется минутой близости, которую подарил ему случай? Не отнесется ли она ко мне как к обычному искателю богатых невест? Я не могу допустить, чтобы она так обо мне подумала. Эти сокровища Агры легли между нами непреодолимым барьером.

Было около двух часов, когда мы добрались до дома миссис Сесил Форрестер. Слуги уже давно легли спать, но миссис Форрестер еще не ложилась, а ждала возвращения мисс Морстен – так заинтересовало ее странное письмо, полученное ее компаньонкой. Она сама открыла нам дверь. Это была очень приятная средних лет дама; я с радостью заметил, как ласково она обняла мисс Морстен и голос ее звучал по-матерински. Было ясно, что мисс Морстен не просто живет в услужении, но она еще и друг. Она представила меня миссис Форрестер, и та предложила мне войти в дом, несмотря на поздний час, и рассказать о наших приключениях. Но я объяснил ей всю важность поручения Холмса и твердо обещал в скором времени заехать к ним и рассказать, как подвинулось дело. Когда кеб отъехал немного, я оглянулся, и до сих пор передо мной эта картина: две изящные женские фигурки, тесно прижавшиеся друг к другу на ступеньках крыльца, открытая входная дверь, прихожая, освещенная сквозь матовое стекло внутренней двери, барометр на стене, ярко начищенные металлические прутья на лестнице. Как умиротворяюще подействовал на меня спокойный уют английского дома! Я даже забыл на секунду это ужасное, загадочное дело.

И чем больше я о нем думал, тем загадочнее и ужаснее оно мне казалось. Пока кеб громыхал по тихим, освещенным газовыми фонарями ночным улицам, я вспомнил всю цепь невероятных событий прошлого дня и ночи. Начальная проблема вполне прояснилась. Смерть капитана Морстена, посылки с жемчужинами, объявление в газете, письмо – все это больше не было тайной, но зато нам открылась еще одна тайна, куда более загадочная и трагическая. Индийские сокровища, непонятный план, найденный среди вещей капитана Морстена, странные события, приведшие к смерти майора Шолто, открытие тайника и убийство того, кто этот тайник нашел, исключительные обстоятельства убийства, странные следы, странное оружие, слова, нацарапанные на клочке бумаги, те же самые, что были на плане Морстена, – это был настоящий лабиринт, в котором человек, не наделенный такими исключительными способностями, как мой друг Шерлок Холмс, непременно бы заблудился, потеряв всякую надежду когда-нибудь найти выход.

Пинчин-лейн была рядом старых двухэтажных кирпичных домов в нижней части Ламбета. Я долго стучал в двери дома № 3. Наконец за ставнем блеснул огонек свечи, и в окне второго этажа появилось лицо.

– Убирайся отсюда сейчас же, пьяная тварь! – раздалось сверху. – Если ты не перестанешь колотить, я отопру двери и выпущу на тебя сорок три собаки.

– Мне нужно только одну, я за тем и приехал.

– Убирайся! – вопил тот же голос. – У меня здесь в корзине гадюка! Если ты не уйдешь, я брошу ее тебе на голову!

– Мне нужна собака, а не змея! – кричал я в ответ.

– Надоело мне с тобой пререкаться. Считаю до трех. Если не уйдешь, бросаю гадюку!

– Мистер Шерлок Холмс... – начал я.

Имя Шерлока Холмса возымело магическое действие, ибо рама немедленно опустилась, а не прошло и минуты, как загремели ключи, и дверь отворилась. Мистер Шерман оказался длинным худым стариком, с сутулыми плечами, жилистой шеей и в синих очках.

– Друг Шерлока Холмса всегда желанный гость в этом доме, – сказал он. – Входите, сэр. Держитесь подальше от барсука, он кусается. Фу, как стыдно! Ты хочешь укубить этого господина? – Эти слова были обращены к горностаю, который просовывал свою хищную мордочку с красными глазками между прутьев клетки. – Не обращайтесь на эту змею внимания. Это всего-навсего веретенница. Она не ядовитая, и я пускаю ее бегать по комнате. Она уничтожает жуков.

Вы не сердитесь на меня за то, что я поначалу был несколько груб. Спасения нет от мальчишек. Любят торчать под моими окнами. Чем я могу быть полезным мистеру Шерлоку Холмсу, сэр?

– Ему нужна ваша собака.

– А-а! Ему нужен Тоби!

– Да, именно Тоби.

– Тоби живет здесь в номере седьмом по левую руку.

Он медленно побрел со свечой в руках по этому удивительному звериному городку. В неверном, слабом свете свечи я различал в каждом закоулке, в каждой щели блестящие, мерцающие глаза, следящие за нами. Над нашими головами на потолочных балках сидели важные птицы и лениво переступали с ноги на ногу, когда наши голоса тревожили их сон.

Тоби оказался маленьким уродцем, длинношерстным и длинноухим, помесь спаниеля и шотландской ищейки. Он был коричневый с белым, и у него была смешная, неуклюжая походка вперевалочку. После некоторого колебания он взял от меня кусок сахара, данный мне старым натуралистом, и, заключив таким образом со мной союз, без всяких уговоров последовал за мной в кеб. На дворце Ламбетского епископа как раз пробило три, когда я во второй раз в эту ночь очутился у ворот Пондишери-Лодж. Бывший профессиональный боксер Мак-Мурдо, как я узнал, был арестован по подозрению в соучастии и вместе с мистером Шолто отправлен в полицию. Узкую входную дверь караулили два полицейских, но меня с собакой они пропустили немедленно, как только я назвал имя знаменитого сыщика.

Холмс стоял на пороге, засунув руки в карманы и куря свою трубку.

– А, вы привезли его! – сказал он, увидев меня. – Хорошая собака! Этелни Джонс ушел. Пока вас не было, мы были свидетелями его неукротимой энергии. Он арестовал не только нашего друга Таддеуша Шолто, но и экономку, привратника и слугу-индуса. Так что мы здесь одни, не считая сержанта в кабинете наверху. Оставьте собаку здесь и пойдемте со мной.

Мы привязали Тоби к столу в прихожей и поднялись по лестнице. Комната была в том же виде, как я ее оставил, только тело посреди комнаты было укрыто простыней. В углу прикорнул усталый сержант.

– Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, сержант, – сказал Холмс. – А теперь завяжите сзади вот эту бечевку, чтобы фонарь висел у меня на груди. Ботинки с носками я сниму. Вы захватите их с собой вниз, Уотсон. Я хочу попробовать профессию верхолаза. Опустите, пожалуйста, мой носовой платок в креозот. Так, хорошо. А теперь поднимемся ненадолго наверх.

Мы опять поднялись по стремянке и влезли через отверстие в потолке на чердак. Холмс направил свет фонаря на странные следы в пыли.

– Это очень интересные следы, – сказал он. – Вы заметили в них что-нибудь необыкновенное?

– Это следы ребенка, – ответил я, – или миниатюрной женщины.

– Если судить по их размеру. А еще что в них поражает?

– По-моему, они больше ничем не отличаются от всякого другого следа.

– Отличаются, да еще как! Смотрите. В пыли отпечаток правой ступни. Я наступаю рядом своей ступней. В чем разница?

– Ваши пальцы прижаты друг к другу. На маленьком следе все пальцы торчат врозь.

– Совершенно верно. Это очень важно запомнить. А теперь подойдите к слуховому окну и понюхайте подоконник. Я со своим платком останусь здесь.

Так я и сделал и почувствовал сильный запах дегтя.

– Вот куда он поставил ногу, когда уходил отсюда. Если вы учуяли его след, то Тоби и подавно учует. А теперь ступайте вниз, отвяжите собаку – и в погоню за Номером Первым.

Когда я вышел во двор, Шерлок Холмс был уже на коньке крыши, по которому он медленно полз, как огромный светляк. Он было исчез за трубами, но скоро опять появился и снова

исчез за коньком – видимо, стал спускаться по противоположному скату крыши. Я обошел дом и увидел, что он уже сидит на карнизе, рядом с угловой водосточной трубой.

– Уотсон, это вы? – крикнул он сверху.

– Да, – ответил я.

– Вот где он поднимался. Что там внизу?

– Бочка!

– Крышка на ней есть?

– Есть.

– А лестницы поблизости не видно?

– Нет!

– Вот дьявол! Тут и шею сломать недолго. Но там, где прошел он, пройду и я. Водосточная труба довольно прочная. Ну, я спускаюсь!

Послышалось шарканье босых ног, и огонь фонаря медленно пополз вниз по стене. Затем Холмс легко прыгнул на крышку бочки и оттуда на землю.

– Нетрудно было идти по его следу, – сказал он, надевая носки и ботинки. – Черепица, где он ступал, ослабла, и впопыхах он обронил вот что. Это подтверждает мой диагноз, как любите говорить вы, медики.

Он протянул мне что-то вроде небольшого кошелька, сплетенного из цветной соломки и украшенного дешевым бисером. По виду и форме он напоминал портсигар. Внутри было полдюжины длинных темных колючек, острых с одной стороны и закругленных с другой, – точно таких, какая поразила Бартоломею Шолто.

– Дьявольские иголки, – проговорил Холмс. – Осторожнее, не уколитесь. Я очень рад, что нашел их. Вряд ли у него с собой есть еще. Теперь можно не бояться, что такой вот шип продырявит мне или вам кожу. Я скорее соглашусь получить пулю из боевой винтовки. Ну что, Уотсон, вы достаточно бодро себя чувствуете для шестимильного пробега?

– Конечно, – ответил я.

– Нога выдержит?

– Выдержит.

– Поди сюда, Тоби. Поди сюда, хорошая собака. Нюхай, Тоби! Нюхай!

Холмс сунул собаке под нос платок, испачканный креозотом. Расставив свои лохматые ноги и смешно задрав вверх одно ухо, Тоби нюхал платок с видом дегустатора, наслаждающегося букетом старого вина. Холмс бросил платок подальше, привязал толстый шпагат к ошейнику собаки и подвел ее к бочке. Собака немедленно залилась тонким, возбужденным лаем и, уткнув нос в землю, а хвост задрав вверх, помчалась по следу с такой быстротой, что поводок натянулся, и мы бросились за ней бежать изо всех сил.

Восток стал понемногу бледнеть, и мы уже могли различать предметы вокруг нас в холодных утренних сумерках. Большой, похожий на коробку дом с черными провалами окон и высокими голыми стенами высился, печальный и молчаливый, позади нас.

Наш путь лежал через парк, между ям и канав, которые пересекали его по всем направлениям. Это место с кучами мусора и земли, с кустами и деревьями, давно не выдававшими ножниц садовника, являло вид мрачный и заброшенный, что вполне гармонировало с разыгравшейся здесь трагедией.

Достигнув каменной ограды, Тоби побежал вдоль нее, жалобно и нетерпеливо скуля, пока не остановился наконец в углу, заслоненном от всего парка большим молодым буком. Там, где стены сходились, несколько кирпичей сдвинулось, образуя как бы ступеньки, которые были стерты и закруглены у наружного края, что говорило о том, что ими часто пользовались. Холмс поднялся по ним и, взяв у меня из рук Тоби, бросил его на землю.

– Здесь есть отпечаток руки человека на деревянной ноге, – сказал он, когда я поднялся к нему. – Видите, слабые пятна крови на белой краске. Какая удача, что со вчерашнего дня не

было дождя! Запах остался на дороге, несмотря на то что они прошли здесь двадцать восемь часов назад.

Признаюсь, у меня были на этот счет некоторые сомнения, когда я подумал, какое сильное движение бывает на Лондонском шоссе. Но сомнения мои скоро рассеялись. Тоби, ни секунды не колеблясь, побежал вперед, смешно переваливаясь на ходу. Резкий запах креозота победил на дороге все остальные запахи.

– Не думайте, пожалуйста, – сказал Холмс, – что только благодаря этой случайности преступники скоро окажутся в наших руках. Я знаю сейчас уже так много, что вижу несколько способов поймать их, но это, конечно, самый легкий и быстрый. Было бы глупо им не воспользоваться, раз уж судьба так благосклонна к нам. Но этот счастливый случай оказал мне и плохую услугу: решение перестало быть чисто логическим, каким я вначале представлял его. Тогда бы это дело действительно принесло мне лавры.

– Какие лавры вам еще нужны, Холмс! Я восхищен вашим дедуктивным методом. Такой блестящий успех! Он затмил даже дело Джефферсона Хоупа. Норвудское дело кажется мне более сложным и загадочным. Объясните мне, например, откуда вам с такой достоверностью известна наружность человека на деревянной ноге?

– А, мой дорогой Уотсон! Ведь это так просто! И это я говорю не из ложной скромности. Два офицера из тюремной охраны становятся обладателями важной тайны. Англичанин по имени Джонатан Смолл нарисовал и передал им план, указывающий местонахождение клада. Вы помните, что именно это имя было на плане, найденном в записной книжке капитана Морстена. От имени своих товарищей он подписался с некоторой претензией: «Знак четырех». Пользуясь планом, офицеры, а может быть, один из них, завладели кладом и увезли его в Англию, нарушив, как можно догадаться, соглашение, в силу которого этот клад попал им в руки. Можно спросить: почему Джонатан Смолл сам не завладел кладом? И это ясно. Если вы помните, план помечен числом, когда Морстен постоянно общался с заключенными. Отсюда следует, что Джонатан Смолл вместе со своими приятелями был в то время в тюрьме и, следовательно, сам не мог завладеть сокровищами.

– Это – чистое предположение, – сказал я.

– Больше чем предположение. Это гипотеза, которая объясняет все без исключения факты. Давайте проверим. Майор Шолто живет спокойно, наслаждаясь сокровищами, находящимися в его безраздельном владении. Потом вдруг он получает из Индии письмо, которое пугает его до полусмерти. Что это письмо могло сообщить?

– То, что человек, с которым поступили несправедливо, выпущен на свободу.

– Или бежал. Что более вероятно, так как майор Шолто, несомненно, знал сроки заключения Джонатана Смолла и его друзей. И если бы срок истек, его появление не испугало бы его до такой степени. Что же он делает? Он вооружается, ставит в воротах усадьбы надежную охрану, боясь до умопомрачения человека на деревянной ноге, причем белого. Помните, он, обознавшись, стрелял из револьвера в хромого торговца? Дальше, на плане только одно английское имя. Другие – индусские или магометанские. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что человек на деревянной ноге и есть Джонатан Смолл. Вам пока не кажется, что мое рассуждение грешит против логики?

– Нет, все очень ясно и убедительно.

– Хорошо. Тогда давайте поставим себя на место Джонатана Смолла. Посмотрим на дело с его точки зрения. Он возвращается в Англию с намерением вернуть себе то, что считает по праву принадлежащим ему, а также отомстить нарушившему соглашение. Он узнает, где живет Шолто, и, по всей вероятности, вступает в контакт с кем-нибудь из слуг. Там есть дворецкий, которого мы еще не видели, его имя Лал Рао. Миссис Берстон отозвалась о нем неодобрительно. Но Смоллу не удалось, однако, найти тайник, где были спрятаны сокровища, потому что никто, кроме самого майора и его преданного слуги, который уже умер, о тайнике не знал.

Неожиданно Смолл узнает, что майор при смерти. В отчаянии, что тайна клада умрет вместе с ним, он, каким-то образом обманув бдительность привратника, пробирается в парк и заглядывает в окно спальни умирающего. Только присутствие у постели майора двух его сыновей помешало ему проникнуть внутрь. Обезумев от ярости, он той же ночью пробирается в спальню усопшего, перерывает в ней все вверх дном в поисках какого-нибудь указания, где хранится сундук с драгоценностями, и оставляет как свидетельство своего визита уже известный нам «знак четырех». Без сомнения, он заранее решил, убив майора, оставить возле его тела такую записку в знак того, что это не простое убийство, а месть. Примеров подобного пристрастия к дешевым эффектам можно встретить немало в анналах преступного мира, и они обычно являются ценным ключом для установления личности преступника. Пока все ясно?

– Абсолютно все.

– Хорошо. Что же Джонатану Смоллу остается делать? Остается только установить секретное наблюдение за домом, где начались поиски сокровищ. Возможно, он жил за пределами Англии и только время от времени наезжал сюда. Затем был обнаружен тайник, и Смолла тотчас уведомили об этом. Здесь опять выступает на сцену его сообщник из домочадцев. Джонатан Смолл со своей деревянной ногой не смог бы забраться в кабинет Бартоломью Шолто, расположенный так высоко. Тогда он находит себе очень странного помощника, который легко взбирается на крышу по водосточной трубе, но попадает босой ногой в креозот, вследствие чего в дело вступает Тоби и отставной хирург с простреленным сухожилием отправляется в шестимильную прогулку.

– Так, значит, это не он, а его помощник убил майора?

– Да. И, судя по следам Смолла в комнате, он был этим очень недоволен. Он не питал ненависти к Бартоломью Шолто и считал, что надо только связать его и заткнуть ему рот. Ему совсем не хотелось лезть в петлю. Но сделанного, как говорится, не воротишь. В его сообщнике проснулись дикие инстинкты, и яд сделал свое дело. Тогда Джонатан Смолл оставил свой «знак четырех», спустил через окно на землю ларец с сокровищами и ушел сам. Таков в моем представлении ход событий. Что касается его наружности, то он, конечно, должен быть средних лет и очень смуглым, после стольких лет каторжных работ на Андаманских островах. Рост его легко рассчитывается по длине шага, а о том, что у него есть борода, мы знаем из рассказа Таддеуша Шолто, которого особенно поразило обилие растительности на лице, показавшемся в окне в ночь смерти его отца. Ну вот, собственно, и все.

– А помощник?

– Ах да, помощник... Но и с ним все так же ясно. Да вы все скоро узнаете. А как хорошо дышится свежим утренним воздухом! Видите вон то маленькое облачко? Оно плывет, как розовое перо гигантского фламинго. Красный диск солнца еле продирается вверх сквозь лондонский туман. Оно светит многим добрым людям, любящим вставать спозаранку, но вряд ли есть среди них хоть один, кто спешит по более странному делу, чем мы с вами. Как ничтожным кажется человек с его жалкой амбицией и мечтами в присутствии этих стихий! Как пожирает ваш Жан Поль?

– Прекрасно! Я напал на него через Карлейля.

– Это все равно что, идя по ручью, дойти до озера, откуда он вытекает. Он высказал одну парадоксальную, но глубокую мысль о том, что истинное величие начинается с понимания собственного ничтожества. Она предполагает, что умение оценивать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа. Рихтер дает много пищи для размышлений. У вас есть с собой пистолет?

– Нет, только палка.

– Возможно, нам понадобится оружие, когда мы сунемся в их логово. Джонатана вы возьмете на себя. Если же тот, другой, будет сопротивляться, я просто застрелю его.

Холмс вынул свой пистолет и, зарядив его двумя патронами, сунул обратно в правый карман пиджака.

Все это время след вел нас то по проселку, то по шоссе в сторону Лондона, и скоро мы очутились в бесконечном лабиринте улиц предместья, полных уже заводскими рабочими и докерами. Неряшливого вида женщины открывали ставни и подметали ступеньки у входа. В кабачке на углу одной из улиц жизнь уже кипела вовсю, то и дело из него появлялись бородатые мужчины, вытирая рот рукавом после утреннего возлияния. Бродячие собаки провожали нас любопытным взглядом, но наш неподражаемый Тоби не смотрел ни вправо, ни влево, а бежал вперед, почти касаясь носом земли, и время от времени нетерпеливо повизгивал, чуя горячий след.

Таким образом мы миновали Стритем, Брикстон, Кэмберуэлл и очутились в районе Кеннингтон-лейн, выйдя окольными путями к восточной стороне Кеннингтонского стадиона. По-видимому, Джонатан Смолл и его страшный помощник специально выбрали этот сложный маршрут, чтобы сбить со следа преследователей. Они ни разу не шли главной улицей, если можно было двигаться в желаемом направлении боковыми улочками. В начале Кеннингтон-лейн они свернули налево и пошли по Бонд-стрит и Майлс-стрит. Там, где последняя улица вливается в Найтс-плейс, Тоби остановился и забегал взад и вперед, одно ухо задрав, другое опустив, выражая всем своим видом полное недоумение. Затем он стал кружить на месте, время от времени поглядывая на нас, точно искал у нас сочувствия.

– Что такое творится с собакой? – вскипел Холмс. – Ведь не взяли же они здесь кеб и не улетели отсюда на воздушном шаре?

– Может, они останавливались здесь ненадолго? – предположил я.

– Да, по всей вероятности. Тоби опять взял след, – сказал он с облегчением.

На этот раз Тоби буквально полетел стрелой. Обнюхав все кругом своим острым носом, он вдруг опять обрел уверенность и бросился вперед с такой прытью, какую еще не проявлял. След, очевидно, был совсем свежий, так как Тоби не только почти зарылся носом в землю, но и рвался с поводка, который теперь мешал ему развить настоящий бег. По блеску глаз Холмса я видел, что конец нашего путешествия, по его мнению, близок.

Мы бежали теперь по Найн-Элмс, оставив позади большой дровяной склад фирмы «Бродерик и Нельсон». У соседней со складом таверны «Белый орел» Тоби в сильном возбуждении нырнул в калитку, и мы очутились во дворе склада, где пыльщики уже начали свой дневной труд. Тоби, не обращая на них внимания, прямо по стружкам и опилкам выбежал на дорогу, обогнул сарай, проскочил коридор из двух полениц и наконец с ликующим лаем вскочил на большую бочку, еще стоявшую на ручной тележке, на которой ее сюда привезли. Со свесившимся языком и блестящими глазами Тоби стоял на бочке и торжествующе поглядывал на нас, ожидая похвалы. Вся бочка и колеса тележки были измазаны темной густой жидкостью, кругом сильно пахло креозотом.

Мы с Шерлоком Холмсом посмотрели друг на друга и одновременно разразились неудержимым смехом.

Глава VIII

Нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит

– Что же теперь делать?! – воскликнул я. – Тоби потерял свою непогрешимую репутацию.

– Он действовал в меру своего разума, – ответил Холмс, снимая Тоби с бочки и уводя его со склада. – Представьте себе, сколько Лондон потребляет в течение дня креозота, так что

неудивительно, что наш след оказался пересеченным. Пошла мода пропитывать им дерево. Нет, бедняга Тоби не виноват.

– Значит, вернемся к начальному следу?

– Да. К счастью, это недалеко. Я теперь понимаю, почему Тоби так растерялся на углу Найтс-плейс. Оттуда в разные стороны убегало два одинаковых следа. Мы попали на ложный. Остается вернуться и найти правильный след.

Это было нетрудно. Мы привели Тоби туда, где он ошибся. Он сделал там еще один круг и бросился совсем в другом направлении.

– Как бы он не привел нас к месту, откуда эта бочка прикатила, – заметил я.

– Не бойтесь. Видите, Тоби сейчас бежит по тротуару, а ведь тележка ехала по мостовой. Нет, на сей раз мы на верном пути.

След свернул к берегу, позади остались Бельмонт-плейс и Принсис-стрит. В конце Брод-стрит след подошел прямо к воде, к небольшому деревянному причалу. Тоби вывел нас на самый край и остановился, возбужденно повизгивая и глядя на темную быструю воду внизу.

– Не повезло, – проговорил Холмс. – Здесь они взяли лодку.

К причалу было привязано несколько яликов и плоскодонок. Мы подвели Тоби к каждой, но, как он ни внюхивался, запах креозота исчез.

Неподалеку от этого простенького причала стоял небольшой кирпичный домик. Над его вторым окном висела большая деревянная вывеска со словами «Мордекай Смит», пониже было написано: «Прокат лодок на час или на день». Надпись на двери возвещала, что у хозяина есть паровой катер, о чем красноречиво говорила большая куча кокса у самого берега. Шерлок Холмс огляделся по сторонам, и лицо его помрачнело.

– Дело плохо, – сказал он. – Эти молодчики оказались умнее, чем я предполагал. Кажется, они сумели замести следы. Боюсь, что отступление было подготовлено заранее.

Он подошел к домику. Дверь вдруг распахнулась, и на порог выбежал маленький кудрявый мальчишка лет шести, а следом за ним полная, краснощекая женщина с губкой в руке.

– Сейчас же иди домой мыться, Джек! – кричала женщина. – Какой ты чумазый! Если папа увидит тебя, знаешь, как нам попадет!

– Славный мальчуган, – начал Холмс наступление. – Какие у проказника румяные щеки! Послушай, Джек, чего ты очень хочешь?

– Шиллин, – ответил он, подумав.

– А может, еще что-нибудь?

– Два шиллина, – ответил юнец, поразмыслив еще немного.

– Тогда лови! Какой прекрасный у вас ребенок, миссис Смит!

– Благослови вас Бог, сэр! Такой смысленный растет, что и не приведи Господь. Никакого сладу с ним, особенно когда отца нет дома. Как вот сейчас.

– Нет дома? – переспросил Холмс разочарованно. – Очень жаль. Я к нему по делу.

– Он уехал еще вчера утром, сэр. И я уже начинаю беспокоиться. Но если вам нужна лодка, сэр, то я могу отвязать ее.

– Мне бы хотелось взять напрокат катер.

– Катер? Вот ведь какая жалость. Он как раз на нем и ушел! Поэтому-то я и беспокоюсь. Угля в нем – только чтобы доплыть до Вулиджа и обратно. Если бы на яхте, то я бы ничего не думала. Он ведь иногда и в Грейвсенд уезжает. Даже ночует там, если много дел. Но ведь на баркасе далеко не уедешь.

– Уголь можно купить на любой пристани.

– Можно-то можно, да только он этого не любит. Слишком, говорит, они дерут за уголь... И еще мне не нравится человек на деревяшке, у него такое страшное лицо и говорит не по-нашему. Вечно здесь околачивается!

– Человек на деревяшке? – изумленно переспросил Холмс.

– Ну да, сэр. Такой загорелый, похожий на обезьяну. Это он приходил вчера ночью за моим мужем. А муж мой, как видно, ждал его, потому что катер был уже под парами. Скажу вам прямо, сэр, не нравится мне все это, очень не нравится.

– Моя дорогая миссис Смит, – сказал Холмс, пожимая плечами, – вы только напрасно волнуете себя. Ну откуда вы можете знать, что ночью приходил не кто-то другой, а именно человек на деревянной ноге? Не понимаю, откуда такая уверенность.

– А голос, сэр? Я хорошо запомнила его голос, он такой хриплый и грубый. Он постучал в окно, было около трех. «А ну-ка проснись, дружище, – прохрипел он, – пора на вахту». Мой старик разбудил Джима – это наш старший, – и оба они, не сказав мне ни слова, ушли. Ночью было хорошо слышно, как по булыжнику стучит деревяшка.

– А что, этот, на деревяшке, был один?

– Не могу вам сказать, сэр. Больше я ничего не слышала.

– Прошу простить меня за беспокойство, миссис Смит, но мне так нужен был катер. Мне очень рекомендовали его. Как же это он называется?

– «Аврора», сэр.

– Ну да. Такая старая посудина, зеленая, с желтой полосой, и очень широкая в корме.

– Нет, это не он. Наш катер маленький такой, аккуратный. Его только что покрасили в черный цвет с двумя красными полосами.

– Спасибо. Уверен, что мистер Смит скоро вернется. Я хочу прокатиться вниз по реке и, если увижу «Аврору», крикну вашему мужу, что вы волнуетесь. С черной трубой, вы сказали?

– Труба черная с белой каймой, сэр.

– Ах да, конечно. Это бока черные. До свидания, миссис Смит. Я вижу лодочника, Уотсон. Мы переправимся сейчас на ту сторону...

– Самое главное, – начал Холмс, когда мы расположились на снастях ялика, – имея дело с простыми людьми, не давать им понять, что хочешь что-то узнать у них. Стоит им это понять, сейчас же защелкнут створки, как устрицы. Если же выслушивать их с рассеянным видом и спрашивать невпопад, узнаешь от них все, что угодно.

– Теперь дальнейший план действий ясен, – сказал я. – Нанять катер и искать «Аврору».

– Друг мой, это было бы невероятно трудной задачей. «Аврора» могла остановиться у любой пристани на том и другом берегу до самого Гринвича. За мостом пойдут бесконечные пристани одна за другой. Целый лабиринт пристаней. Если мы пустимся в погоню одни, они нас дня два-три поведут за нос.

– Так позовите на помощь полицию.

– Нет. Я позову Этелни Джонса разве что в последний момент. Он, в сущности, неплохой человек, и я не хотел бы портить ему карьеру. Но теперь, когда так много сделано, я хочу сам довести дело до конца.

– Может, поместить объявление в газете, чтобы хозяева пристаней сообщили нам, если увидят «Аврору»?

– Нет, это еще хуже. Наши приятели узнают, что погоня на хвосте, и, чего доброго, удерут из Англии. Я думаю, что покинуть Англию и без того входит в их планы. Но пока опасности нет, они не будут спешить. Расторопность Джонса нам только на пользу. Не сомневаюсь, что его версия обошла уже все газеты и беглецы вполне уверены, что полиция устремила по ложному следу.

– Что же тогда делать? – спросил я, когда мы причалили возле милбанкского исправительного дома.

– Возьмем этот кеб, поедем домой, позавтракаем и часок поспим. Вполне вероятно, что и эту ночь мы будем на ногах. Кебмен, остановитесь возле почты. Тоби пока оставим у себя. Он еще может пригодиться.

Мы вышли у почтамта на Грейт-Питер-стрит, где Холмс послал телеграмму.

– Как вы думаете, кому? – спросил меня Холмс, когда мы опять сели в киб.

– Не имею представления.

– Вы помните отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, который помог мне расследовать дело Джефферсона Хоупа?

– Помню, – засмеялся я.

– Так вот сейчас опять требуется их помощь. Если они потерпят неудачу, у меня есть еще помощники. Но сперва я все-таки испробую их. Эта телеграмма моему чумазому помощнику Уиггинсу. И я уверен, что он со своей ватагой будет у нас – мы еще не кончим завтракать.

Было около половины девятого, и я почувствовал, что наступила реакция после такой бурной и полной событий ночи. Нога моя сильно хромала, все тело ломило от усталости, в голове был туман. У меня не было того профессионального энтузиазма, которым горел мой друг. Не мог я также относиться к этому из ряда вон выходящему случаю как к простой логической задаче. Что касается Бартоломью Шолто, убитого прошлой ночью, то я, слышав о нем мало хорошего, не мог чувствовать сильной неприязни к его убийце. С сокровищами же было дело другое. Эти сокровища, или, вернее, их часть, по праву принадлежали мисс Морстен. И покуда была надежда разыскать их, я был готов посвятить этому всю мою жизнь. Правда, если я найду их, мисс Морстен, по всей вероятности, будет навсегда для меня потеряна. Но если бы я руководился только такими мыслями, какой же мелкой и себялюбивой была бы моя любовь! Если Холмс не щадил себя, чтобы поймать преступников, то причина, побуждавшая меня заняться поисками сокровищ, была во сто крат сильнее.

Ванна на Бейкер-стрит и чистое белье освежили меня как нельзя лучше. Когда я спустился вниз, завтрак был уже на столе, а Холмс потягивал кофе.

– Смотрите, – сказал он мне, смеясь и протягивая газету, – неукротимый Джонс и вездесущий газетный репортер сделали доброе дело. Но вы, пожалуй, по горло сыты норвудской историей. Принимайтесь-ка лучше за яичницу с ветчиной.

Я взял у него газету и прочитал небольшую заметку под названием «Загадочное происшествие в Аппер-Норвуде».

«Около двенадцати часов прошлой ночью, – писала «Стандард», – мистер Бартоломью Шолто, живший в Пондишери-Лодж, в Аппер-Норвуде, был найден мертвым в своей спальне при обстоятельствах, заставляющих подозревать участие чьей-то преступной воли. На теле мистера Шолто не обнаружено никаких признаков насилия. Но исчезло богатейшее собрание индийских драгоценностей, унаследованное покойным от его отца. Первыми обнаружили преступление Шерлок Холмс и доктор Уотсон, приехавшие в Пондишери-Лодж вместе с братом убитого. По исключительно счастливой случайности, хорошо известный полицейский инспектор мистер Этелни Джонс был в это время в полицейском участке Норвуда и прибыл на место преступления через полчаса после того, как подняли тревогу. Мистер Этелни Джонс с присущим ему профессиональным мастерством сейчас же взялся за дело, и результаты не замедлили сказаться: арестованы брат покойного Таддеуш Шолто, а также экономка миссис Берстон, двоюродный Лал Рао, по национальности индус, и привратник по имени Мак-Мурдо. Нет сомнения, что вор или воры хорошо знакомы с расположением дома, ибо, как твердо установлено мистером Джонсом, известным своей исключительной наблюдательностью и знанием преступного мира, негодяи не могли проникнуть в комнату ни в дверь, ни в окно, а только по крыше дома, через слуховое окно и чердак, сообщающийся с кабинетом мистера Шолто, где было найдено тело. Этот факт, который был установлен со всей тщательностью, неопровержимо свидетельствует о том, что мы имеем дело не со случайными грабителями. Быстрые и эффективные действия представителей закона лишний раз демонстрируют, как полезно присутствие на месте подобных преступлений человека с энергичным, проницательным умом. Мы считаем, что этот слу-

чай подтверждает правоту тех, кто держится мнения, что наша полиция должна быть более децентрализована. Тогда дела будут расследоваться более быстро и тщательно».

– Не правда ли, великолепно! – улыбнулся Холмс, отпивая из чашки кофе. – Что вы на это скажете?

– Скажу, что мы с вами едва избежали ареста как соучастники преступления.

– И я так думаю. Если его обуяет еще один приступ неукротимой деятельности, не миновать нам участи Таддеуша Шолто.

В этот миг в прихожей раздалось громкое звяканье колокольчика, вслед за ним испуганный голос нашей хозяйки, уговаривающей кого-то.

– Боже мой, Холмс, – сказал я, вставая, – никак это действительно они!

– Нет, до этого еще не дошло. Это нерегулярные полицейские части, моя команда с Бейкер-стрит.

Пока он говорил, на лестнице послышался быстрый топот босых ног, громкие мальчишеские голоса, и в комнату ворвалась ватага грязных, оборванных уличных мальчишек. Несмотря на шумное вторжение, было заметно все-таки, что это отряд, подчиняющийся дисциплине, так как мальчишки немедленно выстроились в ряд и нетерпеливо воззрились на нас. Один из них, повыше и постарше других, выступил вперед с видом небрежного превосходства. Нельзя было без смеха смотреть на это чучело, отнюдь не внушающее доверия.

– Получил вашу телеграмму, сэр, – сказал он. – И привел всех. Три шиллинга и шесть пенсов на билеты.

– Пожалуйста, – сказал Холмс, протянув несколько монет. – В дальнейшем, Уиггинс, они будут докладывать тебе, а ты мне. Я не могу часто подвергать мой дом такому вторжению. Но сейчас даже хорошо, что пришли все. Послушаете мои инструкции. Нужно установить местонахождение парового катера «Аврора», хозяин которого Мордекай Смит. Катер черный с двумя красными полосами. Труба тоже черная с белой каймой. Он затерялся где-то на реке. Я бы хотел, чтобы один из вас дежурил возле причала Смита – это напротив милбанкского исправительного дома – на случай если катер вернется. Распределите между собой обязанности и общите оба берега. Если что-нибудь узнаете, немедленно сообщите мне. Ясно?

– Да, начальник, – ответил Уиггинс.

– Условия прежние, и нашедшему катер – гиней. А это за день вперед. Ну а теперь за работу! – Холмс каждому вручил шиллинг, мальчишки застучали голыми пятками по лестнице и высыпали на улицу. – Эти «Аврору» из-под земли достанут, – сказал Шерлок Холмс, вставая из-за стола и зажигая трубку. – Они всюду пролезут, все увидят, все услышат. Я уверен, что уже к вечеру мы будем знать, где «Аврора». А пока ничего не остается, как ждать. След оборвался, и мы не возьмем его, пока не найдем «Аврору» или хотя бы ее хозяина.

– Эти остатки доест Тоби. Вы ляжете отдохнуть, Холмс?

– Нет, я не устал. У меня странный организм. Я не помню случая, чтобы работа утомляла меня. Зато безделье меня изнуряет. Я покурю и подумаю над этим необыкновенным делом, которым мы обязаны нашей белокурой клиентке. Конец представляется мне чрезвычайно легким. Людей с деревянной ногой не так уж много, а Номер Первый – просто уникальный экземпляр.

– Опять этот таинственный Номер Первый!

– Я отнюдь не хочу делать из него тайны, тем более от вас. Но помилуйте, Уотсон, у вас уже должно было сложиться о нем определенное мнение. Давайте еще раз вспомним все его приметы. Маленькая нога, пальцы которой никогда не знали ботинок, ходит босиком, деревянная палка с каменным наконечником, очень ловок, мал ростом, отравленные шипы. Какой вы делаете из этого вывод?

– Дикарь! – воскликнул я. – Возможно, один из тех индусов, кто был в компании с Джонатаном Смоллом.

– Ну, едва ли, – возразил Холмс. – Когда я первый раз увидел его следы, я подумал было то же самое, но потом мое мнение о нем переменилось. Среди населения полуострова Индостан есть низкорослые племена, но таких маленьких ног вы там не найдете. У собственно индусов ступни ног узкие и длинные. Магометане носят сандалии, и большой палец у них, как правило, отстоит от других, потому что отделен ремешком. Эти маленькие стрелы могут быть выпущены только одним путем. Из трубки, в которую дуют. Ну как, по-вашему, откуда наш дикарь?

– Южная Америка, – сказал я наудачу.

Холмс протянул руку и снял с полки толстую книгу.

– Это первый том географического справочника, издающегося сейчас. Можно считать его последним словом географической науки. Посмотрим, что здесь есть для нас интересного. Андаманские острова. Расположены в Бенгальском заливе в трехстах сорока милях к северу от Суматры. Хм-хм... Ну а что дальше? Влажный климат, коралловые рифы, акулы, Порт-Блэр, каторжная тюрьма, остров Ратленд... Ага, нашел: «Аборигены Андаманских островов могут, пожалуй, претендовать на то, что они самое низкорослое племя на земле, хотя некоторые антропологи отдают пальму первенства бушменам Африки, американским индейцам племени диггер и аборигенам Огненной Земли. Средний рост взрослого около четырех футов, хотя встречаются отдельные экземпляры гораздо ниже. Это злобные, угрюмого вида люди, почти не поддающиеся цивилизации, но зато они способны на самую преданную дружбу». Обратите на это особенное внимание, Уотсон. Слушайте дальше: «Они очень некрасивы. У них большая, неправильной формы голова, крошечные злые глазки и отталкивающие черты лица. Руки и ноги у них замечательно малы. Они так злобны и дики, что все усилия английских властей приручить их всегда кончались неудачей. Они всегда были грозой потерпевших кораблекрушение. Захваченных в плен они обычно убивают дубинками с каменным наконечником или отравленными стрелами. Побоище, как правило, заканчивается каннибальским пиршеством». Какие милые, располагающие к себе люди, не правда ли, Уотсон? Если бы этот красавчик имел возможность действовать по собственному усмотрению, дело могло бы принять еще более страшный оборот. Думается мне, что Джонатан Смолл не очень-то охотно прибег к его помощи.

– Но откуда у него этот странный партнер?

– Не могу вам сказать. Но поскольку, как нам известно, Джонатан Смолл прибыл в Англию не откуда-нибудь, а с Андаманских островов, то особенно удивляться тому, что среди его знакомых есть тамошние жители, не приходится. Несомненно, что со временем мы будем знать все подробно. Послушайте, Уотсон, у вас чертовски плохой вид. Ложитесь-ка на тот диван, и посмотрим, как скоро я сумею усыпить вас.

Он взял из угла свою скрипку. Я растянулся на диване, и он заиграл тихую, медленную, навевающую дремоту мелодию, без сомнения, его собственную: у Шерлока Холмса был неподражаемый талант импровизатора. Я смутно вспоминаю его тонкую, худую руку, серьезное лицо и взмахи смычка. Потом мне стало казаться, что я мирно уплываю куда-то по морю звуков, и вот я уже в стране снов и надо мной склонилось милое лицо Мэри Морстен.

Глава IX

Разрыв в цепи

Когда я проснулся, день уже клонился к вечеру. Я чувствовал себя окрепшим и полным энергии. Сон вернул мне силы. Шерлок Холмс сидел все на том же месте, только скрипки у

него в руках не было. Услыхав, что я шевелюсь, он посмотрел в мою сторону, лицо у него потемнело и выражало тревогу.

– Вы так крепко спали, – сказал он, – а я боялся, что мы разбудим вас своим разговором.

– Нет, я ничего не слышал, – ответил я. – Есть какие-нибудь новости?

– К сожалению, нет. И должен признаться, что я удивлен и разочарован. Я рассчитывал к этому времени уже узнать что-то определенное. Только что прибежал Уиггинс. Он сказал мне, что никаких следов катера нигде нет. Досадное промедление, когда дорога каждая минута.

– Не могу ли я помочь чем-нибудь? Я чувствую себя вполне отдохнувшим и готов еще одну ночь провести на ногах.

– Нет, сейчас делать нечего. Ждать – вот все, что нам осталось. Если мы уйдем, в наше отсутствие может прибыть долгожданное известие и опять будет задержка. Располагайте собой как хотите, а я останусь здесь, на посту.

– Тогда я съезжу в Кэмберуэлл, навещу миссис Сесил Форрестер. Она просила меня вчера зайти.

– Миссис Сесил Форрестер? – переспросил Холмс, и в его глазах блеснула искорка смеха.

– И мисс Морстен тоже, само собой разумеется. Им так хотелось, чтобы я пришел и рассказал, что будет дальше!

– Я бы не стал им рассказывать всего. Женщинам никогда нельзя доверять полностью, даже лучшим из них.

Я не стал оспаривать это вопиющее заявление, а только заметил, что вернусь часа через два.

– Прекрасно! Счастливого пути. Да, вот что, если уж вы отправляетесь через реку, захватите с собой Тоби. Я думаю, он нам теперь не понадобится.

Я сделал, как сказано, и отдал его старому натуралисту с Пинчин-лейн вместе с полсовременом. Оттуда я поехал прямо в Кэмберуэлл. Мисс Морстен еще не оправилась от переживаний прошлого вечера, но была полна любопытства. И миссис Форрестер жаждала узнать дальнейший ход событий. Я рассказал им все, как было, опустив только самые ужасные подробности. Рассказывая о смерти мистера Шолто, я умолчал о деталях убийства. Но, несмотря на сокращения, мой рассказ все-таки сильно поразил и разволновал их.

– Как в романе! – воскликнула миссис Форрестер. – Принцесса – жертва несправедливости, клад с драгоценностями, чернокожий каннибал, разбойник на деревянной ноге. Это вместо традиционного дракона или какого-нибудь коварного графа.

– И два странствующих рыцаря-спасителя, – прибавила мисс Морстен и ясными глазами посмотрела в мою сторону.

– Послушайте, Мэри, ведь от исхода поисков зависит ваша судьба. Мне кажется, что вы не подумали об этом и поэтому так равнодушны. Только вообразите, что значит быть богатой и чтобы весь мир был у твоих ног.

Сердце мое радостно забилося, когда я увидел, что мисс Морстен не проявила никакого восторга по поводу блестящих возможностей, открывающихся ей. Наоборот, она небрежно тряхнула своей гордой головкой, как будто эти сокровища не имели к ней отношения.

– Меня очень беспокоит судьба мистера Таддеуша Шолто, – сказала она. – Все остальное не важно. Он был так добр и благороден. Наш долг сделать так, чтобы с него сняли это ужасное, несправедливое обвинение.

Когда я покинул дом миссис Форрестер, уже сильно смеркалось. На Бейкер-стрит я вернулся, когда было совсем темно. Книга и трубка моего друга лежали в его кресле, но его самого не было. Я поискал записку, но не нашел.

– Что, мистер Холмс вышел куда-нибудь? – спросил я хозяйку, когда она вошла в комнату, чтобы опустить шторы.

– Нет, он ушел к себе. Знаете, мистер Уотсон, – тут хозяйка перешла на многозначительный шепот, – я боюсь, что он нездоров.

– Почему вы так думаете?

– Очень он сегодня странный. Как только вы ушли, он стал ходить по комнате туда-сюда, туда-сюда, я слушать и то устала эти бесконечные шаги. Потом он стал разговаривать сам с собой, бормотал что-то. И всякий раз, как брякал звонок, выходил на площадку и спрашивал: «Что там такое, миссис Хадсон?» А потом пошел к себе и хлопнул дверью, но и оттуда все время слышно, как он ходит. Хоть бы он не заболел. Я предложила ему успокаивающее лекарство, но он так посмотрел на меня, что я не помню, как и убралась из его комнаты.

– Думаю, миссис Хадсон, что особенных причин для беспокойства нет, – сказал я. – Я не раз видел его в таком состоянии. Он сейчас решает одну небольшую задачу и, конечно, волнуется.

Я говорил с нашей хозяйкой самым спокойным тоном, но, признаться, и сам начал тревожиться о состоянии моего друга, когда, просыпаясь несколько раз ночью, все время слышал за стеной глухой стук его шагов. Я понимал, какой вред может причинить его деятельному уму это вынужденное бездействие.

За завтраком Холмс выглядел осунувшимся и усталым. На щеках лихорадочно горели два пятнышка.

– Вы не жалеете себя, Холмс, – заметил я. – Вы ведь всю ночь, я слышал, не прилегли ни на часок.

– Я не мог спать, – ответил он. – Это проклятое дело изводит меня. Застрять на месте из-за какого-то пустяка, когда так много сделано, это уже слишком. Я знаю преступников, знаю их катер, знаю все. И ни с места. Я пустил в ход весь мой арсенал. Вся Темза, оба ее берега обшарены вдоль и поперек, и никаких следов проклятой «Авроры». Ни ее, ни ее хозяина. Можно подумать, что они затопили катер. Хотя есть факты, говорящие против.

– Может быть, миссис Смит направила нас по ложному следу?

– Нет, это исключается. Я навел справки. Катер с такими приметам существует.

– Может, он поднялся вверх по реке?

– Я и это учел. Сейчас ведутся поиски до самого Ричмонда. Если сегодня не будет новостей, я завтра выеду сам. И буду искать не катер, а людей. Но я все-таки уверен, абсолютно уверен, что известие придет.

Однако оно не пришло. Ни от Уиггинса, ни из других источников. Газеты продолжали печатать сообщения о норвудской трагедии. Все они были настроены враждебно к бедному Таддеушу Шолто. Ни в одной из газет не сообщалось ничего нового, не считая того, что дознание было назначено на завтра.

Вечером я опять побывал в Кэмберуэлле и рассказал о нашем невезении. Вернувшись, я застал Холмса в самом мрачном расположении духа. Он едва отвечал на мои вопросы и ставил весь вечер какие-то сложнейшие химические опыты. Нагревал реторты, дистиллировал воду и развел под конец такую вонь, что я чуть не убежал из дому. До рассвета я слышал, как он звенит пробирками и колбами, занимаясь своими ароматными экспериментами.

Проснулся я рано утром, как будто кто-то толкнул меня. Надо мной стоял Холмс, одетый, к моему удивлению, в грубую матросскую робу. На нем был бушлат, и вокруг шеи повязан грубый красный шарф.

– Я отправляюсь на поиски вниз по реке, Уотсон, – сказал он мне. – Я много думал над моим планом и считаю, что попытаться стоит.

– Я тоже поеду с вами.

– Нет, вы мне поможете гораздо больше, если останетесь здесь. Я уйду неохотно. В любую минуту может прийти долгожданное известие, хотя Уиггинс, как я заметил вчера вечером, совсем упал духом. Прошу вас вскрывать все телеграммы и письма, адресованные мне.

И если прочтете что-нибудь важное, действуйте по собственному усмотрению. Могу я положиться на вас?

– Вполне.

– Боюсь, что мне нельзя будет послать телеграмму, потому что я и сам еще не знаю, где в какое время я буду. Но если мне повезет, я вернусь скоро. И уж, конечно, не с пустыми руками.

Все утро и во время завтрака от Холмса не было никаких известий. Открыв «Стандард», я нашел, однако, сообщение, отличающееся от прежних. Газета писала:

«Что касается трагедии в Аппер-Норвуде, то дело может оказаться куда более сложным и загадочным, чем показалось сначала. Как только что установлено, мистер Таддеуш Шолто абсолютно непричастен к смерти брата. Он и экономка миссис Берстон вчера вечером выпущены на свободу. Как сообщают, полиция располагает данными, позволяющими установить личность настоящих преступников. Расследование дела находится в надежных руках полицейского инспектора из Скотленд-Ярда мистера Этелни Джонса, известного своей энергией и пронымательностью. Преступники каждую секунду могут быть арестованы».

«Ну, слава Богу, – подумал я. – По крайней мере наш друг Шолто на свободе. Что же это за «данные», интересно? Впрочем, так всегда пишут, когда полиция садится в лужу».

Я положил газету на стол, и вдруг в глаза мне бросилось объявление в колонке происшествий. В нем говорилось:

«Разыскиваются пропавшие: Мордекай Смит и его сын Джон, покинувшие причал Смита около трех часов ночи во вторник на катере «Аврора». Катер черный с двумя красными полосами, труба черная с белой каймой. Вознаграждение – пять фунтов тому, кто сообщит о местонахождении вышеупомянутого Смита и катера «Аврора» его жене миссис Смит, причал Смита, или на Бейкер-стрит, 221-б».

Адрес говорил, что объявление помещено Холмсом. «Хитро составлено, – подумал я. – Беглецы увидят в нем только естественное беспокойство жены, разыскивающей мужа».

День тянулся очень долго. Всякий раз, как стучали в дверь или снаружи раздавались чьи-то громкие шаги, я настораживался, ожидая, что это или вернулся Холмс, или пришли с ответом на объявление. Я пытался читать, но мысли мои неотступно вращались вокруг этого странного преступления и его странных участников, за которыми мы охотились. А вдруг в рассуждения моего друга вкралась роковая ошибка и он стал жертвой чудовищного самообмана? Вдруг его точный логический ум построил эту фантастическую версию на ложных посылах? Я не знал случая, когда бы Шерлок Холмс ошибся, но ведь даже самый сильный ум один раз может ошибиться. Его могла ввести в заблуждение слишком уж изощренная логика. Он предпочитал странные, хитроумные объяснения, отбрасывая прочь более простые и естественные, находившиеся под рукой. Но с другой стороны, я сам был очевидцем происшедшего, своими ушами слышал доводы Холмса. Проследив в который раз с самого начала всю длинную цепь странных событий, многие из которых сами по себе могли бы показаться пустяком, я должен был признать, что если Холмс и заблуждается, то истина все равно лежит где-то в области удивительного и маловероятного.

В три часа пополудни послышалось резкое звяканье колокольчика, в прихожей раздался чей-то властный голос, и, к моему удивлению, в комнату вошел не кто иной, как мистер Этелни Джонс собственной персоной. Но как не походил он сегодня на того высокомерного и бесцеремонного поборника здравого смысла, который с таким непрекращаемым апломбом взялся расследовать норвудскую трагедию! Лицо у него было понурое, весь он как-то обмяк, а в его осанке появилось даже что-то просительное.

– Добрый день, сэр, добрый день, – проговорил он. – Мистера Холмса, как я вижу, нет дома?

– Нет. И я не знаю, когда он придет. Но может быть, вы подождете его? Садитесь в это кресло. Вот вам сигары.

– Благодарю вас. Я и правда подожду, – сказал он, вытирая лицо красным, в клетку, носовым платком.

– Виски с содовой хотите?

– Э-э, полстакана. Слишком жаркая стоит погода для сентября. К тому же нет конца всяким волнениям. Вы ведь знаете мою норвудскую версию?

– Помню, вы излагали ее.

– Ну вот, я был вынужден ее пересмотреть. Я так ловко подвел сеть под мистера Шолто, так крепко ее затянул, и вдруг – бац! – в сети оказалась дырка, и он ушел. У него неоспоримое алиби. С той минуты, как за ним захлопнулась дверь комнаты брата, его видели то здесь, то там – словом, он ни на одну секунду не оставался один. И не мог поэтому ни влезть на крышу, ни проникнуть на чердак сквозь слуховое окно. Это очень темное дело, и мой профессиональный престиж поставлен на карту. Я был бы очень рад небольшой помощи.

– Все мы нуждаемся иногда в помощи, – заметил я.

– Ваш друг мистер Шерлок Холмс – выдающаяся личность, сэр, – сказал он доверительно осипшим голосом. – Он человек, не знающий поражений. Мне-то известно, в скольких делах участвовал этот молодой человек, и всегда ему удавалось докопаться до истины. Он несколько непоследователен в своих методах и, пожалуй, чересчур торопится делать выводы, но вообще, я думаю, он мог бы стать самым выдающимся сыщиком Скотленд-Ярда, и готов заявить это кому угодно. Сегодня утром я получил от него телеграмму, из которой ясно, что у него есть свежие факты по этому делу. Вот телеграмма.

Он вынул ее из кармана и протянул мне. Она была послана в двенадцать часов из Поплара. «Немедленно идите на Бейкер-стрит, – писал Холмс. – Если я не успею вернуться, подождите меня. Следую по пятам норвудской парочки. Если хотите участвовать в финише, можете присоединиться к нам».

– Хорошие новости! Значит, Холмс опять напал на их след, – сказал я.

– Ага, значит, и он допустил промах! – воскликнул с явным удовольствием Джонс. – Даже лучшим из нас свойственно ошибаться. Конечно, эта телеграмма может оказаться ложной тревогой, но мой долг инспектора Скотленд-Ярда не упускать ни одного шанса. Я слышу шаги. Возможно, это Холмс.

На лестнице послышалось тяжелое шарканье ног, сильное пыхтение и кашель, как будто шел человек, для которого дышать было непосильным трудом. Один или два раза он останавливался. Но вот наконец он подошел к нашей двери и отворил ее. Его внешность вполне соответствовала звукам, которые доносились до нас. Это был мужчина преклонных лет в одежде моряка – старый бушлат был застегнут до подбородка. Спина у него была согнута, колени дрожали, а дыхание было затрудненное и болезненное, как у астматика. Он стоял, опершись на толстую дубовую палку, и его плечи тяжело поднимались, набирая в легкие непослушный воздух. На шее у него был цветной платок, лица, обрамленного длинными седыми бакенбардами, почти не было видно, только светились из-под белых мохнатых бровей темные умные глаза. В общем, он произвел на меня впечатление почтенного старого моряка, впавшего на склоне лет в бедность.

– Чем можем вам служить, папаша? – спросил я.

Он обвел комнату медленным взглядом старика.

– Мистер Шерлок Холмс дома? – спросил он.

– Нет. Но я его заменяю. Вы можете рассказать мне все, что хотели рассказать ему.

– А я хочу видеть самого Шерлока Холмса, – упрямо повторил старик.

– Но я же вам говорю, что я его заменяю. Вы пришли по поводу катера Смита, конечно?

– Да, я знаю, где он. Еще я знаю, где люди, которых он ищет. Знаю, где сокровища. Я все знаю!

– Расскажите мне; это все равно что рассказать Холмсу.

– Нет, я должен рассказать только ему самому, – твердил наш гость со стариковским упрямством и раздражительностью.

– Тогда подождите его.

– Не хочу ждать. Не хочу даром терять день ни ради кого. Если мистера Холмса нет, пусть себе все узнает сам. А вам я ничего не скажу, больно мне ваши физиономии не нравятся.

Он поковылял к двери, но Джонс обогнал его.

– Подожди, приятель, – сказал он. – У тебя есть важные сведения, и ты не уйдешь отсюда. Придется тебе подождать, хочешь ты или нет, нашего друга Холмса.

Старик рванулся к двери, но Этелни Джонс заслонил ее своей широкой спиной, и старик понял, что сопротивление бесполезно.

– Хорошенькое обращение с гостем, – сказал он, стуча палкой. – Я пришел сюда, чтобы поговорить с мистером Холмсом. А вы двое набросились на меня, хотя я вас знать не знаю. Хорошенькое обращение с человеком!

– Вам не сделают ничего плохого, – сказал я. – Садитесь сюда на диван и подождите. Холмс очень скоро вернется.

Он мрачно подошел к дивану и сел, подперев ладонями свою большую голову. Мы с Джонсом снова взяли наши сигары и продолжили разговор.

Вдруг голос Холмса оборвал нас на полуслове:

– Могли бы предложить сигару и мне.

Мы так и подпрыгнули в креслах. Прямо перед нами сидел Холмс и довольно улыбался.

– Холмс! – воскликнул я. – Вы здесь? А где же старик?

– Вот он, – ответил Холмс, протягивая в руке копну белых волос. – Вот он весь – бакенбарды, парик, брови. Я знал, что мой маскарад удачен, но не предполагал, что он выдержит такое испытание.

– Вот это класс! – с искренним восхищением воскликнул Джонс. – Из вас вышел бы отличный актер, первосортный! Вы кашляете точь-в-точь как постоялец работного дома. А за ваши дрожащие колени можно дать десять фунтов в неделю. Мне, правда, показался знакомым блеск глаз. Но уйти вы все-таки от нас не смогли.

– Я работал в этом маскарадном костюме весь день, – сказал он, зажигая сигару. – Видите ли, преступный мир уже довольно хорошо знает меня, особенно после того, как мой друг, сидящий здесь, взялся за перо. Так что я теперь могу появляться на передовых позициях только в переодетом виде. Вы получили мою телеграмму?

– Да, поэтому-то я здесь.

– Как подвигается ваша версия?

– Лопнула. Мне пришлось отпустить двух моих пленников, а против остальных двух нет ни одной улики.

– Не расстраивайтесь. Мы вам дадим парочку других взамен. Я только прошу вас на время целиком подчиняться мне, действовать по выработанному мной плану. Согласны? Конечно, вся заслуга в этом деле будет официально признана за вами.

– Согласен, если вы поможете мне взять этих двоих.

– Тогда, во-первых, мне необходима быстроходная посудина – полицейский моторный катер. К семи часам у Вестминстерского причала.

– Будет сделано. Там всегда дежурит полицейская лодка. Но, пожалуй, мне лучше пойти через дорогу и позвонить для верности.

– Затем два полицейских посильнее на случай сопротивления.

– В катере всегда есть два или три человека.

– Когда мы их возьмем, у нас в руках окажутся сокровища. Я думаю, мой друг будет очень рад доставить сундучок одной молодой леди, которой по праву принадлежит половина. Пусть она первая откроет его.

А, Уотсон?

– Мне это было бы очень приятно.

– Нарушение процедуры, но дело такое необычное, что можно будет закрыть глаза. Но потом клад надо передать властям до окончания следствия.

– Конечно. Это будет легко сделать. Еще один момент. Мне бы очень хотелось услышать о некоторых подробностях из уст самого Джонатана Смолла. Вы знаете, я люблю выяснять все до конца. Не будет возражений, если я с ним неофициально встречу здесь, у меня, или в каком-нибудь другом месте, конечно, под надежной охраной?

– Вы хозяин положения, вам и карты в руки. Но у меня до сих пор нет никаких доказательств существования этого самого Джонатана Смолла. Однако если вы мне представите его, я не смогу отказать вам в вашей просьбе.

– Значит, решено?

– Решено. Еще что?

– Это уже последнее: я хочу, чтобы вы пообедали с нами. У нас есть устрицы, пара куропадок и небольшой выбор белых вин. Нет, Уотсон, вы не умеете ценить мои достоинства домашней хозяйки.

Глава X

Конец островитянина

Обед проходил очень оживленно. Холмс, когда хотел, мог быть исключительно интересным собеседником. А в тот вечер он был в ударе – случилось сильное нервное возбуждение. Я никогда прежде не видел его таким разговорчивым. Он говорил о средневековой керамике и о мистериях, о скрипках Страдивари, буддизме Цейлона и о военных кораблях будущего. И говорил так, будто был специалистом в каждой области. Эта яркая вспышка была реакцией живого ума после мрачного уныния, которое завладело им накануне. Этелни Джонс в свободную от дел минуту оказался очень общительным человеком и за обедом доказал, что знает толк в жизненных радостях. Я тоже был в приподнятом настроении, предчувствуя конец дела и заразившись весельем Холмса. Никто из нас за весь вечер не упомянул о причине, которая собрала нас вместе.

Когда убрали со стола, Холмс посмотрел на часы и разлил в бокалы портвейн.

– Давайте выпьем, – сказал он, – за успех нашей маленькой вылазки. А теперь пора идти. У вас есть оружие, Уотсон?

– Мой старый боевой пистолет. Он в ящике стола.

– Возьмите его с собой. Это необходимо. Я вижу, что кеб уже у двери, он был заказан на половину седьмого.

У Вестминстерского причала мы были в семь с небольшим. Катер уже ждал нас. Холмс оглядел его критически.

– Есть на нем что-нибудь, что выдавало бы его принадлежность полиции? – спросил он.

– Да. Зеленый фонарь сбоку.

– Тогда снимите его.

Все было сделано мгновенно, мы вошли в катер и отчалили. Джонс, Холмс и я сидели на корме. Один полицейский стоял у руля, другой следил за топкой, впереди расположились два дюжих полисмена.

– Куда? – спросил Джонс.

– К Тауэру. Прикажите им остановиться напротив Джекобсон-Ярда.

Наше суденышко оказалось очень быстроходным. Мы промчались мимо вереницы груженных барж, как будто они не плыли, а стояли на месте. Когда мы догнали и оставили позади речной пароход, Холмс удовлетворенно улыбнулся.

– Можно подумать, что наш катер – самое быстроходное судно на реке, – заметил он.

– Ну, это вряд ли. Но катеров быстрее этого, пожалуй, найдется не много.

– Мы должны догнать «Аврору». А она слывет быстроходным судном. Сейчас я введу вас, Уотсон, в курс дела. Вы помните, как меня угнетала эта нелепая задержка?

– Помню.

– Так вот, я решил дать голове полный отдых и занялся химическими опытами. Один из наших великих государственных мужей сказал как-то, что перемена занятия – лучший отдых. И это правильно. Когда мне удалось наконец разложить углеводород, я вернулся к нашей загадке и все заново обдумал. Моя команда мальчишек обшарила всю реку не один раз, и безрезультатно. «Авроры» нигде не было – ни на причалах, ни дома. Вряд ли они затопили ее, чтобы замести следы. Хотя и эту возможность следует иметь в виду, если поиски в конце концов не приведут ни к чему. Я знал, что этот Смолл довольно хитер, но я думаю, что какая-нибудь особенно утонченная хитрость ему не по плечу. Ее ожидаешь, как правило, от человека образованного. Дальше, нам известно, что он жил некоторое время в Лондоне, вел наблюдение за Пондишери-Лодж, а это значит, что покинуть пределы Англии он сразу же не мог; чтобы уладить дела, нужно время – день, а может, на наше счастье, и больше. Такой по крайней мере напрашивается вывод.

– Вывод довольно слабый, – заметил я. – Он мог все уладить и до нападения на Пондишери-Лодж.

– Нет, не думаю. Он очень дорожит своим убежищем, где можно отлежаться в случае опасности, и покинет его только тогда, когда будет в полной уверенности, что ему совсем ничего не грозит. И вот еще что пришло мне в голову: Джонатан Смолл должен был понимать, что необычная внешность его помощника, как бы ни старался он замаскировать его, может вызвать всякие толки и, возможно, кое-кто догадается связать его с норвудской трагедией. Он достаточно умен, чтобы понимать это. Итак, они покинули свою штаб-квартиру ночью, под покровом темноты. И конечно, лучшим вариантом было бы вернуться до света. Но «Аврора» отошла от причала, по словам миссис Смит, когда был уже четвертый час. В это время совсем светло, через час-другой на улицах появится народ. На основании этого я сделал вывод, что они не должны уйти далеко. Они хорошо заплатили Смит, чтобы он держал язык за зубами, наняли его катер до окончательного исчезновения и поспешили с кладом в свое логово. Они решили выждать пару деньков, чтобы узнать из газет, в каком направлении пошло следствие и нет ли за ними слежки. И тогда уже опять под покровом темноты идти в Грейвсенд или куда-нибудь в Даунс. Они, несомненно, заранее позаботились заказать места на какой-нибудь корабль, уходящий в Америку или колонии.

– А как же катер? Не могли же они захватить его в свое логово?

– Конечно, не могли. А это значит, что «Аврора», несмотря на неуловимость, находится где-то совсем рядом. Я поставил себя на место Смолла и постарался взглянуть на дело его глазами. По всей вероятности, он решил, что отпустить «Аврору» или поставить у ближайшего причала опасно: вдруг полиция все-таки напала на их след. Куда же деть «Аврору», чтобы она была невидима для всех, а для него досягаема в любую минуту? Что бы сделал я, случись мне решать такую задачу? И я увидел одну-единственную возможность. Надо поставить ее в какой-нибудь док для мелкого ремонта. Там она будет надежно укрыта от посторонних глаз и всегда готова к отплытию.

– Как просто!

– В том-то и дело, что простое объяснение всегда приходит в голову в последнюю очередь. Когда я это сообразил, я решил немедленно действовать и, приняв обличье безобидного старого матроса, отправился вниз по Темзе осматривать доки. В пятнадцати доках об «Авроре» никто и не слышал. Зато в шестнадцатом я был вознагражден за терпение: мне сказали, что «Аврору» два дня назад поставил к ним человек на деревянной ноге и попросил проверить руль. «Но руль оказался в полном порядке, – сказал мне корабельный мастер. – Вон она там стоит, черная с красными полосами». Не успел он это сказать, как в доке появился не кто иной, как сам пропавший хозяин «Авроры» Мордекай Смит. Я бы, конечно, не узнал его, но он, будучи основательно пьян, орал во всю глотку, что он хозяин «Авроры». Мордекай Смит требует, чтобы его посудина была готова сегодня к восьми часам. «Ровно к восьми, – повторил он, – я обещал двум джентльменам, которые не любят ждать». Они, по-видимому, хорошо заплатили ему, потому что он швырял шиллинги налево и направо. Я несколько времени шел было за ним, но он юркнул в первый же кабачок. Тогда я пошел обратно в док. По дороге случайно встретил одного из мальчишек и поставил его наблюдать за «Авророй». Увидев, что она отчаливает, он начнет махать платком. Мы тем временем будем караулить их на реке. И как только они выйдут из дока, схватим их вместе с «Авророй» и сокровищами.

– Те это люди, которых мы ищем, или нет, но продумано все образцово, – сказал Джонс. – И все-таки я лучше направил бы в Джекобсон-Ярд отряд полиции и спокойно схватил бы их, только бы они там появились.

– А они бы там не появились. Смолл хитер. Я не сомневаюсь, что он вышлет вперед разведчика, и, если тот почует опасность, Смолл ляжет в берлогу еще на неделю.

– Но можно выследить Смита и таким образом найти их убежище, – сказал я.

– Тогда мы потеряем еще день. К тому же я на девяносто девять процентов убежден, что Смит не знает, где они прячутся. Ему хорошо платят, виски есть, к чему задавать ненужные, не относящиеся к делу вопросы... Распоряжения ему посылаются, он выполняет их... Нет, я обдумал все возможные пути, этот наилучший.

Пока мы так говорили, наша лодка проносилась под многочисленными мостами, перекинутыми через Темзу. Последние лучи солнца золотили крест на куполе собора Святого Павла. Тауэра мы достигли, когда уже сильно смеркалось.

– Вот Джекобсон-Ярд, – сказал Джонс, указывая на лес мачт и снастей в стороне Суррея.

– Курсируйте взад и вперед под прикрытием этой флотилии, – приказал Холмс, поднося к глазам ночной морской бинокль и обзорева берег. – Я вижу моего караульного, но платком он еще не машет.

– А что, если мы пройдем немного ниже и будем ждать их там? – предложил сгоравший от нетерпения Джонс.

Мы все уже сидели как на иголках. Даже ничего не знавшие полицейские и рулевой с кочегаром и те заразились нашим волнением.

– Мы не имеем права рисковать, – сказал Холмс. – Десять шансов против одного, что они пойдут вниз по реке, а не вверх. И все-таки мы должны учесть и эту возможность. Отсюда нам хорошо виден вход в док, а нас почти незаметно. Ночь обещает быть светлой, и огней на реке много. Мы должны оставаться там, где мы есть. Видите, как хорошо видны отсюда люди, снующие в свете газовых фонарей?

– Они возвращаются домой после работы в доке.

– Какие они усталые и грязные! Но в каждом горит искра бессмертного огня. Глядя на них, ни за что не скажешь этого. И тем не менее это так. Странное все-таки существо человек.

– Кто-то назвал человека животным, наделенным душой.

– Уинвуд Рид хорошо сказал об этом, – продолжал Холмс. – Он говорил, что отдельный человек – это неразрешимая загадка, зато в совокупности люди представляют собой некое математическое единство и подчинены определенным законам. Разве можно, например, пред-

сказать действия отдельного человека, но поведение целого коллектива можно, оказывается, предсказать с большей точностью. Индивидуумы различаются между собой, но процентное отношение человеческих характеров в любом коллективе остается постоянным. Так говорит статистика. Но что это, кажется, платок? В самом деле, там кто-то машет белым.

– Это один из ваших мальчишек. Я отчетливо вижу его! – воскликнул я.

– А вот и «Аврора»! – крикнул Холмс. – Отличный у нее ход. Эй, там, внизу, полный вперед! Следуйте за тем катером с желтым огнем. Я не прошу себе, если он уйдет от нас!

«Аврора» незаметно выскользнула из дока и, набирая скорость, прошла за маленькими суденышками, так что, когда мы увидели ее, она уже мчалась на всех парах. Она уходила вниз по реке, держась берега. Быстроходность ее была поразительна. Джонс посмотрел на нее с тревогой.

– Очень лихо идет, – сказал он. – Нам ее не догнать.

– Должны догнать! – проговорил Холмс, стиснув зубы. – Не жалейте угля! Выжмите из машины все, что можно. Пусть лучше сгорит катер, чем они уйдут от нас!

Теперь мы шли прямо на них. Огонь в топках гудел, мощная машина стучала, как огромное металлическое сердце. Острый отвесный нос лодки, как ножом, рассекал спокойную воду, посылая влево и вправо две круглые, длинные, тугие волны. В такт машине вся лодка вибрировала и вздрагивала, как живое существо. Желтый фонарь на носу бросал вперед длинный мерцающий столб света. Впереди нас бежало по воде темное пятно – это была «Аврора». Вихрь белой пены за ней свидетельствовал о скорости, с какой она шла. Мы проносились мимо барж, пароходов, торговых парусников, обгоняя их слева и справа. Из темноты доносились громкие голоса, а «Аврора» все уходила вперед, и мы висели у нее на хвосте.

– Наддайте ходу! – крикнул Холмс, заглянув в машинное отделение; яркое пламя осветило снизу его напряженное орлиное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.